

Московский государственный университет
путей сообщения
Императора Николая II

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 2(61)

Март–Апрель

Москва
2017

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), , Евлаев А.Н. (ответ-
ственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор),
Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор)
Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

**ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура:** научный и социокультурный журнал //
М.: МГУ ПС (МИИТ), 2017. – Вып. №2 (61). – .169 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich
Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor,
Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir
Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy
Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Liliya
Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.):
scientific and socio-cultural journal: M.: MGUPS (MIIT), 2017. – Edition
№2 (62). – 169 p.

The scientific and sociocultural magazine «P.O.I.S.K.» is included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals and editions of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of February 19, 2010 No.6 / 6 (revised version dated October 22, 2010).

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Moscow State University of Railway Engineering of Emperor
Nicholas II (MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матая Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Dmitriev A.V.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S.

Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Lebedev S.N.

Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature

Markovich Danilo

Academician, member of the Serbian Academy of Education, a foreign member of the Russian Academy of Education, Belgrade, Serbia

Marshak A.L.

Senior Researcher of Institute of Sociology, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

- Mironov A.V.** Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Narbut N.P.** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

НАРБУТ Н.П./ АРШИНОВА А.И.	Сравнительные исследования в социологии: «статус» и методические проблемы.....	12
-------------------------------	--	----

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ЛОСКУТОВА И. М. СИНЯЕВ М. В.	Социодинамика концепта социального государства в современном обществе: социологический анализ.....	25
СЕМЧЕНКОВ А.С.	Дестабилизация политической обстановки в современных государствах: технологические аспекты.....	34
ФЕДЯКИН А.В. ФЕДЯКИН И.В.	Сбалансированное и устойчивое развитие регионов – стратегический курс российского государства.....	44

РУССКИЙ МИР

КСЕНОФОНТОВ В.В.	К вопросу о пространственно-временном критерии русского мира.....	59
------------------	---	----

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

АНИСИМОВА Т.Г.	Социальное управление мониторингом адаптации студентов высшей школы.....	69
КОВЗИРИДЗЕ М.А.	Методологические подходы к определению мотивации профессиональной деятельности в социологии.....	82

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РАЗИНКОВА О.И.	Отношение к явлению смерти в социокультурном пространстве современного общества.....	90
----------------	--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

ЮДИНА Т.Н. ХИЦКОВ Е.Н. ДОЛГОРУКОВА И.В. МАЗАЕВ Ю.Н.	Качество информационно-библиотечных услуг: социологическое измерение.....	98
--	---	----

АСПЕКТЫ

САМОЙЛОВ С.Ф.	Жизненная стратегия человека как предмет социально-онтологического исследования.....	119
СВЕТИКОВ С.А.	Теоретическая определенность экстремизма в современном обществе.....	130

КУЗЬМЕНКО И.С.	Солидарность в современном мире: проблемы и перспективы исследования.....	138
ДЕМЕНТЬЕВ С.А.	Системообразующий характер информационной глобализации в становлении нового социума – социума информационной эпохи.....	146
ГОЛОВИН Ю.А.	Возрастание роли НКО в развитии и управлении гражданской активностью в Ярославской области.....	154
<i>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....</i>		<i>165</i>

CONTENTS

QUESTIONS OF THEORY

- NARBUT N.P.
ARSHINOVA A.I. Comparative studies in sociology: 'Status'
and methodological challenges..... 12

POLITICS AND SOCIETY

- LOSKUTOVA I. M.
SINYAEV M.V. Sociodynamics of the concept of the social
state in modern society: a sociological analy-
sis..... 25
- SEMCHENKOV A.S. Destabilization of political situation in mod-
ern countries: technological aspects..... 34
- FEDJAKIN A. V.
FEDJAKIN I.V. Balanced and sustainable development of
regions – the strategic course of the Rus-
sian state..... 44

RUSSIAN WORLD

- KSENOFONTOV V. V. To the question of spatial-temporal criteria
of the Russian world..... 59

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- ANISIMOVA T.G. Social management of students adaptation
monitoring of high school..... 69
- KOVZIRIDZE M.A. Methodological approaches to definition
motivation professional activity in Sociology..... 82

POINT OF VIEW

- RAZINKOVA O.I. Attitude to the phenomenon of death in the
sociocultural space of modern society..... 90

CULTUROLOGICAL PRACTICES

- JUDINA T.N.
HICKOV E.N.
DOLGORUKOVA I.V.
MAZAEV JU.N. Sociological measurement of the qual-
ity of library information services..... 98

ASPECTS

- SAMOJLOV S.F. Life strategy of a person as a subject of
socio-ontological studies..... 119
- SVETIKOV S.A. Theoretical definiteness of extremism
in modern society..... 130
- KUZ'MENKO I.S. Solidarity in the modern world:
prob-lems and perspectives of a re
search..... 138

DEMENT'EV S.A.	Systemically nature of information globalization in the formation of a new society - a society of the information age.....	146
GOLOVIN JU. A.	An increased role of the Non-for Profit Organisations in shaping and supporting civil activity in the Yaroslavl Oblas.....	154
<i>RULES OF PUBLICATION</i>		165

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

QUESTIONS OF THEORY

НАРБУТ
Николай Петрович,
д. социолог. н., профессор,
Российский университет
дружбы народов,
Москва, Россия
narbut.n@mail.ru

NARBUT Nikolai Petrovich,
Doctor of Sociological
Sciences, professor, RUDN
University,
Moscow, Russia
narbut.n@mail.ru

АРШИНОВА Алена Игоревна,
к. полит. н., Российский уни-
верситет дружбы народов,
Москва, Россия
narbut.n@mail.ru

ARSHINOVA Alena Igorevna,
Candidate of Political Sciences
RUDN University,
Moscow, Russia
narbut.n@mail.ru

Сравнительные исследования в социологии: «статус» и методические проблемы¹/Comparative studies in sociology: ‘Status’ and methodological challenges

Аннотация

Отмечая поразительную популярность сравнительных исследований в современной эмпирической социологии, авторы подчеркивают все еще неоднозначный статус данного типа проектов. Основная причина тому – нерешенность или же разнообразные версии решения принципиальных для сопоставительного анализа проблем. Речь идет не столько об отсутствии единых критериев номинации разных форматов исследовательской работы в рассматриваемом предметном поле, сколько о наличии множества интересных авторских предложений, а также их последующих модификаций на этапах сбора и анализа данных, которые, тем не менее, не гарантируют избегания систематических смещений и не обеспечивают эквивалентность данных. Авторы рассматривают разные

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ. Грант №15-03-00573.

виды эквивалентности и называют сложившиеся с момента зарождения сравнительной исследовательской ориентации в социологии подходы к ее обеспечению.

Ключевые слова

Сравнительные исследования; ценностные ориентации; методики измерения; эквивалентность данных; качественный и количественный подходы.

Abstract

The authors underline the striking popularity of the comparative studies in the empirical sociology today, which, however, does not change the still ambiguous status of this type of research projects in the discipline. The main reason for such an ambiguous position of the comparative orientation is a number of unresolved problems, or various solutions for the problems of fundamental importance for the comparative analysis. The authors believe that the lack of common criteria for the nomination of different formats of comparative research is less important than the search for criteria for selection among many interesting methodological approaches, and among their various subsequent modifications at the stages of data collection and analysis. Moreover, even the clear criteria for such a selection do not protect researchers from systematic biases and do not guarantee the data equivalence. The authors consider different types of equivalence and various approaches to ensure it that have developed since the emergence of the comparative orientation in empirical sociology.

Keywords

Comparative studies; value orientations; methods of measurement; equivalent data; qualitative and quantitative approaches.

В современной социологии сравнительные исследования, с одной стороны, стали вполне устоявшимся названием разных форматов сопоставительной эмпирической оценки ценностных ориентаций разных социально-демографических и поколенческих групп. С другой стороны, данное понятие все еще содержательно размыто: в одних исследованиях, когда речь идет о внутристрановом сравнении неких показателей, оно, как правило, не выносится в название проекта; в других исследованиях, когда проводятся межстрановые сопоставления, в названии проекта чаще используется словосочета-

ние «кросс-культурный анализ». Однако и кросс-культурные исследования совершенно необязательно «подразумевают охват более чем одной культуры (страны или общества), ...но если дело обстоит именно так, то исследователи склонны имплицитно трактовать собственную культуру как норму, а все остальные – как ее вариации...»¹, т.е. и под «вывеской» кросс-культурного проекта далеко не всегда скрывается сравнительный межстрановой анализ.

Тем не менее, сегодня понятие «кросс-культурное исследование» широко используется в эмпирической социологии для обозначения общей сопоставительной ориентации проекта. Сравнительное исследование шире по содержательному наполнению, чем кросс-культурный проект: несмотря на схожую ориентацию, второе понятие фокусируется на сравнении разных социокультурных систем, а не любых объектов (социально-демографических групп). Объединяет разные варианты сопоставительного анализа то, что он преимущественно базируется на количественных данных: примеры применения качественного подхода редки, поскольку позволяют скорее оценивать адекватность неких гипотез конкретным социокультурным контекстам, чем верифицировать их². Тем не менее, «исследователи, реализующие кросс-культурный анализ, ...вынуждены балансировать на тонкой грани между объективистской и субъективистской трактовками человеческой жизни..., стремясь синтезировать эти позиции»³.

Проблема сегодня в большей степени состоит не в поиске наиболее точных дефиниций, а в понимании возможностей и ограничений сопоставительного подхода в социологии в целом. Некритическое применение какой бы то ни было номинации не может серьезно повлиять на надежность и валидность эмпирических данных, если не нарушены правила научного метода, но для корректной интерпретации данных необходимо понимать возможности и ограничения сравнительного подхода. Речь идет исключительно о его внутренних проблемах, а не о внешних, таких как, скажем, колебания его популярности⁴: как правило, взаимодействие социологических институций со структурами государственного или регионального управле-

¹ Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // Social Science Information. 1967. Vol.6. No.7. P.7.

² См., напр.: Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M. The Moscow School of quantitative cross-cultural research // Cross-Cultural Research. 2003. Vol.37. No.5.

³ de Munck V.C. Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal // Anthropological Theory. 2002. Vol.2. No.5. P.16.

⁴ См., напр.: Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №4.

ния в целях социального планирования и прогнозирования, т.е. политизация исследовательской повестки дня, существенно снижает заинтересованность в кросс-культурных сопоставлениях и глубоком анализе ситуации с применением качественного подхода (управленцы высокого уровня мыслят широкими обобщениями и оперируют большими цифрами). Или же о таком «внешнем» аспекте сопоставительного анализа, как признание его важности и необходимости – таковые не ставятся под сомнение, особенно когда речь заходит о векторах трансформации мировоззренческих доминант и социальных установок тех или иных когорт или групп. Это подтверждают такие широко известные сравнительные проекты, как Всемирное исследование ценностей – World Values Survey¹, Европейское социальное исследование – European Social Survey² и др. Первое призвано оценивать «изменения в моральных и социальных ценностях людей в современном мире, ...представлений о смысле и предназначении жизни»; второе – «измерять и интерпретировать изменения установок, ценностей и моделей поведения населения Европы, показывая их зависимость от социальных, экономических и политических условий»³.

Сравнительные исследования в социологии активно развиваются с 1940-х годов вследствие «восстановления международного сотрудничества после разрушительной Второй мировой войны...; развития международных организаций и ...постепенной глобализации общественных проблем»⁴. Если в 1940-е годы сравнительные исследования преимущественно ориентировались на оценку представлений стран друг о друге, то с 1960-х годов начинается эпоха разных по тематике многолетних трендовых исследований в разных регионах мира, а с 1970-х годов – институционализация сравнительных исследований и ставится задача сохранения и каталогизации архивов социологических данных. За прошедшие годы были предприняты многочисленные попытки структурировать поле сравнительных исследований, но наиболее успешными нам представляются классификации сравнительных проектов по типу объектов (межстрановые обследования населения нескольких стран и кросс-культурные исследования), количеству объектов (двусторонние, региональные и всемирные), числу замеров (точечные и трендовые), цели (акаде-

¹ World Values Survey // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>.

² European Social Survey // URL: <http://www.ess-ru.ru>.

³ Андрееенкова А.В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. №3. С. 126.

⁴ Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // Social Science Information. 1967. Vol.6. No.7. P.7.

мические, маркетинговые, изучение общественного мнения) и методическим решениям (массовые опросы, анализ документов, фокус-группы, наблюдения или вторичный анализ эмпирических данных).

Хотя перечисленные виды исследований не однозначны в том смысле, что как их номинации, так и суть проектов подвергается критике, все же основная методологическая проблема сопоставительных проектов – обеспечение эквивалентности¹, т.е. унифицированной концептуализации и операционализации базовых понятий, единых методик сбора и анализа данных, построения выборок по единой модели и т.д. Кроме того, поскольку речь идет о едином (в той или иной степени стандартизированном) инструментарии, возникает проблема и его лингвистической эквивалентности для говорящих на разных языках респондентов. Более предпочтительный и широко используемый вариант обеспечения лингвистической эквивалентности предполагает последовательную работу исследовательских команд с инструментарием, т.е. одна группа разрабатывает базовую анкету, которая затем переводится на другие языки. Менее предпочтительный вариант разработки инструментария сравнительных проектов предполагает параллельное создание опросного листа одновременно на нескольких языках или же совмещение элементов последовательного и параллельного способов создания базовой анкеты, когда исходный вариант опросного листа становится основой для адаптаций, доработки и апробации региональных его версий в местных условиях. Иной вариант обеспечения эквивалентности, надежности и валидности данных сравнительных исследований состоит в том, чтобы открыто публиковать сведения обо всех этапах их реализации, включая методы организации проекта, принципы контроля качества данных, региональные сценарии разработки и перевода анкет, этапы выборочной процедуры, подходы к документированию проекта, создание межстрановой исследовательской инфраструктуры и т.д.

В эмпирической социологии многообещающей и важной с прикладной точки зрения сферой развития сравнительных исследований должно стать изучение ценностных ориентаций молодых поколений. Отчасти мы наблюдаем эту тенденцию и сегодня, однако в фокусе крупнейших международных проектов все же находятся сложные по структуре выборки, охватывающие все социально-демографическое разнообразие современного общества, а не отдельно молодежь и/или студенчество как особая его подгруппа. Другое значимое огра-

¹ Андрееenkova A.B. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. №3. С. 138.

ничество нынешних сравнительных исследований состоит в том, что они преимущественно ориентированы на сопоставление объективных показателей, т.е. разных обществ с точки зрения половозрастного состава поколенческих когорт, их материального положения, уровня образования, профессиональной занятости и пр., тогда как наибольший интерес для социологии все же представляют субъективные мнения и оценки. Данное ограничение легко объяснимо: к сожалению для социологических прогнозов, люди не всегда поступают согласно декларируемым ценностям, особенно если таковые считаются в обществе обязательным руководством к действию и абсолютной социальной нормой.

В силу сложности диагностики ценностного многообразия современного общества теория ценностей (это обозначение условно, но стало устойчивым в научном дискурсе) носит выраженный междисциплинарный характер: изучением ценностных ориентаций занимаются экономисты, психологи, политологи, демографы и, конечно, социологи, которых интересует, в первую очередь, усвоение субъектами ценностных императивов в ходе социализации и их претворение в конкретных поведенческих действиях, исходя из накопленных за годы жизни знаний, конкретной эмоциональной реакции и ситуативного контекста действия. Впрочем, еще М. Рокич отметил, что прогнозировать поведение индивида, исходя из декларируемых им ценностей, сложно, поскольку социальный актор может в разной степени ориентироваться и на объект, и на ситуацию, что порождает расхождения между поведением и словами¹. Поэтому Рокич разделил ценности на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства), которые следует диагностировать в ходе опроса одновременно, ранжировать на этапе обработки данных также вместе, но анализировать итоговые иерархии ценностных приоритетов все же по отдельности.

На сегодняшний день оформилось множество концепций ценностей, каждая из которых определяет особые методические возможности социологического анализа ценностных ориентаций. Одной из наиболее популярных концепций считается теория Р. Инглхарта², который зафиксировал межгенерационный сдвиг современности, изучая материалистические и постматериалистические ценности в кросс-культурном контексте современности/постмодерна. Согласно Инглхарту, нынешние поколения по своим мировоззренческим доминантам отличаются от предшественников по двум основ-

¹ Rokeach M. The nature of Human Values. N.Y., 1973.

² Inglehart R. Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. Vol.31.

ным причинам: с одной стороны, приоритеты индивида всегда отражают состояние окружающей его социально-экономической среды; с другой стороны, эта среда не оказывает на ценностные ориентации человека прямое и непосредственное влияние, потому что социализационный механизм каждого нового поколения основывается на ценностях родительских поколений, что и определяет значимый временной лаг в изменении мировоззренческих приоритетов¹.

Несмотря на эмпирические подтверждения, концепция Инглхарта нередко подвергается критике за содержательные акценты, в частности, за идею перехода современного общества к ценностям постматериалистического характера. Аналогичным нападениям подвергаются многие попытки выстраивания сложных теоретических объяснений на основе больших массивов эмпирических данных (можно вспомнить, например, модель «советского человека» Ю.А. Левады). В большей безопасности от критики оказываются менее теоретически нагруженные и, как правило, количественные модели сопоставительного анализа ценностных ориентаций, среди которых можно назвать методику трех групп культурных ценностей К. Клакхона, методику пяти оснований ценностей и выбора из альтернатив Ф. Клакхона и Ф. Стродтбека, проективную методику и выбор из альтернатив Ф. Тромпенаарса, изучение корпоративных ценностей Г. Хофштеде, методику «13 способов жизни» С. Морриса, методику оценки содержания и структуры ценностей по высказываниям Ш. Шварца, метод парных сравнений А. Эдвардса и др.

Сегодня исследователи не борются за «чистоту» метода и вариативно сочетают элементы разных ранее апробированных методик в массовых опросах, поскольку многие исходные методические решения слишком объемны и громоздки, что порождает применение различающихся списков ценностей и, соответственно, недоступные для сопоставлений результаты. Тем не менее, у нас нет иного выхода, кроме как, исходя из тематических акцентов эмпирического проекта, модифицировать некие исходные списки ценностей, сокращая их до необходимого именно нам базового набора наиболее важных для нашего исследования (очевидно, что наборы ценностей для изучения здорового образа жизни, патриотического настроения или образовательных траекторий будут принципиально иными). Ряд исследователей² полагает, что оптимальный инструментальный сравнительного исследования должен сочетать элементы качественно-

¹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // Политические исследования. 1997. №4. С. 11.

² См., напр.: Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. №1.

го и количественного подходов. Второй обеспечивает проекту возможность количественной оценки и масштабных обобщений, тогда как первый предоставляет респондентам некоторую свободу самовыражения и объяснения своих ценностных выборов. Безусловно, сочетание элементов качественного и количественного подходов в сравнительном, особенно межстрановом, проекте – крайне сложная задача, и реализовывать ее имеет смысл на небольших группах, а не в массовых репрезентативных опросах.

На этапе анализа данных сравнительного исследования мы сталкиваемся с еще одной проблемой – сопоставления индексов и переменных¹, т.е. обеспечения эквивалентности измерений. Данная проблема обусловлена тем, что в подобного типа проектах нас интересуют, в первую очередь, различия ценностных ориентаций обследованных выборок, однако расхождения в ответах респондентов могут свидетельствовать не только о реальных различиях их мировоззренческих схем, но и быть реакцией на вопросы и варианты ответов, порождающей систематические смещения. Чтобы быть уверенными в том, что по результатам исследования мы действительно обнаружили значимые различия, а не систематические смещения, необходимо оценивать эквивалентность измерений, для чего обычно применяется многогрупповой факторный анализ², «обычный конфирматорный факторный анализ..., а затем оценка различий и сходств структур латентных конструкторов в разных группах респондентов»³. Помимо факторного анализа используются и другие методы проверки эквивалентности, скажем, оценка приближительной эквивалентности измерений посредством проверки близости разности параметров к нулю. Крайне редко, по причине своей трудоемкости, в сравнительных исследованиях применяется метод, не связанный с математическими расчетами, – когнитивное интервью с респондентами по поводу анкеты, позволяющее идентифицировать смысловые и культурные различия.

Для обеспечения надежности и валидности данных в сравнительных исследованиях классические методики диагностики ценностных ориентаций, разработанные в прошлые десятилетия, подвергаются различным модификациям не по причине своего устаревания,

¹ Руднев М.Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. №37.

² Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research // Annual Review of Sociology. 2014. No.40.

³ Руднев М.Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. №37. С. 11.

а для учета нынешнего социокультурного контекста и, тем самым, повышения качества данных. Например, Ш. Шварц разработал «Портретный опросник», в котором респонденты должны оценить 21 «портрет» по шкале от «очень похож» до «совсем не похож», а затем полученные данные подвергаются факторному анализу, чтобы выделить 10 ценностных типов по 4 ценностным категориям – «открытость изменениям», «сохранение», «забота о природе и людях» и «самоутверждение»¹. Российские исследователи полагают, что данный опросный инструментарий позволяет надежно дифференцировать только 7 ценностей из 10, поэтому укрупнили индексы, сохранив 4 исходные ценностные категории²: «сохранение» включило в себя «безопасность», «конформность-традицию» и «открытость изменениям», «самоутверждение» – «достижение-власть-богатство», «забота о людях и природе» – «благожелательность» и «универсализм». Применение модифицированной методики в исследовании четырех постсоветских стран – России, Украины, Эстонии и Латвии – показало, что, например, по ценности «безопасность» Россия и Украина близки друг другу, для населения наших стран это главная ценность; по ценности «традиция-конформность» лидирует Украина, а ценность «самостоятельность» наиболее выражена в Эстонии.

Таким образом, кросс-культурные проекты и сравнительная ориентация в принципе, опираясь преимущественно на количественный подход, предоставляют исследователям значимые познавательные преимущества, но в то же время подвержены серьезным проблемам на этапах измерения и интерпретации данных. Эти проблемы взаимосвязаны, потому что наши интерпретационные возможности определяются тем, с помощью каких методических приемов были собраны данные и какие концептуальные и операциональные определения обусловили выбор инструментария исследования. Нерешенность этих проблем объясняется, во-первых, сложностью эмпирической реализации сравнительной ориентации в социологии в связи с подвижностью объекта изучения и неустойчивостью границ предмета интереса, которые крайне сложно «измерить» с помощью приемов количественного или качественного подхода; во-вторых, игнорированием методологических проблем сравнительного анализа, поскольку в последние десятилетия исследователи в большей

¹ Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol.32. No.5.

² Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. 2010. №3.

степени озабочены организационными и процедурными, а не концептуальными и методическими аспектами сравнительных исследований.

Последнее обстоятельство отчасти порождено «дурной верой» в то, что формализация и стандартизация (например, анкетирование вместо фокус-групповых дискуссий) – решение всех методических проблем, особенно когда необходимо «экспортировать» апробированный в одной стране опросный инструментарий в другой социокультурный контекст. Эта «дурная вера» обеспечивает приятное чувство безопасности от ошибок и критики, которое обманчиво, потому что основано на убеждении, что идентичные стимулы (формулировки вопросов и ответов) функционально эквивалентны во всех странах и культурах, что не всегда соответствует действительности: даже, казалось бы, нейтральные характеристики, такие как возраст, пол, образование или профессия, могут иметь разное значение (скажем, «статус» человека на пенсии или безработного в странах Западной и Восточной Европы очень различается вследствие разной социально-экономической ситуации).

Сама по себе стандартизация в сравнительных исследованиях – приемлемое и эффективное решение, но с ограниченным спектром действия. Во-первых, она работает только применительно к ограниченному перечню показателей, таких как профессия, образование, доход, этническая принадлежность и ряду других демографических переменных. Во-вторых, даже если в сравнительном исследовании нас интересует только этот короткий перечень подчиняющихся стандартизации показателей, у нас нет гарантий, что стандартизация сохранится при переводе инструментария на другой язык (что будут обеспечены синтаксическая, семантическая и прагматическая эквивалентность перевода), преодолеет языковые барьеры и культурные различия и позволит получить сопоставимые и надежные данные. Гарантировать все это в социологических проектах сложно, потому что очевидным в теории правилам стандартизации трудно следовать на практике: находить наиболее общее определение измеряемой переменной; проверять соответствие этого определения социокультурным особенностям каждой страны, участвующей в сравнительном проекте; определять содержательную структуру переменной в каждой стране и сопоставлять сходства и различия этого содержания в разных культурах; разрабатывать систему эмпирических индикаторов и принимать решение, будут ли для их измерения в разных странах использоваться одни и те же методики сбора и/или анализа данных; проверять понятность выбранного инструментария для респондентов в ходе пилотажа и т.д.

В целом сегодня можно говорить об относительно успешном решении проблемы корректного перевода инструментария в сравнительных исследованиях (за счет фокусировки на функциональной эквивалентности, а не на дословном переводе) и о достижении социологическим сообществом столь же относительного консенсуса в согласовании процедур сбора, анализа и презентации данных сравнительных проектов. Однако столь важные достижения не отменяют необходимости кропотливой работы над решением (а отчасти даже над корректной постановкой) целого ряда важных методологических проблем, обозначенных в статье.

Библиография

1. Андреевкова А.В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. №3.
2. Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. №1.
3. Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: 4М. 1997. №9.
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. №4.
5. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. 2010. №3.
6. Руднев М.Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. №37.
7. Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №4/
8. Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research // Annual Review of Sociology. 2014. No.40.
9. de Munck V.C. Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal // Anthropological Theory. 2002. Vol.2. No.5.
10. European Social Survey // URL: <http://www.ess-ru.ru>.
11. Inglehart R. Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. Vol.31.

12. Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M. The Moscow School of quantitative cross-cultural research // Cross-Cultural Research. 2003. Vol.37. No.5.

13. Rokeach M. The nature of Human Values. N.Y., 1973.

14. Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // Social Science Information. 1967. Vol.6. No.7.

15. Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol.32. No.5.

16. World Values Survey // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>.

References

Andreenkova A.V. Intercountry comparative studies in social sciences: methodology, stages of development, current state [*Mezhstranovye sravnitel'nye issledovanija v social'nyh naukah: metodologija, jetapy razvitija, sovremennoe sostojanie*] // World of Russia. - 2011. - Iss. 3.

Geiger A.E. Identification of individual and group values in a group of young people: relevant methodological solutions [*Vyjavlenie individual'nyh i gruppovyh cennostej v gruppe molodezhi: relevantnye metodicheskie reshenija*] // Sociological research. – 2010. – Iss.1.

Emelyanenko TV Methods of intercultural research of values [*Metody mezhkul'turnyh issledovanij cennostej*] // Sociology: 4M. – 1997. – Iss. 9.

Inglhart R. Postmodern: changing values and changing societies [*Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva*]// Political Studies. – 997. – Iss. 4.

Magun VS, Rudnev MG. Basic values of Russians in the European context (article the first) [*Bazovye cennosti rossijan v evropejskom kontekste (stat'ja pervaja)*]// Social sciences and the present. – 2010. – Iss. 3.

Rudnev M.G. Invariance of measurement of basic values according to the Schwarz method among the Russian-speaking population of four countries [*Invariantnost' izmerenija bazovyh cennostej po metodike Shvarca sredi russkojazychnogo naselenija chetyreh stran*]// Sociology: – M.: – 2013. – Iss. 37.

Trotsuk IV, Savel'eva E.A. Comparative studies of value orientations: opportunities, limitations, the logic of development [*Sravnitel'nye issledovanija cennostnyh orientacij: vozmozhnosti, ogranichenija, logika razvitija*] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series «Sociology№». – 2015. – Iss. 4.

Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research // *Annual Review of Sociology*. - 2014. - No.40.

de Munck V.C. Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal // *Anthropological Theory*. 2002. Vol.2. No.5.

European Social Survey // [electronic resource]. Access mode: <http://www.ess-ru.ru>.

Inglehart R. Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol.31.

Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M. The Moscow School of quantitative cross-cultural research // *Cross-Cultural Research*. 2003. Vol.37. No.5.

Rokeach M. *The nature of Human Values*. N.Y., 1973.

Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // *Social Science Information*. 1967. Vol.6. No.7.

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol.32. No.5.

World Values Survey // [electronic resource]. Access mode: <http://www.worldvaluessurvey.org>.

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ЛОСКУТОВА

*Ирина Мироновна,
д. социол. н., Московский
педагогический государствен-
ный университет (МПГУ),
Москва, Россия*
loskutova07@yandex.ru

LOSKUTOVA

*Irina Mironovna,
Doctor of Sociological
Sciences, Moscow State
Pedagogical University (MPGU),
Moscow, Russia*
loskutova07@yandex.ru

СИНЯЕВ

*Максим Викторович,
к. полит. н., Московский
педагогический государствен-
ный университет (МПГУ),
Москва, Россия*
sinyaevmax1@rambler.ru

SINYAEV

*Maxim Viktorovich,
Candidate of Political Sciences,
Moscow State Pedagogical
University (MPGU),
Moscow, Russia*
sinyaevmax1@rambler.ru

Социодинамика концепта социального государства в современном обществе: социологический анализ/ Sociodynamics of the concept of the social state in modern society: a sociological analysis

Аннотация

В статье проведен социологический анализ эволюции концепта социального государства, анализируются социальные и политические конфликты и риски, приведшие к возникновению феномена социального государства. Авторы приходят к выводу, что в современном обществе феномен социального государства в Западной Европе переживает теоретический и практический кризис, что во многом связано с трансформацией природы социального.

Ключевые слова

Социальное государство; социальные конфликты; социальные риски; социодинамика.

Abstract

The article is a sociological analysis of the evolution of the concept of the social state, the authors analyze the social and political conflicts and risks that led to the emergence of the phenomenon of the social state. The authors come to the conclusion that in modern society, the phenomenon of the social state in Western Europe is undergoing a theoretical and practical crisis that is largely associated with the transformation of the nature of the social.

Keywords

Socialstate; socialconflicts; socialrisks; sociodynamics.

Феномен социального государства уже давно находится в центре дискуссий современных авторов, работающих в таких разделах современного социогуманитарного знания, как социология, политология, политическая философия, история и т.д. Ключевым для понимания этого феномена, причин, его породивших и факторов, влияющих на его эволюцию, является само понимание государства как базового социального и политического института последних нескольких тысячелетий эволюции человеческого общества. Само появление института государства было связано с необходимостью решения следующих проблем:

1. Поддержание коллективной собственности на определенную территорию.
2. Поддержание определенной властно-экономической иерархии.
3. Поддержание определенной системы координации всеобщих усилий для решения проблем, сложность и значимость которых радикально превосходят усилия отдельного индивида.

Институт государства был далеко не единственным вариантом ответа на эти вопросы. Так, известно достаточно длительное существование потестарных обществ, однако именно институт государства смог решить эти проблемы лучше, чем альтернативные ему структуры и институты¹. Из этого следует, что институт государства является исторически преходящим явлением и подвержен измене-

¹ Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.

ниям, связанным с эволюцией общества. Изменения общества приводят и к изменениям в государстве.

Сама идея социального государства является плодом длительной исторической эволюции. Только превращение подданных в граждан открыло возможность появления нового типа государства – социального государства. По сути социальное государство – это трансформация института государства применительно к условиям изменившегося индустриального общества. Переход от статичной аграрной цивилизации к высокодинамичной индустриальной цивилизации привел к целому ряду следствий. Во-первых, ускорение социального развития сделало бесполезным социальную традицию как поведенческую модель, ситуации менялись слишком быстро и редко повторялись, чтобы можно было получить какие-то заметные конкурентные преимущества от следования традиции.

Во-вторых, возросла конфликтогенность общества: в системе сложного РОТ будущее людей и их благосостояние в большей мере зависело от других людей, чем от природных факторов, как это было в аграрной цивилизации – отсюда начала усиливаться конфликтная динамика общества.

В третьих, будучи сложной социальной системой, индустриальное общество в любой момент своего существования содержало в себе больше связей и элементов, чем это было необходимо для его нормального функционирования, таким образом потенциально это общество всегда содержало в себе возможность кардинальной трансформации – это влекло за собой различные риски для участников социальных отношений. Новая социальная реальность имела принципиально рискогенную природу, эта рискогенность была не временным отклонением от нормы, она была имманентно присуща этой реальности.

Так как любое общество строится на принципах иерархии, то очевидно, что все плюсы нового социального порядка сконцентрировались на самом вершуп управленческой пирамиды, а минусы и риски стали концентрироваться внизу. На определенном этапе развития социальной системы эти риски и минусы начали угрожать стабильности системы в целом. Тогда возникла потребность в существовании каких-то структурных институтов, которые могли бы минимизировать негативные последствия функционирования социальной системы.

Одним из вариантов решения этой проблемы стал концепт социального государства. Сама идея социального государства имеет длительную историю и прошла несколько этапов своего развития – начиная с первых еще нечетких представлений о необходимости со-

вершенствования социальных отношений в духе братства и взаимопомощи, которые мы находим в работах античных авторов, в первую очередь Платона и Аристотеля¹.

В дальнейшем эти идеи обсуждались и развивались в ходе эволюции социальных идей просвещения в работах целого ряда европейских авторов².

Говоря о современном этапе развития этого концепта, мы должны отметить, что эволюция концепта происходит не сама по себе, а связана с решением ряда социальных проблем. Тут уместно вспомнить о концепции научно-исследовательских программ И. Лакатоса³. Согласно этой концепции, развитие науки представляет собой конкуренцию и взаимодействие целого ряда научно-исследовательских программ, каждая из которых пытается в той или иной мере решить ряд проблем социальной и научной жизни. Каждая программа состоит из ядра, то есть ряда базовых, не подвергаемых сомнению положений, своего рода научных аксиом; защитного пояса – различных вспомогательных гипотез, своего рода изменений и заплаток, которые образуются каждый раз, когда теория сталкивается с какими-либо фактами, противоречащими аксиомам, лежащим в ее ядре. До тех пор пока защитный пояс справляется со своими задачами, программа существует и развивается, в то время как разрушение пояса обычно ведет и к уничтожению ядра. Самым главным итогом научной деятельности является создание научных теорий, наделенных предсказательной силой, способной прогнозировать будущие состояния тех или иных явлений. Рассматривая социальное государство как такую же научно-исследовательскую программу, мы можем отметить, что за время его существования неоднократно менялись взгляды на природу социального государства, что находило свое отражение в трактовках самого феномена социального государства.

Эволюция концепта социального государства была связана с целым рядом проблем общественной жизни, в основе этой эволюции лежали два аспекта – конфликты и риски. Доминирующие в обществе конфликты создавали целый ряд социальных проблем, которые

¹ Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 216 с. – (Научная мысль).

² Петров А.В., Жичкина С.Е. Формирование теории социального государства в работах классиков немецкой философии. Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 4 (359). – Право. Вып. 41. – С. 17–20; Сидорина Т.Ю. Истоки политики социального государства в теории общественного договора (Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббс и другие)// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Выпуск № 3 (29) – 2014.

³ Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический проект. – 2008.

в свою очередь и делали актуальной проблему создания технологий и институтов, способных ими управлять. Известные западные исследователи, работавшие в рамках политической социологии, С. Липсет и С. Роккан в свое время связали эволюцию западных партийных систем с эволюцией доминирующих в обществе конфликтов¹. Всего они выделяли четыре базовых конфликта:

1. Центр – периферия.
2. Церковь и государства.
3. Аристократия и буржуазия.
4. Собственники и наемные рабочие.

Заслуга С. Липсета и Роккана не в том, что они перечислили эти конфликты, о них знали и до них, а в том, что они взглянули на эти конфликты как на последовательно сменяющие друг друга этапы в политической эволюции западноевропейских стран.

Первый и второй конфликт были связаны с эпохой национальной революции (первый конфликт – это выбор устройства между механической империей и органической нацией-государством). Второй конфликт связан с индустриализацией, которая требовала денег, изымаемых из деревни, попутно индустриализация вела к урбанизации и секуляризации. Третий и четвертый конфликт связаны с эпохой промышленной революции. Третий конфликт был связан с переходом от экстенсивного развития к интенсивному, отсюда рост конкуренции, децентрализации в управлении экономикой. Четвертый конфликт был связан с актуализацией проблемы социального компромисса между собственниками и работниками.

Затем уже в 80-х годах XX века в эпоху торжества неоконсерваторов стали говорить о пятом конфликте между группами населения, занятыми в рыночном секторе, и теми, благополучие которых зависит от бюджета (налогоплательщики (крупные и мелкие собственники) и бюджетополучатели).

Для становления социального государства, его теории и практики особую роль, конечно же, играли два последних конфликта между собственниками и наемными рабочими, а также между налогоплательщиками и бюджетополучателями.

Другим принципиально важным фактором для становления социального государства был фактор социальных и политических рисков. С некоторых пор развитие индустриального социума достигло такого уровня сложности, что риск стал имманентным свойством социума.

¹ Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.) Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, pp. 1–61 New York: Free Press, 1967.

Под риском мы будем понимать реализацию определенных состояний системы, способных либо привести к ослаблению и разрушению системы, либо нанести какой-либо ущерб воспринимающему субъекту.

В какой-то мере это было платой за ускоренное развитие – высокодинамичное индустриальное общество было принципиально нестабильным. Под *нестабильностью* мы будем понимать потенциальную неустойчивость социальной системы в целом или ее отдельных элементов, явлений и процессов, являющихся следствием неоднородности, множественности связей внутри системы, их взаимообусловленного характера, разной скорости, плотности и интенсивности процессов, отношений и явлений внутри системы, сложности и относительно малой прогнозируемости развития современного социума в целом.

На определенных этапах развития социальной системы доминировали риски, носящие социально-экономический характер, во всяком случае, для основной массы населения, что подкреплялось тем, что центральное место занимал конфликт между предпринимателями и лицами наемного труда. В этой весьма специфической атмосфере и начинают формироваться первые концепты социального государства, в нашем случае представленные бисмарковской и социалистической моделью социального государства.

Со временем по мере усложнения общества происходит снижение роли социально-экономических рисков, конфликт предпринимателей и лиц наемного труда сначала дополняется, а затем и фактически замещается конфликтом налогоплательщиков и бюджетополучателей, что меняет как представление о функциях и целях социального государства, так и практические формы его деятельности.

На данный момент социальное государство находится в состоянии теоретического и практического кризиса в странах Западной Европы. Это связано с двумя базовыми факторами.

Первый фактор связан с тем, что социальное государство создавалось в значительной мере как ответ на определенную историческую ситуацию, и после изменения этой ситуации традиционные оппоненты идей социального государства, а судя по ряду их замечаний и идей «социального» вообще, пытаются отыграть ситуацию назад, апеллируя к сомнительной краткосрочной экономической эффективности. В условиях отсутствия идеологического противостояния с советским блоком и перемещением значительных объемов промышленного производства в страны третьего мира, противники социального государства начинают его фактический демонтаж в тех случаях, когда это можно сделать открыто, или же пытаются сделать

это в завуалированной форме – идея либерализации социального государства. Эта ситуация вполне очевидна, и ее развитие может быть смоделировано с должной мерой предсказуемости, так как действующие факторы не новы и изучаются современной наукой уже более столетия. Известны и ответные шаги сторонников идеи социального государства, в частности идея «основного» или гарантированного дохода¹.

Второй фактор носит намного более сложный и мало прогнозируемый характер. И он связан с развитием технологий и трансформацией природы социального. Сейчас мир стоит на пороге новой технологической эпохи, в свое время промышленная революция привела к отходу от феодальных монархий и замене их буржуазными республиками, отходу от циклической модели эволюции, урбанизации, стиранию границ между континентами, в том числе и к появлению социального государства. Сейчас мы стоим на пороге новой технологической эпохи, которая позволит вывести человека из непосредственного участия в производственных процессах, что предполагает новый тип экономики и, очевидно, политической и социальной структуры, серьезную трансформацию традиционных институтов, в том числе и социального государства.

Основная проблема здесь связана с тем, что социальное государство – это в значительной мере институт, созданный для того, чтобы дать ответ на сложившуюся в обществе систему социальных конфликтов и несколько минимизировать для широких масс населения последствия накапливающихся в высокодинамичных индустриальных обществах социальных рисков. Трансформация технологических возможностей человека открывает перед ним новые возможности и в то же время создает новые риски. Развитие коммуникационных технологий фактически трансформирует существующую систему властных отношений. Мы можем говорить о феномене распыления власти, когда навыки владения сетевыми интернет-коммуникациями позволяют нам осуществлять активизацию определенных социальных слоев. Риски социума становятся мало прогнозируемыми и малопросчитываемыми, так как источниками риска может быть уже не значительный социальный слой, основные характеристики и типичные модели поведения которого уже достаточно хорошо изучены, а отдельный индивид или небольшая группа, формирование которой носит статистически случайный характер. Складывается такая

¹ Уилан Кристофер Т., Мэтр Бертран. Тип государства благосостояния и различия социальных классов по уровню бедности и экономической уязвимости в Европе. Политический срез исторического процесса. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.

ситуация, когда онтологизируется новый источник риска – рядовой член социума, владеющий информационными и сетевыми технологиями. Риск связан не столько с тем, что какие-то отдельные элементы системы плохо выполняют свои функции, а с тем, что отдельный индивид считает необходимым трансформировать тот или иной сегмент социальной реальности без наличия каких-либо объективных причин подобного рода трансформации. Так как современный социум представляет из себя сложную систему, в которой уживаются сотни различных социальных групп со своими представлениями о том, что является допустимым, а что недопустимым, то появление таких субъектов – просто вопрос времени. Отсюда очевидно, что современное общество подвержено серьезным кризисам даже из-за рисков, возникающих на микроуровне этой системы, причем большая часть этих рисков может быть связана не с объективными проблемами, а исключительно с разностью восприятий тех или иных аспектов социального бытия. На данный момент не совсем понятно, какие трансформации должен претерпеть институт социального государства, чтобы в полной мере адекватно воспринимать подобного рода риски.

Библиография

1. Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*, pp. 1–61 New York: Free Press, 1967.
2. Петров А.В., Жичкина С.Е. Формирование теории социального государства в работах классиков немецкой философии. Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №4 (359). – Право. Вып. 41. – С. 17–20.
3. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.
4. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 216 с. – (Научная мысль).
5. Уилан Кристофер Т., Мэтр Бертран. Тип государства благосостояния и различия социальных классов по уровню бедности и экономической уязвимости в Европе. Политический срез исторического процесса. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.
6. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический проект. 2008.

7. Сидорина Т.Ю. Истоки политики социального государства в теории общественного договора (Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббс и другие)// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Выпуск № 3 (29). – 2014.

References

1. Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.) Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, New York: Free Press, 1967, pp. 1–61.

2. Petrov A.V., Zychkina S.E. Formation of the theory of the social state in the works of the classics of German philosophy [*Formirovanie teorii social'nogo gosudarstva v rabotah klassikov nemeckoj filosofii*]// Newsletter of Chelyabinsk State University, 2015. – №4 (359) – pp. 17–20.

3. Grinin L.E. State and historical process: Political section of the historical process [*Gosudarstvo i istoricheskij process: Politicheskij srez istoricheskogo processa*] M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 264 p.

4. Kochetkova L.N. Philosophical discourse on the social state: Monograph. [*Filosofskij diskurs o social'nom gosudarstve: Monografiya*] – Moscow: INFRA-M, 2016 – 216 p.

5. Whelan Christopher T., Maitre Bertrand. Type of welfare state and differences in social classes in terms of poverty and economic vulnerability in Europe. Political section of the historical process [*Tip gosudarstva blagosostojanija i razlichija social'nyh klassov po urovnju bednosti i jekonomicheskoj ujazvimosti v Evrope. Politicheskij srez istoricheskogo processa*] – Ed. 2 nd, corrected. And additional. – Moscow: The book house «LIBROKOM», 2009. – 264 p.

6. Lakatos I. Selected works on philosophy and methodology of science [*Izbrannye proizvedenija po filosofii i metodologii nauki*] – M.: Akademicheskijproekt, 2008.

7. 7. Sidorina T.Yu. The origins of the policy of the social state in the theory of the social contract (J.-J. Rousseau, T. Hobbes and others) [*Istoki politiki social'nogo gosudarstva v teorii obshhestvennogo dogovora (Zh.-Zh. Russo, T. Gobbs i drugie)*] // Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. – Iss. № 3 (29). 2014.

СЕМЧЕНКОВ
Андрей Сергеевич,
д. полит. н., профессор,
Московский государственный
университет путей сообщения
Императора Николая II (МИИТ),
Москва, Россия
andsem4@yandex.ru

SEMCHENKOV
Andrej Sergeevich,
Doctor of Political Sciences
Moscow State University of
Railway Engineering of Emper-
or Nicholas II (MIIT)
Moscow, Russia
andsem4@yandex.ru

Дестабилизация политической обстановки в современных государствах: технологические аспекты / Destabilization of political situation in modern countries: technological aspects

Аннотация

В статье представлен анализ моделей алгоритма дестабилизации социально-политических систем современных государств – управляемого хаоса и стратегии непрямых геополитических действий. Данный анализ показывает, что при всем разнообразии используемых в алгоритме политической дестабилизации технологий его основой, системообразующим элементом выступает модификация лоббистской коммуникации – прямого и опосредованного давления на власть, применяемого с учетом нелинейности развития ввергаемого в хаос общества. Учет нелинейности развития дестабилизируемой социально-политической системы проявляется в воздействии на нее в определенных критических точках (точках бифуркации, фазовых переходов, катастроф, скачков в развитии). Применительно к социально-политическим системам критическими точками, в которых ослабляются связи между элементами, выступают социально-экономические кризисы, социальные революции, сецессионные и гражданские, межэтнические и межконфессиональные конфликты, поражение в войне.

Ключевые слова

Политическая дестабилизация; технология; социально-политическая система; критическая точка.

Abstract

The article presents an analysis of models of modern social and political systems destabilization – controlled chaos and strategy of indirect geopolitical actions. The analysis demonstrates that despite the variety of technologies using in political destabilization its basis, backbone element is the modification of lobbying communication – the direct and indirect pressure on the government, taking into account the non-linearity of plunged into chaos society. Accounting non-linearity of destabilizing social and political system is manifested in the impact on the system in some critical points (points of bifurcation, phase transitions, catastrophes, leaps of development). In development of social and political systems the critical points, characterized by weakening of ties between there elements, are social and economic crises, social revolutions, secession and civil clashes, ethnic and interfaith conflicts, defeat in war.

Keywords

Political destabilization; technology; social and political system; critical point.

В исследованиях «цветных революций», внутригосударственных конфликтов, регулярных и иррегулярных войн уже сложились вполне определенные представления о динамике и содержании этапов дестабилизации обстановки внутри современных государств. Авторы отдельных концепций по данной проблематике предлагают не просто описание, но и объяснение с позиций подходов и идей различных общественных и естественных наук алгоритма применения технологий разрушения социально-политических систем.

Так, в разработанном на основе подходов из области военной теории, международных отношений, геополитики, политических процессов и технологий алгоритме социально-политической дестабилизации – **управляемом хаосе** А.А. Бартош выделяет два основных этапа – «цветную революции» и гибридную войну. Проведение мероприятий по дестабилизации в рамках данных взаимосвязанных этапов предполагает решение следующих задач: выявление точек уязвимости (объектов), воздействие на которые повлечет хаотизацию политического и военного управления в стране, социально-экономических структур и культурно-мировоззренческой сферы; поиск спонсоров нестабильности; определение протестных групп и их лидеров для участия в государственном перевороте, создание в столице и регионах опорных (боевых) групп для перехода к силовому этапу конфликта с властью; постановка целей, отвечающих требованиям протестных групп и способствующих делегитимации вла-

сти; формирование при помощи неправительственных организаций и фондов, подконтрольных масс-медиа, Интернет-коммуникаций сетей несистемной оппозиции и экстремистов для проникновения в регионы и организации беспорядков; боевая подготовка, военно-техническое и материальное обеспечение опорных групп для осуществления силовых акций.

«**Цветная революция**» – технология подготовки и проведения государственного переворота и перевода страны под внешнее управление в условиях искусственно инициированной политической нестабильности, когда осуществляется шантаж власти при помощи специально организованного протестного движения. Этап «цветной революции» предусматривает постепенную эскалацию давления на правящую элиту с последовательным использованием методов ненасильственного сопротивления, отказа от социального, экономического и политического сотрудничества с правительством, его дискредитации внутри и вне страны, парализации работы органов безопасности и армии, вплоть до провозглашения двойного суверенитета (протестующих и власти) и создания параллельного центра государственного управления.

Цветная революция является этапом невоенных действий, который предвещает применение различных компонентов «жесткой силы». Целесообразность использования технологий «цветных революций» часто заключается в их высокой эффективности при достижении политических и стратегических целей по сравнению с военными средствами. Однако данные технологии далеко не всегда позволяют протестному движению добиться уступок от правительства и смены власти ненасильственными средствами, что обуславливает переход от этапа «цветной революции» к этапу гибридной войны.

Гибридная война представляет собой необъявленные, тайные подрывные действия, в ходе которых государство-агрессор атакует структуры государственного управления, силы правопорядка и регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами (крупными предпринимателями, организованной преступностью, националистическими объединениями и сектами). В отличие от традиционной войны, гибридная война начинается на основе заранее подготовленной в ходе «цветной революции» нестабильной обстановки внутри страны-жертвы агрессии.

Гибридная война предполагает применение комплекса силовых и ненасильственных методов – использование регулярных войск и сил специальных операций, иррегулярных партизанских и террористи-

ческих формирований, кибернетические атаки, информационно-психологическое воздействие на общество, армию, правоохранительные органы с помощью современных коммуникационных технологий, торгово-экономические и финансовые санкции и ограничения, эмбарго, энергетическую блокаду и т.п. Организаторы гибридной войны стремятся в сжатые сроки привести к власти подконтрольные им оппозиционные силы и одновременно отстранить от нее правящую элиту страны. Основной силой в гибридной войне являются рядовые граждане. Наряду с ними действуют иностранные силы специальных операций, иррегулярные вооруженные формирования, в том числе принадлежащие к международным террористическим организациям и частным военным компаниям. В гибридной войне отсутствует явный внешний агрессор, что позволяет ему, не противореча нормам международного права, легально готовить и вести ее¹. Следует отметить, что последовательность «цветная революция» – гибридная война действительно соблюдена в современных внутригосударственных конфликтах в Ливии и Сирии, в которых оба этапа совместились друг с другом. Однако гибридная война не является непременным этапом дестабилизации современных социально-политических систем: достаточно вспомнить примеры Югославии (2000 г.), Туниса и Египта (2011 г.) где вслед за «бульдозерной» и «твиттерными» революциями не последовало этапа вооруженного столкновения, поскольку С. Милошевич, З.А. Бен Али и Х. Мубарак отказались от власти.

С позиций синергетики, системного подхода, теорий катастроф, управления и «процессов с памятью», марксистского учения о «базисе и надстройке», «принципа Ле Шателье», военной стратегии и стратегии не прямых действий алгоритм социально-политической дестабилизации на примере американской **стратегии не прямых геополитических действий** рассматривает И.В. Шамин. Он выделяет в данной стратегии четыре основных этапа. На первом наиболее важном этапе главной задачей державы-агрессора является создание организационного механизма, позволяющего осуществлять внешнее управление враждебным государством по двум направлениям. Первое направление – целенаправленное, с использованием политических, военных, экономических, информационно-

¹ Подробнее об этом см.: Бартош А. Ступени эскалации: «цветная революция», «гибридная война»... Что дальше? // Независимое военное обозрение. 2015. 27 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-02-27/1_eskalatsia.html; он же. Разрушительный тандем: «цветная революция» – «гибридная война» // Независимое военное обозрение. 2015. 24 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html.

культурных и идеологических, демографических, пространственно-стратегических технологий выведение государственной системы страны-жертвы агрессии из состояния устойчивости путем искусственного инициирования системного кризиса, трансформации ее устройства, изменения контуров обратной связи и обеспечения условий, дающих возможность произвести эффективный демонтаж неугодного политического режима. Глубокая дестабилизация внутривластной и социально-экономической обстановки неизбежно делает уязвимыми для внешнего воздействия и управления правящую элиту и политический режим страны-жертвы агрессии. Моделями такой дестабилизации выступают «сдерживание, разрушение и вовлечение» и «управляемый конфликт», осуществляемые за счет изменения параметров функционирования социальной системы страны-жертвы. Второе направление – создание из заинтересованных в смене вектора национального развития элитных групп в стране-жертве подконтрольного теневого центра власти, функционирующего параллельно с официальным правительством.

На втором этапе геополитическое воздействие государства-агрессора предполагает формирование на основе теневого центра влияния путем государственного переворота в хаотизированной стране-жертве агрессии подконтрольного аттрактора, т.е. официального центра власти, способного при поддержке извне навести необходимый системный порядок. На третьем этапе государство-агрессор, опираясь на официальный властный центр-аттрактор, конструирует новые модели устройства и будущего государственной системы страны-жертвы, которые полностью отвечают его интересам и планам.

На четвертом заключительном этапе геополитического противоборства государство-агрессор стремится сохранять и совершенствовать созданную им конструкцию новой модели государственности подконтрольной страны. Управление ею становится дистанционным, при помощи финансовых, политических, информационных, культурных, образовательных, идеологических и демографических методов пространственного контроля. Агрессор стремится перейти к полному контролю над правящей элитой подчиненного государства и его политико-управленческой подсистемой. В целом, преимущество американской модели стратегии не прямых геополитических действий состоит не только в использовании государством-агрессором в целях дестабилизации страны-жертвы уже естественно сформировавшихся внутри нее системных кризисных явлений, но и осуществлении внезапных и разнообразных геополитических действий по созданию дополнительных точек бифуркации, усиле-

нию масштабов кризисных процессов в атакуемом обществе¹. Однако государство-агрессор редко стремится установить свое полное внешнее управление страной-жертвой: этого, например, не произошло с Египтом в 2011–2013 гг. Чаще агрессор стремится дезинтегрировать (Югославия) или поддерживать длительную нестабильность в стране-жертве (Ливия, Сирия и др.).

Анализ представлений об алгоритме дестабилизации обстановки внутри современных государств показывает, что при всем разнообразии используемых в нем технологий его основой, системообразующим элементом выступает модификация **лоббистской коммуникации** – прямого и опосредованного давления на власть посредством мобилизации общества (grassroots методы), применяемого с учетом нелинейности развития хаотизируемого социума. Это позволяет выделить в алгоритме дестабилизации как определенного рода политическом действии структурные элементы. В варианте опосредованного давления такими элементами являются участники (государства, террористические, экстремистские формирования и сети несистемной оппозиции – субъекты давления, уязвимые сообщества² – агенты-проводники политического давления, политическое руководство (власть) – объект давления или управления) и предмет давления – центры тяжести, «болевы́е точки» и ценности уязвимых сообществ, воздействие на которые побуждает эти группы к активным действиям по отстаиванию своих интересов перед властью. В варианте прямого давления элементами служат предмет давления и те же участники, за исключением агентов-проводников.

В частности, в акте асимметричной (диверсионно-террористической) борьбы уязвимым сообществом могут выступать подвергнутые атаке граждане и их родственники, оказывающие посредством масс-медиа давление на власть с целью побудить ее выполнить политические требования террористов (субъекта угроз). В «цветных» революциях агентами давления являются молодежь, недовольные текущей социально-экономической и политической ситуацией протестные массы. В данном случае мобилизовать население позволяет воздействие на его ценностные установки, связанные с высоким уровнем жизни и демократизацией. В межэтнических и межконфессиональных конфликтах, гибридной войне которые могут быть спровоцированы третьей стороной – субъектом угроз политической стабильности, уязвимыми сообществами являются сами

¹ Шамин И.В. Технологии «прямых» и «непрямых» действий и их применение в современном международно-политическом процессе: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2011. С. 18–19, 42–43. 46–49.

² Данный термин заимствован из: Черемных К.А., Восканян М.В., Кобяков А.Б. Анонимная война. М.: Алгоритм, 2014. С. 90–91.

участники столкновений, предъявляющие руководству страны или региона их проживания требования по поводу угроз статусу и ценностям некоторых этнических и религиозных групп. В традиционной войне уязвимым сообществом может стать население государства, жизнь которого нападающая сторона с помощью санкций, блокады и нанесения ударов по инфраструктуре его жизнеобеспечения стремится сделать невыносимой и подтолкнуть, тем самым, к мятежу. В стратегиях по ослаблению и изматыванию стран, сецессионных и гражданских конфликтах с участием государства социальные группы-агенты давления могут отсутствовать.

Учет нелинейности развития дестабилизируемой социально-политической системы заключается в воздействии на нее и участников процесса давления в определенных критических точках (точках бифуркации, фазовых переходов, катастроф, скачков в развитии). Опираясь на идеи В.И. Кузьмин и Н.А. Галуша, можно утверждать, что критические точки определяют состояния принципиального изменения структуры и свойств социально-политических систем. В этих точках существуют два качественно разных состояния социально-политической системы, в связи с чем малыми внешними воздействиями могут проводиться коренные изменения ее свойств. В критической точке связи между элементами социально-политической системы принципиально ослаблены, в связи с чем незначительные по энергетике воздействия оказывают на нее сильное регуляторное влияние. Попытки дестабилизировать социально-политическую систему, предварительно не лишив ее устойчивости и равновесия, не переводя ее в критическую точку, ведут если не к провалу, то к излишней трате сил по сравнению с противостоящим государством. Успех дестабилизации в этом случае возможен только при наличии огромного превосходства у ее субъекта в силах, и даже в этом случае оно не будет решающим¹. Применительно к социально-политическим системам критическими точками, в которых ослабляются связи между элементами, выступают социально-экономические кризисы, социальные революции, сецессионные и гражданские, межэтнические и межконфессиональные конфликты, поражение в войне.

В целом, можно выделить следующие ключевые действия субъектов политической дестабилизации общества: 1) формирование сети экстремистских (сепаратистских, террористических) и / или несистемных оппозиционных организаций и пропаганда их идей среди населения отдельных регионов или всей страны; 2) проведение данной сетью конфликтной мобилизации в условиях роста

¹ Кузьмин В.И., Галуша Н.А. Количественная геополитика. М., 2000.

социально-политической напряженности в социуме, создание вооруженных формирований и массового протестного движения в свою поддержку; 3) реализация мер и действий по оказанию давления на власть или ее смене при помощи «цветных революций», террористических акций, развертывания партизанских боевых действий, государственных переворотов, международной изоляции страны и военного вторжения в нее.

Обобщая и дополняя представленные выше варианты алгоритма социально-политической дестабилизации, можно выделить в ее динамике следующие этапы.

Латентный этап характеризуется всесторонней подготовкой условий для социально-политической дестабилизации, инициирования внутренних столкновений и межгосударственного конфликта, планированием их развития, подготовкой основных инструментов их реализации и противоборства в различных сферах. В стране-объекте дестабилизации формируются и начинают вести широкую пропаганду для привлечения новых сторонников экстремистские организации и движения, налаживается сотрудничество между структурами несистемной оппозиции. Постепенно вызревают естественные и создаются искусственные предпосылки к переводу страны в критическую точку – социально-экономический кризис и рост напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Держава(союз государств)-субъект дестабилизации выявляет возможности страны-объекта на фоне официальных мирных отношений между ними.

На **этапе роста напряженности** внутри страны-объекта «хаотизации» формируется основная критическая точка в виде системного социально-политического и экономического кризиса. Осуществляются акции по дестабилизации социально-политической обстановки, интенсифицируется протестная активность отдельных групп населения. Начинают открыто действовать экстремистские организации и несистемная оппозиция, ведущие антиправительственную пропаганду. Одновременно субъектом дестабилизации формируются военные коалиции, осуществляется информационно-психологическое, дипломатическое, экономическое, военно-политическое давление на обороняющееся государство, его союзников, партнеров, все международное сообщество с целью аполитии необходимости вторжения на его территорию, снижение его международного престижа и создание его негативного образа. В отношении такой страны вводятся экономические санкции, возможны блокада и международная изоляция, проводится подготовка к вооруженному нападению на нее. Агрессивной стороной развя-

зываются и провоцируются локальные военные конфликты на границах и территории обороняющейся стороны и ее союзников. Данный этап может отличаться большой длительностью, частой сменой периодов относительно мирной обстановки ее обострением, что позволяет субъекту дестабилизации постепенно добиваться своих военно-политических, экономических и иных целей нередко без масштабного применения военной силы.

Этап демонтажа государства начинается с перехода к насильственным действиям экстремистских и террористических сетей против органов власти и граждан, официально создаются идейно-эклектичные объединения несистемной оппозиции, получающей всестороннюю внешнюю поддержку. Настойчивое сопротивление страны-объекта дестабилизации силам деструктивного толка предопределяет переход субъекта «хаотизации» к военной агрессии. Ее может предварять информационно-техническое противоборство и ведение непрямых действий силами вторжения (либо экстремистскими и террористическими формированиями) по дезорганизации государственного и военного управления, разрушению критической инфраструктуры страны с тем, чтобы оказать давление на население и подтолкнуть его к массовым протестам. Руководство страны, политическая и бизнес-элиты общества также подвергаются внешнему дипломатическому, экономическому и информационно-психологическому давлению, среди них ведется поиск союзников в формировании нового центра власти – структуры-аттрактора. Этап завершается военным вторжением в страну-объект «хаотизации», успех которого определяется решением задач по социально-политической дестабилизации в предыдущих фазах борьбы. Поражение в войне страны-жертвы агрессии становится условием ее перевода под внешнее управление державы (союза государств)-субъекта дестабилизации.

Библиография

1. Бартош А. Ступени эскалации: «цветная революция», «гибридная война»... Что дальше? // Независимое военное обозрение. 2015. 27 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-02-27/1_eskalatsia.html.
2. Бартош А. Разрушительный тандем: «цветная революция» – «гибридная война» // Независимое военное обозрение. 2015. 24 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html.
3. Кузьмин В.И., Галуша Н.А. Количественная геополитика. М., 2000. 241 с.

4. Черемных К.А., Восканян М.В., Кобяков А.Б. Анонимная война. М.: Алгоритм, 2014. 391 с.

5. Шамин И.В. Технологии «прямых» и «непрямых» действий и их применение в современном международно-политическом процессе: Автореферат дисс. доктора полит. наук. Нижний Новгород, 2011. 58 с.

References

Bartosh A. The escalation stages: “color revolution”, “hybrid war” ... What’s next? [*Stupeni jeskalacii: «cvetnaja revoljucija», «gibridnaja vojna»... Chto dal’she? // Nezavisimoe voennoe obozrenie*], ? // Independent Military Review 2015 [electronic resource]. Access mode: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-02-27/1_eskalatsia.html.

Bartosh A. Destructive tandem: “color revolution” – “hybrid war” [*Razrushitel’nyj tandem: «cvetnaja revoljucija» – «gibridnaja vojna»*]// Independent military review. 2015 [electronic resource]. Access mode: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html.

Kuz’min V.I., Galusha N.A. Quantitative geopolitics [*Kolichestvennaja geopolitika*], M., 2000, 241 p.

Cheremnykh K.A., Voskanyan M.V., Kobayakov A.B. Anonymous war [*Anonimnaja vojna*], M.: Algoritm, 2014. 391 p.

Shamin I.V. Technologies of “direct” and “indirect” actions and their application in the modern international political process [*Tehnologii «prjamyh» i «neprjamyh» dejstvij i ih primenenie v sovremennom mezhdunarodno-politicheskom processe*], abstract, Nizhny Novgorod, 2011

ФЕДЯКИН

*Алексей Владимирович,
д. полит. н., профессор
Московский государственный
университет путей сообще-
ния Императора Николая II
(МИИТ), Москва, Россия
avf2010@yandex.ru*

FEDJAKIN

*Aleksej Vladimirovich,
Doctor of Political Sciences,
professor Moscow State Univ
ersity of Railway Engineering
of Emperor Nicholas II (MIIT)
Moscow, Russia
avf2010@yandex.ru*

ФЕДЯКИН

*Иван Владимирович,
д. полит. н., профессор Мо-
сковский государственный
университет путей сообще-
ния Императора Николая II
(МИИТ), Москва, Россия
fedyakin_iv@mail.ru*

FEDJAKIN

*Ivan Vladimirovich,
Doctor of Political Sciences,
professor Moscow State Univ
ersity of Railway Engineering
of Emperor Nicholas II (MIIT)
Moscow, Russia
fedyakin_iv@mail.ru*

Сбалансированное и устойчивое развитие регионов – стратегический курс российского государства/Balanced and sustainable development of regions –the strategic course of the Russian state

Аннотация

В статье анализируются приоритеты региональной политики современной России, Уточняются цели и задачи данного направления политики государства в современных условиях.

Ключевые слова

Россия; региональная политика государства; территориально-политическое устройство; федерализм.

Abstract

The article analyses the priorities of regional policy of modern Russia, and specifies the goals and tasks of this direction of state policy in modern conditions.

Keywords

Russia; regional policy; territorial-political structure; federalism.

Пожалуй, кроме России, в современном мире едва ли найдется страна, чье территориально-политическое устройство отличалось бы столь богатой историей становления и сложной, нередко ломаной эволюцией, столь многообразными, подчас противоречивыми тенденциями развития; чья региональная политика носила бы столь разнонаправленный характер, ориентировалась бы порой на диаметрально противоположные ценности и приоритеты, а как результат – отличалась бы столь ярко выраженной изменчивостью и непоследовательностью. Едва ли, опять же кроме России, найдется страна, чья государственная территория за последние два-три столетия претерпела столь кардинальные и драматические трансформации, то расширяясь в Западную Европу, затем – через Среднюю Азию и Дальний Восток к Северной Америке, то вновь сужаясь практически по всем направлениям. Едва ли, наконец, найдется страна, чьи даже близлежащие регионы парадоксальным образом контрастировали бы друг с другом, сочетая инновационность и инерционность, продвинутость и слаборазвитость, процветание и депрессивность, инвестиционную привлекательность и неперспективность.

Как было отмечено Президентом РФ В.В. Путиным на Советании по вопросам совершенствования межбюджетных отношений, состоявшемся 26 сентября 2016 г., «так исторически сложилось, что регионы Российской Федерации... имеют очень разные возможности с точки зрения своей бюджетной обеспеченности и с точки зрения решения задач, которые стоят перед регионами. Задачи-то везде одинаковые, а вот возможности, финансовые возможности, источники финансирования, главным образом собственные источники, – очень разные»¹.

Четырьмя днями раньше данные проблемы были поставлены Президентом на заседании Совета Безопасности РФ, в ходе которого обсуждались вопросы совершенствования государственной региональной политики. По словам главы государства, «...процесс формирования устойчивой системы федеративных отношений и эффективного местного самоуправления пока нельзя назвать завершенным. Сохраняются риски, связанные с несбалансированностью бюджетной системы, диспропорциями в территориальном развитии и на рынке труда...

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/52969>.

Отмечу и то, что по-прежнему заметна разница в экономическом развитии регионов, не преодолена тенденция стягивания экономики в центральные районы страны. Это приводит к диспропорциям в бюджетной обеспеченности, а как результат – к разрыву в уровне доходов, социальных гарантий людей, живущих в разных субъектах Российской Федерации.

При этом скачки данных показателей наблюдаются даже в пределах одного федерального округа. Общие доходы пяти самых богатых и самых бедных регионов различаются в 43 раза. А если взять самый богатый и самый бедный – ...там вообще в сотни раз»¹.

Тем самым для современной России реализация продуманной, отвечающей жизненно важным национальным интересам и приоритетам государственной региональной политики является одной из актуальных задач, имеющих как внутри-, так и внешнеполитическое значение. Реалии последних лет – продолжающийся глобальный финансово-экономический кризис, обострение геополитической конкуренции на международной арене, развернувшаяся в ряде государств антироссийская кампания, курс нашей страны на диверсификацию экономики и импортозамещение и т.д. – лишь подтверждают значимость устойчивого развития отечественных регионов.

Отечественный политический опыт свидетельствует о том, что ведущими факторами становления и эволюции территориально-политического устройства России практически на всем протяжении истории государственности выступали, во-первых, мобилизационный путь развития страны, и, во-вторых, ее социокультурная разнородность.

Но при всем этом особую роль играл фактор транспортных коммуникаций. Как отметил Президент РФ В.В. Путин на заседании президиума Государственного совета по вопросу развития внутренних водных путей, состоявшемся в Волгограде 15 августа 2016 г., «сама российская государственность в свое время складывалась именно по берегам наших великих рек. Прежде всего, конечно, в европейской части, на северо-западе, но и развивалась она потом тоже по берегам рек, поскольку других способов сообщения в древние времена практически и не было.

Конечно, сегодня у нас есть многое другое: есть и автомобильные дороги, которые тоже требуют особого внимания с нашей стороны, есть и авиационное сообщение – и все это развивается. Но значение водных путей не становится меньше, а тем более для нашей страны,

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/52947>.

у которой есть возможность эффективно использовать эти водные пути»¹.

Если говорить конкретно о таком факторе, как мобилизационный путь развития, то этому способствовал ряд обстоятельств хозяйственной жизни населения России, определявшейся производимым в суровых климатических условиях низким прибавочным продуктом, потребностью элементарного выживания и постоянной необходимостью в отражении военной агрессии соседних государств, особенностью расселения и колонизации пространства Евразии восточными славянами в виде сети слабо связанных транспортными коммуникациями общин-миров. В этом контексте сохранение государственной целостности требовало от властных институтов не только централизации при организации совместной обороны, но и более значимого вмешательства в процессы распределения ресурсов и обеспечения территориальной связности, единства общенационального политико-коммуникационного пространства. Поэтому вполне понятно, что со временем соответствующие акценты начинаютставляться и в сфере региональной политики государства.

Что же касается такого фактора, как, традиционно характерная для России социокультурная разнородность, то он вытекает из полиэтнического и многоконфессионального состава ее населения, наличия в ней целого ряда особых региональных и этнонациональных общностей, регулирование общественных отношений в которых определялось специфическими системами правовых, моральных и иных установлений. Многие этнические группы входили в состав страны уже как оформившиеся политические системы, элиты которых хотели сохранить прежние позиции в управлении ими и приобрести особый статус в отношениях с государственным Центром, получавшим взамен новые земли относительно мирным путем. Впоследствии наличие ряда регионов с особыми политико-правовыми статусами создавало ситуацию уже политической гетерогенности России, постепенно осознававшуюся Центром как угроза целостности и безопасности страны и вынуждавшую его прибегать к мерам унификации и еще большей централизации в политической, экономической, культурной и иных сферах общественной жизни.

Противоречивое влияние данных факторов определило, как показала история отечественной государственности, цикличность реорганизаций территориально-политического устройства и трансформаций политического пространства России, которые в конечном итоге, к большому сожалению, оказывались неэффективными, а в XX столетии дважды – в 1917–1918 гг. и в 1991 г. – приводили

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/52713>.

к величайшим геополитическим катастрофам и национальным трагедиям – распаду Российской империи и Советского Союза.

В этой связи уместно привести слова Президента РФ В.В. Путина, сказанные в Послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. : «Сила России – в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии и культур, и языков, и традиций наших, во взаимном уважении, диалоге и православных, и мусульман, последователей иудаизма и буддизма.

Мы обязаны... беречь межнациональное и межрелигиозное согласие. Это историческая основа нашего общества и российской государственности»¹.

Еще 170 лет тому назад видным представителем отечественной социально-политической мысли А.С. Хомяковым было подмечено, что «Едва мы обратим внимание на всю нашу историю с Петра Великого, то заметим постоянное противоречие между логической мыслью, выражаемую нашими деятелями, с непосредственным ходом событий. Разгадка такого явления очевидно заключается в том разъединении, которое составляет существенное свойство современной России... Та часть народа, которая служит представителем сознания, умственного развития народной жизни, совершенно отделена от той, которая хранит непосредственный исторический быт... С одной стороны, сознательная мысль совершенно не однородна, и прямо, без оговорки, взята напрокат у Западной Европы, но у ней вся сила, возможность и право действовать; с другой – народ, сохраняющий самостоятельный быт, лишен всякой возможности действия... Сознательная мысль действующей России совершенно противоположна той, которую бессознательно, но свято хранит народ»².

Ставшая хронической на протяжении последних столетий низкая политическая результативность и историческая непоследовательность мероприятий в сфере национально-государственного строительства делают сегодня, в весьма непростых внутренних и внешних условиях, крайне необходимым поиск оптимальной, адекватной реалиям современного этапа развития России и глобальным вызовам модели государственной региональной политики. И от результатов этого поиска, в конечном счете, зависит будущее страны и судьбы народа.

По мнению Президента РФ В.В. Путина, сегодня принципиально важно определить «экономические механизмы, которые по-

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.

² Хомяков А.С. <Политические письма 1848 года> // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 129–130.

могут более полно реализовывать производственный, научно-технологический, образовательный, предпринимательский потенциал регионов, гибко использовать их конкурентные преимущества, создавать новые точки роста и тем самым обеспечить поступление в бюджет дополнительных доходов. Только такой подход позволит добиться снижения различий в экономическом и социальном развитии регионов, создать условия для повышения качества жизни на всей территории России для наших людей.

Второе. Нам необходимо совершенствовать систему межбюджетных отношений, добиться устойчивого финансового обеспечения полномочий органов власти субъектов Федерации и муниципалитетов.

Субъекты Федерации и муниципальные образования должны добиваться сбалансированности своих бюджетов. Надо более грамотно использовать налоговые инструменты, с тем чтобы создавать условия для развития экономики и увеличения валового регионального продукта.

В свою очередь на федеральном уровне нужно совершенствовать систему целевых субсидий и дотаций, следить и анализировать, насколько эффективно они используются регионами. И конечно, важно предлагать решения, которые повысят самостоятельность регионов и муниципалитетов в вопросах развития своей налогооблагаемой, доходной базы...

Далее. Нужно обеспечить координацию федеральных, региональных программ, направленных на развитие территорий. Разумеется, это касается и инвестиционных планов компаний с госучастием, крупных частных предприятий. Иными словами, все привлекаемые на то или иное направление ресурсы должны таким образом концентрироваться, чтобы создавать так называемый синергетический эффект»¹.

Не вызывает сомнений тот факт, что проработка концептуальных оснований, выбор ключевых ориентиров, определение магистральных направлений региональной политики Российского государства, равно как и поиск оптимальных и эффективных механизмов ее реализации, должны опираться, с одной стороны, на рационально-критический учет соответствующих достижений отечественной теории и практики, с другой стороны, на комплексный анализ позитивного опыта ведущих зарубежных стран в данной сфере. При этом необходимо учитывать возможности и пределы заимствования зарубежных моделей региональной политики, а также просчитывать возможные последствия задействования в текущих условиях кон-

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/52947>.

цепций и подходов (равно как и их отдельных элементов), характерных для прошлого отечественного опыта.

Ведь, с одной стороны, в России, в силу ее социокультурных, исторических, географических, геополитических и других особенностей, невозможен перенос и простое дублирование форм территориально-политического устройства и моделей региональной политики, ставших классическими для подавляющего большинства государств мира. С другой стороны, не представляется возможным в полной мере опираться и на отечественный опыт, который в современных условиях по-разному, подчас крайне противоречиво оценивается различными общественно-политическими силами, представителями научного и экспертного сообщества.

В этой связи полагаем, что внимательное изучение зарубежного опыта представляется необходимым для того, чтобы избежать целого ряда серьезнейших ошибок в процессе поиска. Это позволило бы затем, с максимальным учетом отечественной специфики, исторических традиций и современных реалий, применить отдельные достижения нашей страны и зарубежных государств в сфере текущей региональной политики.

Прежде всего следует подчеркнуть, что при оценке зарубежного опыта региональной политики государства, а также его значения для современной России, необходимо исходить из разделения этой политики на две составляющие: с одной стороны, на адресную политику, направленную на развитие конкретного региона, удовлетворение потребностей и запросов его жителей, бизнес-структур и т.д., а тем самым во многих своих аспектах совпадающую с инфраструктурной, транспортной, жилищной и т.д. политикой (т.е. политика государства, осуществляемая внутри региона); с другой стороны, на инструментальную политику, направленную на использование имеющихся в регионе ресурсов и потенциальных возможностей для нужд развития других отдельных территорий и регионов, а также страны в целом, для решения задач общегосударственного масштаба – текущих и стратегических, для реализации общенациональных интересов и приоритетов, а тем самым тесно связанную с государственной экономической, инновационной, промышленной, аграрной, демографической и др. политикой (т.е. политика государства по использованию региона как интегральной части своей территории в межрегиональном, общенациональном и транснациональном измерениях). Безусловно, оба направления обнаруживают тесные и устойчивые взаимосвязи и взаимозависимости, однако, каждому из них присущи и собственные черты, свойства, механизмы и т.д.

Адресное направление региональной политики государства представляется нам более универсальным, т.к. данные относительно большие структурные части территории страны, оформленные как административно-территориальные (территориально-политические) образования, о чем нами неоднократно говорилось ранее¹, имеют схожие предпосылки возникновения, факторы формирования и логику развития, а, соответственно, и однотипные проблемы, которые могут, при всем многообразии частных случаев и специфических нюансов, иметь общие подходы к их решению (рациональная организация внутрирегионального пространства, оптимальное размещение производств, совершенствование транспортного обслуживания и логистики, поддержание экологического комфорта территорий и т.д.). В этом плане внимательное изучение зарубежного опыта и рационально-критический подход к использованию достижений регионов ведущих стран мира в современных российских условиях не вызывают сомнений.

Сегодня регионы ведущих мировых государств в целом и России в частности находятся в состоянии перманентной трансформации. Это обусловлено динамичным развитием науки и технологий, активным внедрением различного рода инноваций. Практически каждый день появляются новые технологические решения, которые способны, при наличии достаточного экономического потенциала, улучшить, подчас кардинально, ситуацию с организацией жизни в регионе, а также повысить эффективность управления протекающими в нем основными политическими, экономическими, социальными, демографическими, культурными, информационными и т.д. процессами.

Что же касается инструментального направления региональной политики государства, то здесь ситуация гораздо сложнее. Россия – уникальная с точки зрения пространственно-географического положения, культурно-цивилизационных и т.д. особенностей страна, и любое применение к решению стоящих перед ней задач зарубежных концептуальных схем и практических моделей в сфере внутренней и внешней политики без их серьезного переосмысления и не менее серьезной адаптации в подавляющем большинстве случаев – и многовековой отечественный исторический опыт тому свидетельство – обречены если не на полный провал, то на низкую результативность, ограниченный во времени и пространстве эффект. Соответственно, любые предложения о возможности использова-

¹ См., например: Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 163–182; Федякин И.В. Российская модель политики формирования и развития мегаполисов: между зарубежным опытом и отечественными традициями // Вестник Российской нации. 2016. № 2. С. 154–167.

ния в современных российских условиях опыта зарубежных стран по укрупнению и разукрупнению регионов, возвышению политико-правового статуса одних и принижению других, стимулированию или сдерживанию роста отдельных территорий, переносу общенациональных и региональных административных центров и т.д. должны подвергаться тщательнейшей экспертизе, с привлечением ученых и практиков, профессионально занимающихся данными проблемами.

Уместно вспомнить, что исторические основы отечественного опыта более или менее системной и регулярной региональной политики государства восходят к губернской реформе 1708 г. и инициативам строительства и развития в России крупных городов, выдвигавшихся и реализовывавшихся Петром I, а также к преобразованиям административно-территориального устройства и планам генерального проектирования в эпоху правления Екатерины II. XIX столетие ознаменовалось земской и городской реформами Александра II и т.н. «контрреформами» Александра III. В начале XX в. попытки преобразований в сфере административно-территориального устройства и управления были предприняты П.А. Столыпиным.

В советский период можно говорить о реализации региональной политики государства прежде всего в контексте задач индустриализации страны и освоения новых, преимущественно богатых сырьевыми ресурсами, регионов. Эта политика характеризовалась, с одной стороны, невиданными ни до, ни после данного исторического периода масштабами строительства новых и реконструкции старых населенных пунктов (прежде всего городов), впечатляющими темпами развития транспортно-коммуникационной сети, динамикой освоения внутристранового пространства, с другой стороны, крайней неравномерностью, недостаточной последовательностью и несбалансированностью, в том числе с точки зрения качества формируемой внутрирегиональной среды, ее комфортности для человека, оптимальности пространственно-территориальной организации и конфигурации общенациональной территории, инфраструктурных измерений и т.д. Сегодня очевидно, что возобладавший в советский период подход к территориальному планированию и региональному развитию в большинстве своих магистральных направлений, конкретных задач и частных аспектов не может быть оценен как оптимальный.

То же самое можно сказать о периоде 1990-х гг. За все это время в стране так и не удалось создать условия для реализации эффективной политики устойчивого развития регионов и их отдельных частей (прежде всего, крупных городов, мегаполисов и т.д.). Мы уже

отмечали ранее, что хотя даже на уровне, например, официальных доктринальных и концептуальных документов, включая послания Президента РФ Федеральному Собранию, анализ проблематики федеративных отношений и региональной политики государства позволяет обнаружить наличие в них определенной преемственности в части обозначения ключевых приоритетов, постановки конкретных задач и поиска путей и практических механизмов их реализации (в частности, в предметных областях и отдельных вопросах, связанных со становлением и развитием федеративных отношений, укреплением межнационального мира и согласия, поиском оптимального баланса во взаимоотношениях между Центром и регионами, совершенствованием основ бюджетного федерализма, формированием эффективной системы местного самоуправления, выравниванием уровня развития различных регионов и территорий, урегулированием ситуации на Северном Кавказе и т.д.), вместе с тем, и в них сохранился целый ряд противоречивых положений, отражавших в т.ч. все перипетии российского политического процесса тех лет, весь комплекс проблем, остро вставших перед страной в те годы¹.

Сегодня российским политическим руководством намечены важные структурные инновации, которые призваны стимулировать в т.ч. модернизацию различных сфер функционирования регионов, крупнейших городов и аграрных ареалов страны. Вместе с тем, реальная практика, осуществляемая в этих регионах, городах, ареалах и т.д., пока что далека от того, чтобы считаться эффективной. На сегодняшний день практически каждый регион России имеет свой план (стратегию), однако, зачастую такие программные документы представляют собой формализацию известных принципов и общих задач развития административно-территориального образования, обходя при этом конкретизацию мер и механизмов их достижения, равно как и источников их ресурсного обеспечения. Кроме того, в постоянно меняющихся современных социально-экономических, политических и т.д. условиях разработка долгосрочных программ как на региональном уровне, так и в особенности на уровне отдельных частей региона (муниципальных образований, городских округов, сельских поселений и т.д.) видится не всегда продуктивной.

В этой связи полагаем, что многие проблемы в области региональной политики государства в современной России так или иначе связаны с отсутствием ориентированной на долгосрочную (strate-

¹ Подробно см.: Федякин А.В. Федеративные отношения, национальная и региональная политика государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994–1999 гг. // Вестник Российской нации. 2016. № 2. С. 12–61.

гическую) перспективу генеральной схемы (плана) пространственного развития страны и размещения населения на ее территории. Мы всецело отдаем себе отчет в огромной политической важности данного документа, необходимости, с одной стороны, его тесной увязки с ключевыми концепциями и доктринами Российской Федерации, а с другой стороны, согласования внутри него как общенациональных приоритетов и интересов, так и специфики регионов страны. Для нас очевидно, что данный план не может быть разработан в одночасье, «под заказ», узкой группой лиц, пусть и обладающих большими познаниями и богатым профессиональным опытом. К разработке этой, по сути, «пространственной конституции» страны должны подключиться профильные государственные структуры и экспертное сообщество, гражданские институты в центре и на местах, наконец, широкие слои российских граждан. В основу данного плана должны быть положены лучшие достижения прошлого и современного отечественного и зарубежного опыта освоения и обустройства национальной территории во всем многообразии составляющих ее элементов (включая модернизацию старопромышленных и освоение новых регионов, санацию монопрофильных и монофункциональных городов, сбалансированное развитие центральных и периферийных (в т.ч. удаленных и труднодоступных) территорий, крупных урбанистических зон и сельских ареалов, транспортно-логистических узлов внутри- и межрегионального, общенационального и международного уровня и т.д.), а также стратегическое видение перспектив развития российского общества и государства, учитывающее имеющиеся и вновь возникающие жизненно важные общенациональные интересы и приоритеты, а также пути и механизмы их защиты и реализации.

И в этой связи вновь следует особо подчеркнуть значимость транспортно-коммуникационного фактора в развитии регионов современной России. Как было отмечено Президентом РФ В.В. Путиным на заседании президиума Государственного совета по вопросам безопасности дорожного движения, состоявшемся 14 марта 2016 г. в Ярославле, «Назрела необходимость в законодательном регулировании вопросов транспортного развития территорий с учетом организации безопасного дорожного движения и оперативного управления. Каждый региональный или муниципальный проект в этой сфере, конечно, должен быть частью общей взаимосвязанной системы, единого транспортного каркаса страны, при этом стандарты строительства новых и реконструкции существующих дорог, дорожных объектов должны в полной мере учитывать все аспекты безопасности»¹.

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/51506>.

И, безусловно, современные макроэкономические и геополитические реалии требуют постоянной корректировки текущего внутри- и внешнеполитического курса страны, что не может не затрагивать и сферу региональной политики государства. «Разворот» России к Тихому океану и в целом к Азиатско-Тихоокеанскому макрорегиону, интеграционные процессы на евразийском пространстве, стратегический курс на импортозамещение и создание собственных производств, усиливающиеся миграционные потоки – это и многое другое несет в себе как серьезные вызовы российским регионам, так и новые возможности для их поступательного развития.

В целом, необходимо понимать, что упорядочение и регламентация принципов формирования и реализации государственной региональной политики современной России в конечном итоге важны для более активного включения наиболее отдаленных и наименее развитых территорий государства в общероссийский рынок и – шире – общенациональное политическое, социокультурное, информационное, транспортно-коммуникационное и т.п. пространство. Это возможно на основе создания новых и развития традиционных отраслей экономики, в т.ч. в контексте ориентации на импортозамещение, децентрализации системы производств, диверсификации сфер производства и потребления услуг по территории России. Также это будет способствовать и решению большинства актуальных социополитических проблем – сохранению межнационального мира в условиях многообразия этносов, культур и религий, формированию здорового социума и толерантной среды общения, выравниванию имущественного положения жителей разных частей страны и определенному сглаживанию социального неравенства. И, конечно, это позволит в большей степени учитывать геополитические приоритеты России, просчитать возможности и предупредить проблемы, которые могут возникнуть в ходе развития регионов в контексте реализации государством своего внешнеполитического курса, обеспечения национальной безопасности, обороноспособности и т.д.

В своем недавнем Послании Федеральному Собранию, оглашенном 1 декабря 2016 г., Президент России выделил целый ряд принципиальных моментов и приоритетных задач, касающихся развития регионов и территорий страны, осуществления региональной политики государства в целом. Во-первых, «С учетом географии, огромных, порой трудно доступных территорий, России нужна и хорошая оснащенная служба санитарной авиации... Прежде всего это Сибирь, Север, Дальний Восток»¹. Во-вторых, «на всей территории нашей большой страны дети должны учиться в удобных, комфорт-

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

ных, современных условиях, поэтому мы продолжим программу реконструкции и обновления школ. У нас не должно остаться школьных зданий, находящихся в аварийном, ветхом состоянии, не имеющих элементарных удобств»¹. В-третьих, необходимо осуществить масштабные программы благоустройства, причем при опоре на мнение жителей, «особенно когда речь идет о таких вопросах, как благоустройство городов и поселков, сохранение исторического облика и создание современной среды для жизни»². При этом «По всей стране надо заняться уборкой загрязненных территорий, ликвидировать свалки, в которые превратились окрестности многих населенных пунктов... Это проблема не только крупных городов, но и сел, и поселков». В-четвертых, крайне важны модернизация и развитие дорожной сети, причем как в Москве и Санкт-Петербурге, так и «в других крупных городах, и городских агломерациях, где проживают около 40 миллионов человек. За два года здесь должно быть приведено в порядок не менее половины дорог. Необходимое внимание уделим и важнейшим федеральным трассам и возведению объекта общенационального значения – Крымского моста»³. В-пятых, необходимо «обеспечить безусловное исполнение всех принятых ранее решений по развитию российского Дальнего Востока», ибо «активная восточная политика России продиктована отнюдь не какими-то там конъюнктурными соображениями сегодняшнего дня, ...а долгосрочными национальными интересами и тенденциями мирового развития»⁴.

При этом глава государства особо подчеркнул, что «если мы даем больше самостоятельности в использовании средств федерального бюджета, федеральной поддержки, то и ответственность регионов за результаты и эффективное вложение полученных ресурсов, за укрепление собственной экономической базы, решение проблем в социальной сфере, в жилищно-коммунальном хозяйстве также должна возрасти»⁵.

В общем и целом, актуальность сбалансированного и устойчивого развития регионов России, которое возможно обеспечить лишь путем формирования и реализации глубоко продуманной, адекватной современным реалиям и имеющимся ресурсам, наконец, ориентированной на эффективное достижение четко поставленных целей и реалистичных перспектив региональной политики государства в современных условиях неоспорима. Государственная региональная политика современной России должна опираться на широкие теоре-

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

тические наработки, обязательно учитывать опыт прошлого – в сфере как территориального планирования, так и стимулирования развития различных частей страны, наконец, принимать во внимание конкретно-исторические особенности формирования потенциала разных по статусу, типу, генезису, эволюции, траекториям трансформации и т.д. регионов.

Библиография

1. Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации, 2009. № 5. С. 163–182.
2. Федякин А.В. Общенациональные приоритеты региональной политики государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию: 2000-2014 гг. // Вестник Российской нации, 2015. № 4. С. 8–33.
3. Федякин А.В. Федеративные отношения, национальная и региональная политика государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994–1999 гг. // Вестник Российской нации. 2016. № 2. С. 12–61.
4. Федякин И.В. Механизмы и технологии реализации российской модели политики формирования и развития мегаполисов // Вестник Российской нации. 2013. № 3-4. С. 138–149.
5. Федякин И.В. Российская модель политики формирования и развития мегаполисов: между зарубежным опытом и отечественными традициями // Вестник Российской нации. 2016. № 2. С. 154–167.

References

1. Fedyakin A.V. The region is in the focus of political theory and practice [*Region v fokuse politicheskoy teorii i praktiki*]/Newsletter of Russian nation, 2009. – Iss .5. – pp. 163–182
2. Fedyakin A.V. National priorities of the regional policy of the state in the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly: 2000-2014 [*Obshhenacional'nye priority regional'noj politiki gosudarstva v poslanijah Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju: 2000–2014 gg.*]/ Newsletter of Russian nation, 2015. – Iss. 4. – pp. 8–33.
3. Fedyakin A.V. Federative relations, national and regional policy of the state in the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 1994-1999 [*Federativnye otnosheniya, nacional'naja i regional'naja politika gosudarstva v poslanijah Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju 1994–1999 gg.*]/Newsletter of Russian nation, 2016 – Iss. 2 – pp. 12–61.

4. Fedyakin I.V. Mechanisms and technologies for the implementation of the Russian model of the policy of forming and developing megacities [*Mehanizmy i tehnologii realizacii rossijskoj modeli politiki formirovanija i razvitija megapolisov*]// Newsletter of Russian nation, 2013. – Iss 3-4. – pp. 138–149.

5. Fedyakin I.V. Russian model of the policy of formation and development of megacities: between foreign experience and domestic traditions [*Rossijskaja model' politiki formirovanija i razvitija megapolisov: mezhdu zarubezhnym opytom i otechestvennymi tradicijami*]// Newsletter of Russian nation, 2016. – Iss 2. – pp.154–167.

РУССКИЙ МИР RUSSIAN WORLD

КСЕНОФОНТОВ

*Владимир Владимирович,
к. филос. н., Первый про-
фессиональный университет,
Москва, Россия
kvvmvoky173@mail.ru*

KSENOFONTOV

*Vladimir Vladimirovich,
Candidate of Philosophical
Sciences, First professional
university, Moscow, Russia
kvvmvoky173@mail.ru*

К вопросу о пространственно-временном критерии русского мира/To the question of spatial-temporal criteria of the Russian world

Аннотация

В статье раскрывается проблема, связанная с возможностью выделения пространственно – временного критерия русского мира, его структурных компонентов и их особенностей, характеристики место и роль России как ядра русского мира.

Ключевые слова

Русский мир; Россия; историзм мышления; национальное самосознание; литература; духовный мир личности; гуманизм; нравственные ценности; В.С. Соловьёв; Н.А. Бердяев; И.А. Ильин; П.И. Новгородцев; А.С. Хомяков; народ; власть; критерий.

Abstract

The article reveals the problem associated with the possibility of allocating a space – time criterion of the Russian world, its components, and their structural characteristics, the characteristics of the place and role of Russia as the core of the Russian world.

Keywords

Russian Mir, Russia; historicism of thinking; national identity; literature; spiritual world of the individual; humanism; moral values; V.S. Soloviev, N.. Berdyaev, I.A. Ilyin, P.I. Novgorodtsev; A.S. Khomyakov; people; power; criterion.

Русский мир состоит и развивается во времени и пространстве. Пространственно-временной критерий раскрывает процесс исторически противоречивого развития русского мира на различных этапах, а также и его перспективы – ближайшие и отдаленные. В этом плане он может быть представлен в узком и широком смысле. Узкий смысл связан с таким его основным субъектом, каким выступает Россия. Широкий смысл характеризует носителей русскоязычного населения стран СНГ, а также и дальнего зарубежья, тяготеющего к духовным ценностям русского народа, привлекательности эволюционирующих идей и их перспективности. Этот критерий реализуется в содержании и специфике национального самосознания, воздействующего на духовную жизнь личности и общества. При этом, следует отметить, что национальное самосознание – это не статичное явление, а – динамично развивающиеся и бережно опирающиеся на категорию преемственности.

В национальное самосознание на наш взгляд, входят четыре структурно-содержательных компонента, выступающих в диалектическом единстве.

Один из компонентов включает историзм мышления, знания о себе, своей противоречивой и сложной истории, ее эволюции, специфическом месте в мировой цивилизации, перспективе ее движения.

Процессы и явления, происходящие в духовной сфере российского общества, требуют всесторонне взвешенного отношения к пройденному страной пути. Это обязывает представителей науки и культуры прочно стоять на почве фактов в анализе революций 1917 г., драматических общественных конфликтов периодов Гражданской и Великой Отечественной войн, последующих исторических этапов, особенно – 90-х гг. XX в.

В таком контексте нравственно опасны нигилистическое отношение к истории России, недооценка созидательной деятельности народных масс. Вместе с тем всестороннее осмысление истории и оценки событий и фактов не должны выливаться в ностальгию по ушедшему прошлому, в стремление предать забвению ошибки и политические просчеты пройденного пути.

Формирование историзма мышления – необходимая составная часть процесса развития действительно научного мировоззрения.

Историзм мышления характеризуется, в частности, способностью мыслить противоречиями, не бояться временных поражений и трудностей, умением преодолевать их. Именно взвешенный, аналитический подход к историческому пути страны позволяет субъектам видеть общественные процессы реалистически, без схематизации и упрощенчества, постигать прошлое, настоящее и будущее во всем многообразии и сложности. В XXI веке перед страной стоит сложный комплекс вопросов, вытекающих из переломного момента развития общества. В настоящее время требуется направить усилия ученых не только на адекватное отражение реальности, но и на научное обоснование путей и методов демократического развития государства. Это предполагает научное обоснование развития всех сфер жизнедеятельности российского общества.

Между тем нельзя не заметить опасной тенденции вхождения западного прагматизма в духовную жизнь России. В стране, к сожалению, имеет место экспансия прагматизма, его столкновение с особенностями традиционного отечественного менталитета, и это угрожает перспективой потери культурной идентичности России.

Прагматизация духовной жизни объективируется в следующих социальных процессах.

Во-первых, в кризисе ценностных ориентаций. Его суть заключается в обесмысливании нравственных усилий, если они не сводятся к элементарному выживанию. Конечно, кризис ценностей не ведет автоматически к общественному параличу, но его последствия серьезно сказываются на функционировании общества: распад сферы представлений о высших целях грозит разложением самой социальной ткани, уничтожением поля смыслообразования, невозможностью для человека идентифицировать себя с целями и ценностями общественной жизни.

Во-вторых, в меркантилизации ценностных ориентаций. Тенденция меркантилизации ценностных ориентаций затронула все социальные слои. Эта составляющая ценностных предпочтений в основном выросла за счет снижения реализации ожиданий материально-бытового характера.

Идею о связи исторического прошлого, специфического в России и русском народе, а также преемственности его и развитию в будущем достаточно образно отразил философ М.А. Бакунин «Русский народ, – отмечал он, – движется не по отвлеченным принципам: он не читает ни иностранных, ни русских книг, он чужд западным идеалам, и все попытки доктринизма консервативного, либерального, даже

революционного, подчинить своему направлению будут напрасны... Мы верим в его будущность, надеясь, что свободный от закоренелых и на Западе в закон обратившихся в предрассудков религиозных, политических, юридических и социальных, он в историю внесет новые начала и создаст цивилизацию иную: и новую веру, и новое право, и новую жизнь»¹.

Другой компонент – оценочно-эмоциональный. Его сущность отражает то положение, что для духовного мира личности россиянина явно недостаточно только лишь знания отечественной истории, основных вех и рубежей в судьбе нашего народа. Не менее важно уметь по достоинству дать им взвешенную оценку, в том числе чувственно переживая и радуясь. В свою очередь, индифферентное, созерцательное отношение к национально-историческому знанию весьма ущербно. В таком случае оно не только быстро забывается, но и не способно быть активным генератором национально-патриотических чувств, героического подвига во имя Родины.

Между тем героическая история трех славянских народов (русского, украинского, белорусского) периода Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует об их мужестве, отваге и высокой нравственности. Подвиг представителей братских народов на всех этапах войны был неразрывно связан с чувством патриотизма, преданности Родине. Вот как оптимистично и эмоционально возвышенно передал эти чувства один из защитников Брестской крепости, сражаясь против немецко-фашистских войск.

*Я вернусь еще к тебе Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов².*

Вместе с тем ценностные ориентации духовного мира личности, ее осмысление героического прошлого в своем отечестве и судьбы его развития неразрывно сопряжены с другими народами, человечеством в целом. Так, философ и писатель В.Г. Белинский подчеркивал, что русский человек, переживая сложную историю развития своего отечества, любя свой народ, должен рассматривать его как часть более высокой исторической ценности – человечества. «Любовь к отечеству, – подчеркивал он, – должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину – зна-

¹ Бакунин М.А. Избр. соч. М., 1992. Т. 2. С. 172.

² Говорят погибшие герои. М.: Воениздат, 1973. С. 450.

чит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому»¹.

Третий компонент – социально-психологический. Национальное сознание нельзя представить в полном объеме вне национального характера, национально-психологических качеств русского народа. Такие его социально-психологические качества, как милосердие, доброта, чувство долга, совесть и другие, играют важную роль в жизни общества. На данное обстоятельство обращал внимание философ И. Ильин. Подчеркивая важность психологического элемента русской нации в ее историческом развитии, он писал: «Так и в политической жизни: она делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону»².

Отечественные философы всегда обращали внимание на особенности таких качеств в русском народе, его характере. Так, А.С. Хомяков, выделяя милосердие среди других черт социально-психологического свойства в народе, подчеркивал: «В нас живет желание человеческого сочувствия: в нас беспрестанно говорит теплое участие к судьбе нашей иноземной братии, к ее страданиям, так же как ее успехам, к ее надеждам, так же как к ее славе»³.

Нельзя не отметить такую черту социально-психологического характера русского народа, какой является самоотречение и самоотдача, особенно на крутых поворотах истории. Известный русский мыслитель С.М. Соловьев в труде «История России» весьма ярко отразил такое качество русских людей в их самоотверженной борьбе за независимость. Жители осажденного Смоленска, которые в период Смутного времени сражались против войск польского короля Сигизмунда, оказали им отчаянное сопротивление. Из 80 тыс. жителей осталось живыми только 8 тысяч; они зажгли порох, который находился внизу в погребах, и взорвали себя. Примечательно, что польский историк К.Ф. Валишевский, говоря о России, вынужденно признавал: «... сила России и тайна ее судьбы в большей части заключается в том, что она всегда имела волю и располагала властью не обращать внимание на траты, когда дело шло о достижении раз поставленной цели»⁴.

¹ Цит. по: Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014. № 3. С. 34.

² Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 47.

³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. I. С. 3-4.

⁴ Цит. по: Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014. № 3. С. 41.

Известные представители гуманитарной мысли в России вместе с тем обращали внимание на то, что в психологии русского народа, его характере сочетаются и позитивные, и негативные элементы. Так, Н.А. Бердяев отмечал противоречивость, непоследовательность русского характера. Он с сожалением говорил о том, что в такой душе, с одной стороны, проявляется бездонная глубь и необъятная высь, а с другой, недостаток личного достоинства. Жажда свободы уживается и мирится с покорностью¹.

Четвертый компонент – социокультурный, прежде всего духовный. И.А. Ильин, подчеркивая духовную значимость для русского народа его культуры и традиций, указывал: «Нет, культура, традиции живут, возрождаются, творятся в каждом поколении россиян, в каждом из нас. Мы должны знать наши традиции, нашу историю, сознательно опираться на нашу культуру. Мы должны учитывать в своей деятельности и коллективистские черты русских людей, их склонность возвращать те общественные формы, которые покоятся на братстве, солидарности, «зигдуются жертвою и любовью»².

Он также отметил, что духовность как важная ценность для русского народа на всем протяжении истории страны наиболее ярко проявлялась в патриотизме. Вместе с тем, характеризуя патриотизм как важный духовный феномен, реализуемый в поступках личности, философ предостерегал от одностороннего его толкования, переходящего в крайность. И.А. Ильин писал: «Настоящий патриот видит не только духовные пути своего народа, но и его соблазны, слабости и несовершенства. Любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними»³.

Важное методологическое значение в наше время приобретает понимание категории «духовное».

Духовное – высшая форма социального отражения, в котором проецируются наиболее существенные функционирующие, смыслообразующие идеи и ориентации духовного мира человека, которые выражают его самосознание, а также самореализацию как целостность.

По своему содержанию этот компонент не может быть локализован. Он весьма разнообразен. В нем можно выделить несколько взаимосвязанных граней. Во-первых, это национально-религиозная

¹ Цит. по: Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014. № 3. С. 41.

² Там же. С. 45.

³ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1994. С. 235.

(православно-церковная). Она раскрывается в той роли, которую исторически играло православие в истории нашего Отечества.

Во-вторых, художественно-эстетическая грань, основанная на месте и социальной сущности отечественного искусства и литературы в духовной жизни российского общества, его мировоззренческих позициях, нравственно-эстетических идеалах личности. Особенно значительна художественно-эстетическая ценность в нашей культуре, литературе произведений А.С. Пушкина. Академик Д.С. Лихачев писал: «Пушкин – это гений, сумевший создать идеал нации... Он создал основные живые человеческие образы русской истории, в представлениях о которых мы сохраняем некоторую традиционность, идущую от него... Русскую прозу создали «Капитанская дочка», «Станционный смотритель», «Пиковая дама»... Без Пушкина нет основных тем русских романов, нет основных русских опер, нет русского романса – самой характерной формы русской музыкальной лирики. Пушкин – это действительно все наше»¹.

В-третьих, гуманистические, прежде всего политико-правовые, идеи отечественной философской мысли, в том числе относящиеся к государственному устройству России.

«Каждому народу, – отмечал И.А. Ильин в работе «О государственной форме», – причитается своя особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным»².

Так, русский философ А.С. Хомяков, обращая внимание на искреннее желание русского народа находиться в сотрудничестве, добрососедстве и уважительных отношениях со всеми другими народами, писал: «Русский смотрит на все народы, зажеванных в бесконечные границы северного царства, как на братьев своих. Мы будем, как всегда и были, демократами среди прочих семейств Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное»³.

Другой русский философ В. Соловьев обратил внимание на связь политики государства и обеспечения стабильного мира между государствами Европы. «В настоящее время политика России, – писал он, – должна иметь только две задачи: во-первых, поддержание европейского мира..., а, во-вторых, культурное воздействие

¹ Цит. по: Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014. № 3. С. 44.

² Там же. С. 48.

³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1915. С. 107.

на варварские народы, находящиеся в сфере нашего влияния; обе эти задачи, помимо внутреннего своего достоинства, удивительным образом поддерживают друг друга, взаимно обуславливая свое существование»¹.

П.И. Новгородцев, уделяя значительное внимание взаимосвязи власти и народа, отмечал важность перспектив такого союза в будущем России. Как бы приподнимая завесу над грядущим в области развития государства, он указывал: «Для русского государственного сознания наших дней встает задача огромной жизненной важности: в непосредственном взаимодействии власти и народа осознать и утвердить необходимые основы государственного бытия. Было бы величайшим несчастьем для России, если новая национальная власть, которой ждет страна, не нашла в себе достаточно творческой силы для того, чтобы вступить на новый путь государственного строительства»².

В-четвертых, нравственная грань. Она реализуется в моральном выборе обществом и личностью нравственных ценностей: добра, справедливости, долга, совести, чести и достоинства и других важных качеств.

П.И. Новгородцев, прогнозируя движение российского общества, раскрывал его содержательные компоненты, особое внимание обращал на нравственные ценности. Он, оценивая перспективы развития такого идеала общества, отмечал: «Не вера в земной рай, который оказывается по существу недостижимым, а вера в человеческое действие и нравственное должествование – вот что становится здесь перед нами»³.

Еще более рельефно мысль о нравственности и ее роли в объединении людей выразил П.А. Кропоткин в работе «Этика». Он утверждал: «Без известной нравственной связи между людьми, без некоторых нравственных обязательств, добровольно на себя принятых и мало-помалу перешедших в привычку, никакое общество не возможно»⁴.

В свою очередь, В. Соловьев обращал внимание, что в самом обществе его институты и люди должны нравственно совершенствоваться, творя добро. «Дело не во внешнем сохранении тех или иных учреждений, которые могут быть хорошими или дурными, – считал философ, – а только в искреннем и последовательном старании усовершенствовать внутренне все учреждения и отношения обществен-

¹ Соловьев В.С. Избранное. Три разговора. М., 1990. С. 317.

² Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1955. С. 361.

³ Там же. С. 12.

⁴ Кропоткин П.А, Этика. М., 1991. С. 388.

ности, могущие стать хорошими, все более и более подчиняющему их единству и безусловному нравственному идеалу свободного единения всех в совершенном добре»¹.

Заметим, что косвенное признание этого качества отмечают и зарубежные деятели. Примечательна в этом плане характеристика национальных черт русского народа даже теми лицами, которые далеко не симпатизировали нашей стране. Так, известный английский деятель Лорд Дж. Керзон, говоря о русском народе, отмечал: «... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей мере воспринимает злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами»².

Духовность личности как социально-культурный феномен исследуется через продукты культуры, возвышая его над собственно физиологическими потребностями. Она отражает мировоззрение/синтез убеждений, представлений, реализуемых в конкретных поступках и отношениях. В современных условиях состояния развития российского общества духовность проявляется во взаимодействии народа и власти. Наиболее рельефно этот феномен реализуется в поддержке легитимности власти.

В рамках существующей поддержки можно выделить, во-первых, так называемую «специфическую» поддержку. Она опирается на оценку российским обществом конкретных решений, принимаемых государственными органами, проводимого властью политического курса, публичных заявлений, конкретных политических действий, личностных качеств политических лидеров со стороны граждан России.

Во-вторых, «диффузная» поддержка. Она представляет собой своеобразную совокупность положительных оценок и мнений, которая помогает народу принимать (или как минимум – терпеть) действия властных структур в целом. Характерными чертами диффузной поддержки народом власти являются: продолжительность протекания; связь с процессами социализации и приобретением индивидуумами политического опыта; направленность на оценку политического режима в целом, а не отдельных должностных лиц.

Важным компонентом диффузной поддержки выступает доверие. Оно возникает в силу удовлетворенности населения деятельностью

¹ Цит. по: Семигин Г.Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005. С. 535.

² Цит. по: Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014. № 3. С. 42.

прежде всего властных структур, принимающих решения адекватные социальным ожиданиям разных групп населения России.

Таким образом, пространственно – временной критерий – важная характеристика русского мира ядром которого является Россия, с учетом внешних и внутренних детерминантов, воздействующих на неё.

Библиография

1. Бакунин М.А. Избранные сочинения М., 1992. Т. 2.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993.
3. Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014. № 3.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1994.
5. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Т. 3. М., 1915.
6. Соловьев В.С. Избранное. Три разговора. М., 1990.
7. Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1955.
8. Кропоткин П.А, Этика. М., 1991.
9. Семигин Г.Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005.

10. References

1. Bakunin M.A. Selected works [*Izbrannye sochinenija*] М., – 1992. – Vol. 2.
2. Ilyin I.A. Collected Works: In 10 vols. [*Sobranie sochinenij v 10 t.*] – М., 1993.
3. Bessonov B. Russian thinkers about the nature of the Russian people [*Russkie mysliteli o haraktere russkogo naroda*] // Life of nationalities. – 2014. – Iss. 3.
4. Ilyin I.A. The way to evidence [*Put' k ochevidnosti*]. – М., 1994.
5. Khomyakov A.S. Complete Works of Vol. 3. [*Polnoe sobranie sochinenij T. 3.*] – М., 1915.
6. Soloviev V.S. Selected. Three conversations. [*Izbrannoe. Tri razgovora*] – М., 1990.
7. Novgorodtsev P.I. Compositions. [*Sochinenija*] – М., 1955.
8. Kropotkin P.A., Ethics [*Jetika*] – М., 1991.
9. Semigin G.Yu. Russian political and legal doctrines [*Rossijskie politiko-pravovye doktriny*] – М., 2005.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIOLOGY OF EDUCATION

АНИСИМОВА

*Татьяна Германовна,
д. социол. н., профессор,
Московский государственный
университет путей сообще-
ния Императора Николая II
(МИИТ), Москва, Россия
anissimova07@gmail.com*

ANISIMOVA

*Tat'jana Germanovna,
Doctor of Sociological Sciences,
professor, Moscow State Uni-
versity of Railway Engineering
of Emperor Nicholas II (MIIT)
Moscow, Russia
anissimova07@gmail.com*

Социальное управление мониторингом адаптации сту- дентов высшей школы/ Social management of students adaptation monitoring of high school

Аннотация

В статье на основе авторских исследований дается теоретико-методологическое обоснование сущности и роли социологического управления мониторингом адаптации студентов вузов. Автор показывает, как при помощи мониторинга осуществляется выявление негативных тенденций в адапционном процессе и, на основании полученной информации, принимаются научно-обоснованные управленческие решения.

Ключевые слова

Мониторинг, социальное управление, адаптация, эффективность управления.

Abstract

In the article, on the basis of author's research, a theoretical and methodological substantiation of the essence and role of sociological management of the monitoring of adaptation of university students is given. The author shows how monitoring

reveals negative trends in the adaptation process and, on the basis of the information received, makes scientifically-based management decisions.

Keywords

Monitoring, social management, adaptation, management effectiveness.

Решение проблемы социальной адаптации студентов в вузе реализуемо только посредством грамотного, научно обоснованного управления данным процессом. Достижение этой стратегической цели невозможно без пересмотра общего отношения к практической социологии, к ее потенциалу, возможностям влияния и взаимодействия с управленческими структурами различных уровней, в том числе с менеджментом вузов. В настоящее время администрация вузов ощущает устойчивую потребность в получении научно обоснованной, объективной информации, касающейся проблем социальной адаптации студенческой молодежи. Именно на основании подобной информации возможно построение релевантных, верифицируемых моделей решения проблемы. В отмеченном нами аспекте подразумевается целенаправленное воздействие управляющей системы на ключевые факторы детерминирующие адаптационные процессы с целью обеспечения успешной социальной адаптации студенческой молодежи. Управленческое воздействие осуществляется на основе мониторинга, представляющего собой

- непрерывный процесс наблюдения за процессом социальной адаптации студентов;
- регистрацию параметров объекта, в сравнении с заданными критериями;
- своевременное выявление, анализ, прогнозирование и предупреждение негативных тенденций;
- принятие соответствующих управленческих решений.

Лишь комплексное наблюдение, включающее полную, достоверную, оперативную и дифференцированную информацию об оценке студентами своего социального самочувствия и социального самочувствия, может обеспечить надежную «обратную связь» управления, позволит придать управленческим решениям научную обоснованность.

Анализируя особенности взаимодействия социологов-исследователей с управленческими структурами различных уровней, необходимо отметить, что сущность управления в любой системе заключается в стимулировании необходимых процессов путем

управленческих воздействий, под влиянием которых система принимает более оптимальное состояние. В этой связи под управлением адаптацией студентов в вузе понимается совокупность мероприятий и условий, повышающих способность к адаптации и ускоряющих адаптационный процесс. Для создания эффективной системы управления адаптацией студентов в вузе необходимо прежде всего определить ее цели – к каким именно результатам в данном направлении стремится вуз. Очевидно, что целью управления адаптацией студентов в вузе является обеспечение успешности социальной адаптации студента и его дальнейшего развития.

Управление адаптацией в вузе носит многоуровневый и этапный характер. Уровни отражают степень сложности управления. Этапы управления включают в себя: определение цели, анализ информации, прогнозирование, принятие решения, организацию исполнения, коммуникацию, контроль, оценку результатов и коррекцию.

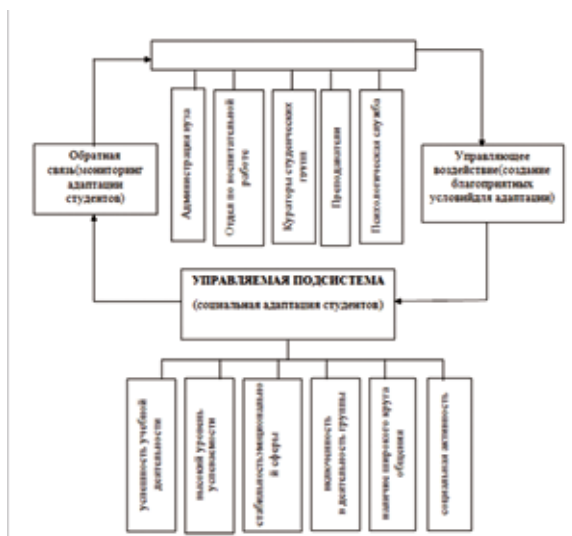

Схема системы управления адаптацией студентов в вузе

Система управления адаптацией студентов в вузе может включать следующие компоненты:

1. Изучение запросов сторон, заинтересованных в успешной адаптации.
2. Проектирование требований к студенту и выпускнику вуза.

3. Соотнесение требований с возможностями вуза и корректировка на этой основе различных компонентов образовательного процесса.

4. Формирование программы адаптации, включающей мероприятия организационного, учебного и воспитательного характера.

5. Выбор критериев, по которым будет производиться оценка степени адаптации студенческой молодежи.

6. Разработка и реализация мониторинга адаптации студентов в вузе (обратной связи).

Система управления адаптацией студентов в вузовской среде, как и другие системы управления, имеет объект и субъект. Общая ее модель представлена на рисунке. Приведенная модель отражает основные составляющие системы управления адаптацией, а именно управляющую и управляемую подсистемы (субъект и объект управления). Субъектом управления являются администрация вуза, центр по воспитательной работе совместно с кураторами учебных групп, преподавателями, студенческими общественными организациями. Объектами управления являются, с одной стороны, затрачиваемые ресурсы (обеспечение внешних условий для успешного адаптационного процесса), с другой – получаемые при этом результаты (повышение успеваемости, улучшение климата в учебных группах и т.д.).

Взаимодействие между субъектом и объектом управления в системе управления социальной адаптацией студентов осуществляется как в ходе реализации управляющего воздействия субъекта на объект управления путем принятия определенных управленческих решений в области повышения эффективности адаптационных процессов в студенческой среде, так и посредством механизма обратной связи, благодаря которому субъект управления получает информацию о реализации принятых решений, а также о состоянии объекта. Таким механизмом, на наш взгляд, является социологический мониторинг социальной адаптации студенческой молодежи.

Как правило, система мониторинговых социологических исследований формируется на основе количественной методологии научного познания. Ее сильными сторонами выступают надежность, воспроизводимость результатов. Опора на математические и статистические методы позволяет добиваться репрезентативности результатов исследования применительно ко всей совокупности российского студенчества. Исследователи отмечают, что количественными методами принято считать способы получения первичной информации о предмете социологического исследования, ее анализа, синтеза, описания и объяснения, которые позволяют изучать социальную реальность как совокупность социальных процессов,

структур и институтов с точки зрения их количественных характеристик (величины, интенсивности, степени проявления) и массовости. Количественные методы составляют основу классической парадигмы социологического исследования, предметом которой выступает надындивидуальная социальная реальность, а когнитивная стратегия состоит в установлении социальных закономерностей. Основой применения количественного анализа выступает представление об обществе как системной целостности и предположение о рациональной способности исследователя логически упорядочить и объяснить объективную социальную реальность¹.

В целях осуществления эффективного социологического мониторинга социальной адаптации российского студенчества представляется возможным применять различные разновидности повторных количественных исследований. Следует подчеркнуть, что повторные исследовательские проекты представляют собой совокупность нескольких исследований, проведенных по единой программе и инструментарию последовательно через определенные промежутки времени и призванных получить результаты, характеризующие динамику изменения объекта. Сильной стороной любого из повторных исследований выступает высокий потенциал как средства сравнительного анализа.

В рамках мониторинговых проектов нередко используются панельные исследования, целью которых выступает анализ изменений во времени одних и тех же объектов, принадлежащих некоторой совокупности (индивидов, семей и т.д.). Панельное мониторинговое исследование нацелено на изучение изменения мнений и аттитюдов по одному и тому же вопросу группы людей, образующих один и тот же объект (в нашем случае – российское студенчество). Например, если базовое исследование включало выборочный опрос студентов определенных факультетов Орловского государственного университета, то повторение опроса через 5, 10 лет диктует необходимость нахождения этих респондентов, теперь уже в статусе бывших студентов и опросить их вновь. В результате появляется хорошая возможность фиксации индивидуальных и групповых изменений.

В свою очередь лонгитюдное исследование предполагает многократную регистрацию определенных показателей через строго установленные промежутки времени с целью определения динамики их изменения и взаимовлияния. Такое исследование ориентировано на длительный анализ одних и тех же лиц или социальных объектов. Обычно этот вид исследований используется для изучения отдель-

¹ Дэвис, Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / Дж. Дэвис ; пер. с англ. – М., 2003. – С. 107–109.

ных поколений, возрастных групп. Например, в течение нескольких лет могут проводиться регулярные исследования студентов. Лонгитюдное исследование выглядит более интенсивным по сравнению с панельным, которое проводится через годичные временные интервалы, тогда как лонгитюдное предполагает более частое и интенсивное обращение к объекту исследования¹.

В рамках мониторингового проекта целесообразно обращаться и к трендовым исследованиям, которые ориентированы на изучение изменений данной социальной группы как определенной целостности. В отличие от панельных, лонгитюдных исследований, здесь нет нужды сохранять в выборке тех же самых индивидов изучаемой совокупности. Необходимо обеспечить лишь их принадлежность к определенной социальной группе (т.е. студенческой молодежи). Условием научно обоснованного анализа в данном случае выступает соблюдение относительно одинаковой методики, использование тождественного инструментария. Целью трендовых исследований является установление тенденций социальных изменений.

Например, исследование социального самочувствия студентов г. Орла, являющееся элементом более масштабного эмпирического анализа социальной адаптации студентов, предполагает постоянную смену единиц наблюдения при сохранении одного и того же объекта – студенческой среды. В данном случае у исследователя появляется возможность отслеживания изменений социального самочувствия студенческой среды г. Орла. При этом нет необходимости (как и возможности, так как студенты заканчивают обучение и покидают данную среду) сохранять один и тот же состав участников исследования. Здесь самое главное, чтобы респонденты принадлежали к такой социальной и социокультурной среде, как российское студенчество. В данном случае трендовое исследование является одним из оптимальных вариантов решения проблемы.

Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев социологический мониторинг проводится в форме долгосрочных исследований, которые длятся в течение нескольких лет. В ходе этого временного промежутка проводятся различные виды повторных эмпирических исследований, реализующих различные процедуры сравнения.

Следует отметить повышенную сложность мониторингового исследования, когда в качестве объекта анализа выступают российские студенты. Однако такой объект выглядит неконкретным, не соответствует основным нормативным требованиям эмпирического исследования. Поэтому необходимо уточнять характеристики объ-

¹ Добреньков В. И., Кравченко А.И. Методология и методика социологического исследования / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – М., 2009.

екта. Например, географическая локализация: г. Орел, Орловский государственный университет (определяется масштаб исследования); очная либо заочная форма обучения (однако следует принимать во внимание, что заочники выходят на сессию лишь на короткое время, включение их в состав объекта серьезно усложняет исследование, конечно, повышая его гносеологическую значимость. Необходимо заметить, что очники и заочники значительно отличаются по потребностям, интересам, трудовой занятости, характеру досуга и т.п., что усложняет задачу создания «унифицированного» инструментария. В ходе реализации мониторингового исследовательского проекта социальной адаптации студенческой молодежи необходимо обращать серьезное внимание факультетам, курсам, специальностям обучающихся. Это необходимо для того, чтобы понять, как в дальнейшем можно интерпретировать и на какие группы экстраполировать полученные выводы относительно особенностей адаптационного процесса студентов. Ведь известно, что факультеты в вузе отличаются не только уровнем престижности и стоимостью обучения, но и гуманитарной или естественно-научной направленностью. Поэтому от того, студенты каких факультетов были отобраны для исследования, во многом зависят и итоговые результаты.

Стоит отметить, что социологический мониторинг по своим функциональным характеристикам, исследовательским возможностям подходит для всестороннего объективного анализа особенностей социальной адаптации студентов к учебе в вузе, прежде всего проблемных аспектов данного процесса:

- непрерывное наблюдение за уровнем адаптации студентов и получение оперативной информации о данном процессе;
- своевременное выявление изменений, происходящих в социальной адаптации, и факторов, вызывающих эти изменения;
- предупреждение негативных тенденций в изменении уровня социальной адаптации;
- осуществление краткосрочного прогнозирования социальной адаптации студентов в среде вуза;
- оценка эффективности реализации программ, направленных на ускорение прохождения этапа адаптации студентов к учебе в вузе и повышение эффективности данного процесса;
- накопление материалов, необходимых для дальнейшей деятельности в направлении повышения эффективности социальной адаптации студентов .

При всестороннем анализе теоретических и эмпирических аспектов социологических исследований, проведенных в России по дан-

ной тематике, целесообразно обратить внимание на два основных направления мониторинга социальной адаптации студентов¹.

При рассмотрении проблемы всестороннего исследования социальной адаптации студенческой молодежи необходимо повышенное внимание уделить оценке особенностей воздействия разнообразных объективных и субъективных факторов на процесс приспособления к условиям среды, интеграции в ее пространство.

Как справедливо отмечают исследователи, задача первого направления мониторинга социальной адаптации студентов в вузе – анализ приоритетов факторов, ее определяющих. Степень влияния рассматриваемых факторов на социальную адаптацию студентов к жизни в вузе неодинакова. Это необходимо учитывать при определении приоритетов программ, направленных на ускорение прохождения этапа адаптации студентов к учебе в вузе и повышение эффективности данного процесса. Субъектами опроса здесь являются эксперты в данной области – руководители факультетов вузов, сотрудники отделов по воспитательной работе, преподаватели.

Для решения данной задачи предлагается использовать метод аналитических иерархий, достоинством которого являются гибкость и возможность объективизации экспертной информации².

На первом этапе целесообразно осуществить конструирование иерархии факторов социальной адаптации студентов. Это весьма сложный процесс, который выдвигает требования эрудиции и интеллектуального уровня усилий со стороны исследователя. Именно поэтому на данной стадии целесообразно использовать экспертное знание, предоставив какой-либо промежуточный вариант для обсуждения экспертного сообщества.

После построения иерархии необходимо перейти к следующему этапу – сравнению приоритетов элементов (факторов) различных уровней иерархий. Центральным вопросом на языке иерархии является следующий: насколько сильно влияют отдельные факторы самого низкого уровня на вершину иерархии. Неравномерность влияния факторов приводит к необходимости определения интенсивности влияния (приоритетов факторов). Эксперт производит сравнение важности элементов на всех уровнях иерархии (сфер жизни в вузе относительно цели – социальной адаптации, факторов адаптации относительно сфер жизнедеятельности вуза) в терминах доминирования каждого элемента над другими по степени влияния

¹ Лясковская, О. В. Совершенствование мониторинга социального самочувствия в системе управления качеством жизни населения региона : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Лясковская О. В. – Орел, 2007.

² Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати. – М.: Радио и связь, 1993

на социальную адаптацию (фокус иерархии) в лингвистической форме (одинаковая, слабая, существенная или сильная, очень сильная или очевидная, абсолютная значимость одного из двух элементов по сравнению с другим). В случае, когда эксперт затрудняется в выборе одной из двух градаций степени значимости (важности), принимается промежуточное значение.

На заключительном этапе осуществляется интерпретация приоритетов факторов, определяющих социальную адаптацию студенческой молодежи¹.

Вторым направлением мониторинга служат количественные, статистически значимые социологические опросы, репрезентирующие совокупность студентов вуза, главная задача которых – оценивать степень социальной адаптации студентов, фиксировать сдвиги в ее уровне.

Структура мониторинга схематически выражается в системе социальных индикаторов, которая охватывает учебную, внеучебную (общественную), социальную сферы вуза. Она отслеживает объективные условия жизни студентов в вузе, а также особенности их адаптации к этой жизни. Система включает следующие индикаторы:

- образовательная среда вуза;
- внеучебная сфера жизни вуза;
- психологический климат в коллективе;
- эмоциональное состояние, состояние здоровья;
- бытовые условия.

Каждая группа индикаторов операционализируется в форме вопросов анкет. Поскольку мониторинг ориентирован в первую очередь на анализ динамики социальной адаптации студентов, система его индикаторов должна оставаться стабильной. Однако совокупность вопросов, конкретизирующих эту систему, развивается и совершенствуется на протяжении всего исследования.

Анкета для проведения мониторинга социальной адаптации студентов должна включать следующие блоки:

I. Постоянный (мониторинговый) блок. Данный блок анкеты содержит вопросы, касающиеся:

- 1) удовлетворенности студентом выбором вуза:
 - в какой степени вы удовлетворены выбором вуза;
 - как вы оцениваете качество обучения в вузе;
 - назовите факторы, повлиявшие на выбор вуза;

¹ Гудова, Т. Г. Методические вопросы оценки факторов социально-психологической адаптации студенческой молодежи / Т. Г. Гудова, В. Г. Шуметов // Вестник НИИРПО. Серия «Экономика и управление». Вып. 2. – М.: ИИЦ НИИРПО, 2009.

2) удовлетворенности сложившимися отношениями со студентами и администрацией вуза:

- в какой степени вы удовлетворены сложившимися отношениями с одногруппниками;
- в какой степени вы удовлетворены сложившимися отношениями с преподавателями;
- в какой степени вы удовлетворены сложившимися отношениями с деканатом;
- в какой степени вы удовлетворены сложившимися отношениями с ведущей кафедрой;
- оцените уровень взаимопомощи в группе;
- оцените уровень сплоченности в группе;
- оцените уровень взаимопонимания в группе;
- имеете ли вы близких друзей среди однокурсников;
- кого вы видите своими помощниками в преодолении трудностей в учебе;

3) удовлетворенности внеучебной работой в вузе:

- оцените организацию внеучебной работы в вузе;
- как часто посещаете внеучебные мероприятия в качестве участника или зрителя;
- как вы включились в жизнь вуза;

3) способности к организации своей жизни:

- в какой степени вам удастся планировать свое учебное время;
- в какой степени вам удастся планировать свое свободное время;

4) оценке своего эмоционального состояния и уровень здоровья:

- оцените состояние своего здоровья в настоящее время;
- наблюдаются ли изменения в состоянии здоровья за время учебы в вузе;
- оцените свое эмоциональное состояние по ряду критериев.

II. Переменный (ситуативный) блок. Данный блок анкеты содержит вопросы, посвященные:

1) актуальным проблемам вуза;

2) конкретным ситуациям в учебной и общественной сферах жизни вуза.

Таким образом, в качестве исходных данных анализа социальной адаптации студентов должен быть охвачен широкий круг вопросов, которые подбираются таким образом, чтобы они по возможности перекрывали широкий спектр суждений, достаточных для характе-

ристики этой категории. Широта очень важна, так как благодаря ей можно разработать объясняющие модели, учитывающие множество переменных, влияющих на социальную адаптацию студентов в вузе.

III. Социально-демографический блок:

- пол;
- возраст;
- доход семьи;
- наличие заработка;
- место проживания;
- факультет, курс обучения.

Становится очевидным, что социологический мониторинг проблем социальной адаптации студенческой молодежи – весьма сложное и трудоемкое социально-инженерное направление в современной социологии. Именно поэтому необходимо создание научно-методического и аналитического центра, что не только существенно повысит статус мониторинга, но и обеспечит получение высококачественных результатов, расширит возможности исследований, позволяя задействовать интеллектуальные ресурсы в аналитических целях. Практически деятельность центра должна заключаться в выполнении следующих функций:

- 1) подготовка инструментария исследования, построение выборки;
- 2) сбор первичной социологической информации (проведение социологических опросов, экспертных опросов);
- 3) анализ полученной информации;
- 4) формулировка выводов, подготовка прогнозов, рекомендаций по оптимизации работы в сфере реализации программ, направленных на повышение эффективности прохождения студентами процесса адаптации к жизни в вузе.

Результаты мониторинга социальной адаптации студентов, представляя комплексную оценку данного социального феномена и тенденций его изменения, являются информационной основой системы управления процессом адаптации студентов в вузе. Созданная информационная система позволит объективно отражать состояние, направления и тенденции развития социальной адаптации, выявлять проблемные зоны, оперативно корректировать действия, направленные на успешное прохождение данного процесса.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на следующую проблему, характерную для организации и проведения мониторингового исследования социальной адаптации студенческой молодежи. Так, управленческие структуры российских вузов регулярно сталкиваются с ситуацией, когда вполне могут быть поставлены под

сомнение актуальность и полезность для решения конкретных проблем мониторинговые исследования, являющиеся финансово затратным и ресурсно трудоемким мероприятием. Стоит подчеркнуть, что ситуацию могли бы оптимизировать принятые законодательные акты, обязывающие развернуть во всех государственных вузах РФ систему социологического мониторинга проблем, связанных с социальной адаптацией студентов как инструмента преодоления девиаций в данной среде.

Социологический мониторинг студентов российских вузов может быть подконтролен высшему руководству Минобрнауки РФ и эмпирическая информация, добываемая исследователями, будет «питать» властную вертикаль данными не только о проблемах студенчества, но и о профессионализме и соответствии занимаемой должности преподавателей и административных работников вузов. Система управления вузами станет более прозрачной и предсказуемой для ее объектов и субъектов, а важную роль в ней должны играть социологи-исследователи.

Таким образом, подводя итоги параграфа, мы можем констатировать следующее. Система социологического мониторинга адаптации студентов позволяет выявлять наиболее актуальные и острые проблемные ситуации, а также вести поиск эффективных управленческих решений, направленных на их разрешение.

В настоящее время в рамках эмпирической социологии накоплен богатый методический и методико-процедурный потенциал, который позволяет успешно решать задачи анализа различных индикаторов социальной адаптации студенческой молодежи в условиях современного общества риска и неопределенности.

Следует подчеркнуть, что именно социологический мониторинг оптимально соответствует задачам всестороннего анализа социальной адаптации студенческой молодежи. Многоаспектность и динамизм проблемы исключает применение точечного анализа. Управленческим структурам, работающим в тесном взаимодействии с социологами, необходимо получать оперативную информацию об изменениях в процессе социальной адаптации, об актуализирующихся факторах дезорганизации и дисфункциональности. Данное исследование является наилучшим способом установить обратную связь с объектом управления (студенческой молодежью), производить оперативные корректировки социально-управленческих мероприятий в опоре на данные об их эффективности, получаемые от самих студентов.

Библиография

1. Дэвис, Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / Дж. Дэвис ; пер. с англ. – М., 2003.
2. Гудова Т.Г. Методические вопросы оценки факторов социально-психологической адаптации студенческой молодежи // Вестник НИИРПО. Серия «Экономика и управление». Вып. 2. – М. : ИИЦ НИИРПО, 2009.
3. Лясковская, О.В. Совершенствование мониторинга социального самочувствия в системе управления качеством жизни населения региона :автореф. дис. канд. социол. наук / Лясковская О.В. – Орел, 2007.
4. Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати. – М. : Радио и связь, 1993
5. Добренков В. И., Кравченко А.И. Методология и методика социологического исследования / В. И. Добренков, А. И. Кравченко. – М., 2009.

References

1. Davis, J. Research in advertising: theory and practice [*Issledovanija v reklamnoj dejatel'nosti: teorija i praktika*] / J. Davies; Per. With the English. - M., 2003.
2. Gudova, TG Methodological issues of assessing the factors of socio-psychological adaptation of student youth [*Metodicheskie voprosy ocenki faktorov social'no-psihologicheskoy adaptacii studencheskoj molodezhi*]// Vestnik NIIRPO. Series "Economics and Management." Issue. 2. - M.: IITS NNIRPO, 2009.
3. Lyaskovskaya, OV Perfection of monitoring of social well-being in the system of quality management of the population of the region: the author's abstract. Dis. cand. Sociology [*Sovershenstvovanie monitoringa social'nogo samochuvstvija v sisteme upravlenija kachestvom zhizni naselenija regiona*] / Lyaskovskaya OV - Eagle, 2007.
4. Saati, T. Making Decisions. The method of analyzing hierarchies [*Metod analiza ierarhij*] / T. Saati. - M.: Radio and Communication, 1993
5. Dobrenkov VI, Kravchenko AI Methodology and methodology of sociological research [*Metodologija i metodika sociologicheskogo issledovanija*] / VI Dobrenkov, AI Kravchenko. - M., 2009.

КОВЗИРИДЗЕ

*Манана Акакиевна,
к. социолог. н., Московского
государственного универси-
тета путей сообщения
Императора Николая II
(МИИТ), Москва, Россия
info@журналпоиск.рф*

KOVZIRIDZE

*Manana Akakievna,
Candidate of Sociological
Sciences, Moscow State Univ
ersity of Railway Engineering
of Emperor Nicholas II (MIIT),
Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф*

**Методологические подходы к определению
мотивации профессиональной деятельности
в социологии/ Methodological approaches
to definition motivation professional activity in Sociology**

Аннотация

В статье рассматривается мотивация трудовой деятельности как социологическая категория. Мотивация профессиональной деятельности рассматривается как феномен многозначный по содержанию и различным формам.

Ключевые слова

Мотив; мотивация труда; содержательные теории; процессуальные теории.

Abstract

The article deals with the motivation of labor activity as a sociological category. The motivation of professional activity is considered as a phenomenon of multi-valued content and various forms.

Keywords

Motif; labor motivation; procedural theory.

Деятельность человека (в том числе, и профессиональная) всегда предметна и субъективна. Это проявляется в социальной обусловленности деятельности человека, в ее связи со значениями, фиксированными в ценностях и нормах, а также установках, потребностях, целях и мотивах, определяющих направленность и избирательность деятельности¹. Мотивация – единая сложная, многоуровневая си-

¹ Данилова Е.А. Межличностные и общественные отношения в реальной

стема неоднородных факторов, детерминирующих поведение человека. Сложность и многоаспектность проблемы мотивации обуславливает множественность подходов к пониманию ее сущности, природы, структуры, а также к методам изучения.

В первую очередь важно выделить такую категорию, как «отношение к труду». По мнению А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова, наиболее глубоким фактором, определяющим отношение к труду, являются экономическая структура общества и совокупность производственных отношений¹. Все это преломляется через структуру личности, которая предстает как конкретный носитель мотивации профессиональной деятельности. Мотивация – сложное явление, рассмотрение которого включает в себя целый ряд понятий: мотивация, потребность, мотив, установка, ценностные ориентации, престиж профессий.

Под мотивацией труда в социологии в широком смысле принято понимать субъективное отношение работника к труду, его заинтересованность или незаинтересованность в самом процессе и результатах труда, а также направленность работника на трудовую деятельность. Мотивация в данном случае – это побуждение к труду, обуславливающее степень вовлеченности в трудовой процесс. В таком широком понимании термин «мотивация» предполагает различные смыслы, которые приписывают ему те или иные исследователи.

Мотивацию, таким образом, отождествляют с внутренним побуждением, с внутренней регуляцией деятельности, включающей не только потребности и интересы, но и жизненные ориентации и притязания, оценки и удовлетворенности, иными словами, все то, что характеризует значимость чего-либо для человека и направляет его деятельность в соответствии с этим. Мотив и мотивация представляются, таким образом, как выражение активности субъекта, определяемой соответствующим уровнем пристрастности человеческой деятельности.

При этом подчеркнем, что понятие «мотив» уже понятия «мотивация», он выступает тем сложным механизмом соотношения личностью внешних и внутренних факторов поведения, который определяет возникновение и направление, а также способы осуществления конкретных форм деятельности.²

системе жизнедеятельности людей. Сборник «Актуальные вопросы развития современного общества.

¹ Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 23

² Ковзиридзе М.А. Мотивация труда как социологическая категория // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. 4–2 С. 274–277.

Основу мотивационной сферы личности, исходную форму ее активности составляют потребности – динамично-активные состояния личности, которые выражают ее зависимость от конкретных условий существования и порождают деятельность, направленную на снятие этой зависимости. В процессе деятельности происходит как развитие личности, так и преобразование среды, в которой живет человек.

Формирование мотивации профессиональной деятельности происходит по законам и принципам основных теорий мотивации, которые начали интенсивно разрабатываться в начале XX в. Данные теории выражали основной идейный взгляд на проблему мотивации работника, который заключался в следующем: мотив – это проявление, следствие потребности. Ощущение недостатка в чем-либо становится причиной активности, направленной на устранение возникшего дискомфорта. Устранение дискомфорта можно считать достижением цели. Цель, как осознание способа удовлетворения потребности, в случае ее достижения переживается как вознаграждение. Иными словами, можно говорить о том, что активное положительное отношение к работе определяется степенью и качеством вознаграждения. При этом вознаграждение – это не просто материальная плата за труд, а все то, что человек считает для себя ценным и что дает ему ощущение удовлетворенности трудом. Другими словами, ценности играют важнейшую роль в мотивационном процессе.

Эволюция в стимулировании труда привела к тому, что оплата труда в развитых капиталистических странах стала основной долей в затратах производства. Это обеспечивало привлекательность и престижность труда, удовлетворенность работой и стремление закрепиться на данном рабочем месте или на данном производстве.

Практически все *содержательные теории* трудовой мотивации концентрируют свое внимание на выявлении человеческих потребностей и объяснении их роли в трудовой активности человека. Сегодня можно говорить о том, что содержательные теории мотивации стали основой для более глубокого и всестороннего изучения потребностей как основных побудительных причин трудовой активности человека на рабочем месте. Однако рассмотрение мотивации через потребности в содержательных теориях не позволяет ответить на вопросы о том, чем возможно определить направленность профессиональной активности, на основании каких факторов человек выбирает определенный способ действия для удовлетворения потребности, и главное – как можно поддержать трудовую активность работника. Поэтому, учитывая несомненную методологическую ценность, содержательный подход к исследованию и определению трудовой мотивации не позволяет создать целостную ее картину и не

предоставляет возможности оценить и проанализировать процесс мотивации. Содержательные теории мотивации объясняют поведение человека на работе как некоторую реакцию на удовлетворение или неудовлетворение его потребностей.

В свою очередь, авторы *процессуальных теорий мотивации* отстаивают позиции, согласно которым причиной активности работников является не только стремление удовлетворить потребности. Существуют и другие факторы, связанные с самим процессом труда, достижения результата, цели. Поведение личности является также функцией его восприятия и ожиданий, связанных с данной ситуацией, и возможных последствий выбранного им типа поведения.

Именно в рамках процессуальных теорий мотивации были проанализированы такие понятия, как «валентность вознаграждения», «стоимость затрат», «ожидание» и др. Разработка теории ожидания началась в 30-е годы XX века Куртом Левиным. Продолжили и дополнили данную теорию Виктор Врум, Лиман Портер и Эдвард Лоулер. Линия разработки данной теории направлена на попытку выяснить, почему человек выбирает ту или иную линию поведения. Так, по мнению В. Врума, работа будет продуктивной в том случае, когда она будет рассматриваться как средство для достижения лично значимых (в теории Врума – валентных) целей¹. Основной вывод теории справедливости Самюэля Гопкинса Адамса (1965 г.) состоит в том, что пока люди не начнут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут уменьшать интенсивность труда.

Таким образом, развитие процессуального подхода к исследованию мотивации значительно обогатило знания о ней, уделяя внимание не только изучению потребностей, но и многим другим факторам, влияющим на трудовую активность и определяющим ее направленность, а также выбор тех или иных форм трудового поведения. На основе анализа процессуальных теорий можно составить следующий перечень таких факторов: ожидания, цели человека, его способности, внутренние и внешние вознаграждения, удовлетворенность трудом, восприятие человеком справедливости (несправедливости), возможность самореализации и т.д.

Мотивация труда была одной из наиболее распространенных тем исследований в советской социологии труда. Уже в 1960-х годах в СССР были осуществлены крупномасштабные социологические исследования трудовой деятельности. Эталоном в отечественной социологии труда стало коллективное исследование группы ленинградских социологов под руководством А.Г. Здравомыслова и В.А.

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 235

Ядова «Человек и его работа». Немалый вклад в изучение мотивации труда внесли повторные исследования трудовой деятельности, проведенные в 1970-1980-х годах в Ленинграде, в Горьком и Горьковской области, в Одессе. В период перестройки наиболее актуальным представлялось изучение взаимосвязей между мотивацией труда и эффективностью трудового поведения. В начале 1990-х годов интерес к изучению трудовой деятельности снизился, однако во второй половине 1990-х и в начале 2000-х годов произошел определенный рост внимания исследователей к этой проблеме.

Анализ литературы дает основание сделать вывод о том, что используемое в исследованиях трудовой профессиональной деятельности понятие «мотивация» весьма неопределенно. У исследователей отсутствует единое мнение об изучаемой социальной реальности. Следовательно, существует некоторая размытость представлений о том, что именно данные исследования объясняют и что они дают для понимания природы трудовой деятельности, ее регулирования и управления. Подобная неопределенность обуславливает и несоответствие тех выводов, которые делают относительно изменения мотивации труда в течение 1990-х годов. Так, относительное единодушие наблюдается при оценке мотивирующей роли зарплаты, высокой значимости материального благополучия. Но наблюдается определенное несоответствие при попытках определить место в мотивации профессиональной деятельности других факторов, таких, как условия и содержание труда, взаимоотношения в трудовом коллективе (с товарищами по работе и с руководством), организация труда и др.

Ценностно-мотивационная сфера студенческой молодежи специфична (это отмечает в своих работах Ярина Е.В.¹ Мотивы профессиональной деятельности находятся в тесной взаимосвязи с системой ценностей студенческой молодежи, в частности, с ценностями трудовой деятельности. Именно по степени сформированности мотивации профессиональной деятельности можно судить о готовности студентов к этой деятельности. Структура данной мотивации многозначна по содержанию и различным формам. Так, студенты могут стремиться к приобретению новых практических знаний на месте работы и получению удовлетворения от самого процесса работы (познавательные мотивы), принести пользу обществу (социальные мотивы), иметь более высокий заработок (прагматические мотивы),

¹ Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 160-162.

утвердить себя и занять в будущем определенное социальное положение (мотивы социального и личного престижа) и т.д.

В современной социологии к мотивации профессиональной деятельности студенческой молодежи еще не выработан единый подход. При этом, как показывают социологические исследования, ее мотивация неоднородна и зависит от многих факторов: индивидуальных особенностей, характера ближайшей референтной группы, уровня и особенностей развития студенческого коллектива, ценностных ориентаций и пр.

Потребность трудиться обусловлена многообразными потребностями – духовными и материальными. Именно труд можно рассматривать источником человеческого существования, а его ценность в сознании людей обусловлена значимостью результатов трудовой деятельности или «вознаграждением за труд».. По мнению А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова, признание результатов труда в его материальном выражении (система оплаты труда) является главным мерилом индивидуальных возможностей человека к удовлетворению его потребностей¹. Таким образом, можно говорить о том, что уникальность и неповторимость личности определяется качеством, особенностями удовлетворения абсолютно одинакового для всех людей набора базовых потребностей. Именно мотивация как процесс побуждения к деятельности отличает людей друг от друга, а не потребности.

В настоящее время в сфере организации труда существуют и конкурируют между собой две концепции. Одна из них – техноцентристская, ориентированная на преимущественное развитие технических и технологических компонентов трудового процесса, которая стремится добиться полной формализации производственного процесса, зачастую без участия человека. В этой ситуации оправдан так называемый электронный тейлоризм. Эта концепция направлена на формализацию управления, на максимальное трудосбережение и выталкивание живого труда. Вторая концепция называется антропоцентристская и нацелена на сохранение и рациональное использование живого труда. Она признает процесс отмирания старых видов труда или их модернизацию, появление новых. Особое значение здесь имеет идея свободной организации индивидуального труда. Данная концепция отражает тенденцию к интеллектуализации труда, возможности творческого поиска².

¹ Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 24.

² Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 5-29.

При этом общественное поведение личности есть результат сложного взаимодействия различных факторов, сводящихся к специфике личности и к специфике внешних воздействий на нее. В этом воздействии внешним, социально-экономическим, условиям принадлежит особая роль, так как они в значительной мере формируют ценностные ориентации, установки и во многом жизненные позиции личности. Иными словами, в процессе социализации под воздействием семьи, школы, средств массовых коммуникаций у индивидов вырабатываются социально-профессиональные ориентации, установки, формируется мотивация профессиональной деятельности. Это выражается в выборе занятия и обретении статуса, в выборе профессии.

Теоретический анализ позволяет сформулировать следующее: все многообразие теорий, внесших определенный вклад в изучение мотивации, не позволяет предложить однозначного подхода к формированию мотивации. Каждая из теорий либо затрагивает одну область формирования мотивов, либо имеет ограничения. Следовательно, нам кажется правильным создание и использование руководителями собственного ситуационного подхода, на основе использования мотивационных схем, карт, которые должны быть определенной комбинацией знаний, накопленного опыта об особенностях коллектива, уровне его эмоционального фона.

Исследование трудовой мотивации открывает путь новым, более сложным интегративным теориям, которые позволят соединить в себе такие элементы, как потребности, мотивы, установки, а также постановку цели трудового процесса (диспозицию) и саморегулирование. На наш взгляд, существующие теории мотивации прошли долгий путь развития и своим существованием обусловили возникновение последующих, в чем-то более прогрессивных теорий. Однако налицо недостаток конкретных прикладных знаний современной теории мотивации относительно аспектов формирования профессиональной мотивации студенческой молодежи в нынешних условиях. Эти знания необходимы, они будут способствовать развитию лучшего понимания и прогнозирования установок к труду, трудового поведения и роли конструктивных элементов, определяющих специфику мотивации профессиональной деятельности.

Особое значение эти знания будут иметь в сфере управления трудовой деятельностью человека. В рамках нашего исследования высказывается мнение о том, что повышение эффективности использования интеллектуального потенциала, а также экономического и социального уровня развития общества, возможно лишь путем оптимального сочетания способностей, профессиональной мотивации работников и потребностей общества.

Библиография

1. Данилова Е.А. Межличностные и общественные отношения в реальной системе жизнедеятельности людей. Сборник «Актуальные вопросы развития современного общества».
2. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Ковзиридзе М.А. Мотивация труда как социологическая категория // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014.
4. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.
5. Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5.
6. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
7. Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры // Общественные науки и современность. 2003. № 1.

References

1. Danilova E.A. Interpersonal and social relations in the real life system of people [*Mezhlichnostnye i obshhestvennye otnoshenija v real'noj sisteme zhiznedejatel'nosti ljudej*]. Collection "Actual issues of the development of modern society.
2. Zdravomyslov A.G. Yadov V.A. Man and his work in the USSR and after [*Chelovek i ego rabota v SSSR i posle*]. 2 nd ed. Correction. And additional. Moscow: Aspect Press, 2003.
3. Kovziridze M.A. Motivation of labor as a sociological category [*Motivacija truda kak sociologicheskaja kategorija*]// Actual problems of the humanities and natural sciences. 2014.
4. Hekhauzen H. Motivation and activity. [*Motivacija i dejatel'nost'*] Vol. 1. M.: Pedagogy, 1986.
5. Yarina E.V. Theoretical analysis of the concepts of "values" and "value orientations". Scientific notes of Orel State University. [*Teoreticheskij analiz ponjatij «cennosti» i «cennostnye orientacii» Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*] Series: Humanities and Social Sciences. 2014. No.5
6. Zdravomyslov A.G. Yadov V.A. Man and his work in the USSR and after [*Chelovek i ego rabota v SSSR i posle*] 2 nd ed. Correction. And additional. Moscow: Aspect Press, 2003.
7. Vasilchuk Yu.A. Social development of man in the XX century. The factor of culture [*Social'noe razvitie cheloveka v XX veke. Faktor kul'tury*] // Social sciences and modernity. 2003. No. 1.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

РАЗИНКОВА

*Оксана Игоревна,
Московский государственный
университет путей сообще-
ния Императора Николая II
(МИИТ), Москва, Россия
oksana-mk@bk.ru*

RAZINKOVA

*Oksana Igorevna,
Moscow State University
of Railway Engineering
of Emperor Nicholas II (MIIT),
Moscow, Russia
oksana-mk@bk.ru*

Отношение к явлению смерти в социокультурном пространстве современного общества/Attitude to the phenomenon of death in the sociocultural space of modern society.

Аннотация

В представленной статье рассматриваются социальная сущность смерти и культурологические особенности восприятия явления смерти в современном обществе. Анализируется противоречивость, характерная для общества в отношении феномена смерти. Особое внимание уделяется рассмотрению представлений о смерти в информационном обществе, формированию, так называемой, сетевой культуры смерти.

Ключевые слова

Смерть; жизнь; современное общество; похоронная отрасль; информационное пространство; ритуал; социальные сети; интерне-кладбища.

Abstract

In the presented article the social essence of death and culturological features of the perception of the phenomenon of death in modern society are examined. The contradictory nature of society in relation to the phenomenon of death is analyzed. Particular attention is paid to the consideration of ideas about death

in the information society, the formation of the so-called network culture of death.

Keywords

Death; life; modern society; funeral industry; information space; ritual; social networks; internecine-cemeteries.

Общество XXI века характеризуется двойственным отношением к феномену смерти. Парадокс заключается в том, что с одной стороны явление смерти воспринимается как негация (отрицание), с другой признается как событие. Общество пытается упразднить непристойную и неудобную смерть, наложив определенное табу. В тоже время делает из смерти прибыльный бизнес, максимально контролируя все явления связанные со смертью. Попытки отодвинуть смерть от себя, вытеснить из социальной жизни приводят к тому, что явление смерти растворяется в социуме, поглощает все жизненное пространство. По точному замечанию Ф. Арьеса «изгнанная обществом через дверь, смерть вновь входит в окно, возвращается так же стремительно, как и исчезла»¹.

Определенный сдвиг в понимании сущности смерти определил новые границы между жизнью и смертью. Как замечает О.И. Николина, смерть «перемещается» в сферу жизни, распространяется в мире живого как система общества потребления, присутствуя в нем, как система имиджей, штампов, стандартов товаров потребления, и тем самым вытесняет из живого жизнь и дух»². Символы смерти, которые чаще всего используются в массовой культуре, не воспринимаются обладателями этих символов как имеющие отношение к смерти. Человек преднамеренно создает образ смерти в своем внешнем облике с помощью одежды и аксессуаров с изображением черепа, скелета, покрывает свое тело татуировками со «смертнической» символикой. Отмечается, что в последнее десятилетие явление смерти стало модным, особой популярностью пользуются телесные практики познания смерти, тренинги, так или иначе, обыгрывающие страх смерти. Если в примитивных племенах телесные практики познания смерти были связаны с обрядом инициации и «перерождения» человека в новом статусе, то в современном обществе данное направление активно используется в психологии и танатотерапии. Подобного

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. – М., «Прогресс», 1992.

² Николина О.И. Социально-культурный контекст феномена смерти в постиндустриальном мире: диссертация кандидата философских наук: 09.00.13.

рода практики применяют для борьбы со страхом быть погребенным заживо, боязнью темноты и неизвестности. Для одних участников – это способ обретения душевного спокойствия и смысла жизни, для других – получение «острых ощущений», как способ развлечения.

В последние годы развивается так называемая «индустрия смерти». В современном европейском пространстве интерес к культуре смерти чаще всего ограничен сферами здравоохранения, юриспруденции, биотехнологий и ритуальных услуг. Умирая, человек мгновенно превращается из субъекта личности в объект манипуляции со стороны совершенно чужих людей, сотрудников похоронных бюро и специалистов траурной процессий.

Смерть, по словам Ф. Арьеса, стала грязной, медикализированной. Чаще всего человек заканчивает свой жизненный путь в научных лабораториях, клиниках, больницах. После смерти подвергается вскрытию со стороны патологоанатомов для выявления причин гибели. Особую популярность приобрела практика кремирования, которая стала удобным способом утилизации тела. Возникает такое явление как «похоронный» туризм. На рынке ритуальных услуг появляются такие виды сервиса как онлайн-трансляция похорон, виртуальный тур по кладбищу, бронирование могил, интерактивные надгробия, изготовление из праха покойного художественных произведений и ювелирных изделия. Всё это демонстрирует изменение отношения человека к смерти. В такой ситуации даже не поднимается вопрос об организации совместного переживания утраты, солидарности. Если в традиционном обществе именно ритуал способствовал интеграции и укреплению социального единства, устранению разрыва между биологической и социальной кончиной, то в постиндустриальном мире акт погребения становится разновидностью массового производства.

Данные трансформации представлений о смерти тесно взаимосвязаны с изменениями в ценностно-культурной парадигме общества. Сегодня как никогда актуально стоит вопрос о создании особой «культуры умирания», которая идет на смену «утратившим свое значение» традиционным практикам прощания с умершими. Необходим правильный подход к исследованию смерти как социокультурного феномена.

Процесс «деритуализации» и «десимволизации» явления смерти привел к тому, что все, что связано с этим явлением и процессом захоронения, подвержено жесткому контролю со стороны профессионалов данной отрасли. В мире ежегодно проходят сотни выставок похоронной отрасли, на которых собираются представители похоронного дела для обмена опытом, поиска новых деловых контактов

и совместного обсуждения актуальных вопросов и проблем отрасли: Ежегодная конференция Международной Ассоциации кладбищ и похоронных услуг, США; Международная похоронная выставка, Германия; Международная выставка и конференция ритуальных товаров и услуг, Китай; Международная похоронная выставка, Испания; Конференция похоронной ассоциации Канады, Канада, также выставки проходят в Великобритании, Польше, Австрии, Франции.

В России каждый год проходит региональная отраслевая выставка ритуальных услуг «Некрополь». Эту выставку называют как «выставка похоронной моды». Ежегодно эта выставка привлекает крупнейшие похоронные дома, бюро по захоронению и кремации, производителей похоронных принадлежностей, в том числе памятников. С каждым годом все шире становится география и количество участников, ассортимент ритуальных услуг, изделий и технологий. Это уже не просто выставка, это зрелищное шоу, которое сопровождается показом похоронной моды для будущих вдов, здесь же проходят конкурсы по созданию траурных венков из живых цветов, мастер-классы по снятию посмертных масок и презентации новых услуг. Некоторые крематории предлагают отправить частицы праха в космос, на орбиту Земли или Луны. Другие предлагают арендовать роскошный гроб класса «люкс». Для того чтобы гроб хорошо смотрелся в интерьере можно заказать отделку под обои в гостиной, можно также приобрести духи с запахом кладбища, памятник в виде «iPhone».

Все это является доказательством того, что похоронная сфера современной жизни подвержена влиянию моды, приобретая материально-вещественный характер. Никакое символическое или этическое содержание, сакральное значение ритуала здесь не затрагивается. Все настолько сопряжено с девальвацией чувства человеческого достоинства. Людей большей интересует место захоронения, атрибутика, детали траурной процессии, эстетическое оформление похоронного ритуала. Если в традиционном обществе ритуал выступал как связующая форма поколений, обеспечивающая преемственность в социальном развитии, посредством которого происходило приобщение индивида к определенным социальным ценностям, то сегодня это лишь «погоня» за внешней материальной красотой. Все это способствует социальной дезинтеграции и нарастанию страха смерти в обществе.

Непосредственное влияние на восприятие смерти современным обществом оказывают цифровые технологии и так называемая сетевая культура. В постмодернизме в связи с этим возникают новые модели смерти. Специфику нового века технологий и массового потре-

бления отражает появление интернет-кладбищ и мемориалов. Большинство жителей во всем мире имеют свои странички в социальных сетях. Исследователи предполагают, что со временем социальные сети превратятся в гигантские некрополи. Статисты подсчитали, что к концу столетия одна из самых популярных соцсетей «Facebook» в большей степени будет напоминать цифровое кладбище, нежели живую и активную среду. По подсчетам компании DigitalBeyond в 2014 году более 30 млн аккаунтов в «Facebook» принадлежало уже умершим подписчикам. После смерти пользователя близкие и родственники превращают аккаунты погибших в «мемориалы», своеобразные цифровые надгробия. «Facebook», помимо превращения страничек в мемориалы, также предоставляет возможность назначить кого-то «наследником» аккаунта. Таким образом, смерть в эпоху так называемой сетевой культуры транспонируется из реальной жизни в интернет-пространство.

Наиболее популярная в России социальная сеть «ВКонтакте» предлагает два варианта действий со страницей после смерти её владельца. В первом случае, родственники или друзья могут сделать виртуальный памятник и «законсервировать страницу», оставив на ней всю информацию, которая была опубликована при жизни пользователя. Второй вариант - удалить страницу навсегда. Осуществить оба действия сотрудники «ВКонтакте» могут только на основании свидетельства о смерти¹.

Сегодня есть возможность заранее оформить свое прощальное сообщение в социальной сети. Некоторые пользователи задумываются о похоронной обстановке в своем интернет-пространстве. Такие услуги пользуются спросом, и тенденция ведет к тому, что появляются компании, которые помогают организовать подобного рода мероприятия. Например, с помощью «DeadSocial» можно заранее подготовить свое прощальное слово, которое будет опубликовано только после смерти. Одно из российских PR-агентств предлагает услугу, позволяющую заказать ведение профиля после смерти его пользователя.

Социальная сеть «Eterni.me», предоставляет услугу виртуального присутствия умершего. Искусственный интеллект, который лежит в основе сети, анализирует сообщения и комментарии, узнает информацию об умершей личности, а затем создает ее виртуальный аналог, который может публиковать посты, комментировать записи других пользователей, таким образом взаимодействовать с живыми. Еще одним сервером по предоставлению подобной услуги явля-

¹ http://www.aif.ru/society/web/virtualnye_kladbishcha_chno_proishodit_s_akkauntami_posle_smerti_ih_hozyaev_

ется приложение «LivesOn», которое запоминает стиль пользователя и может общаться в сети после его смерти.

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что важным этапом в исследовании смерти является изучение социального аспекта данного явления в информационной среде. Феномен смерти имеет непосредственную связь с общественным поведением. Социальные сети влияют на отношение к данному феномену и формируют определенные критерии и правила.

В век информационных технологий сложно судить о том, оставлять профили усопших в социальных сетях или удалять их. Единого мнения по данной проблематике пока что еще не сложилось. Каждый из миллионов пользователей решает сам, как ему поступать. Для некоторых посмертные страницы в социальных сетях кажутся публичными и неуместными для выражения своей скорби.

Существует еще один сетевой способ захоронения - веб-захоронение на специализированных сайтах, имеющих статус виртуального мемориала или интернет-кладбища. Виртуальные кладбища - довольно специфический сервис, устроенный по аналогии с социальной сетью, где на каждого умершего заводится свой аккаунт, являющийся виртуальной могилой. Идея возникла в связи с тем, что у многих жителей больших городов далеко не всегда есть возможность и средства похоронить близких или родственников на городском кладбище, или не хватает времени, чтобы ездить на могилу за пределы города. Многие переезжают из одного места в другое, и не имеют возможности физически посещать могилы родственников. Виртуальное место захоронения является одновременно личным общественным пространством. Все, подписавшиеся на обновления страницы покойного, будут получать оповещения, когда кто-то возложил на его «могилу» виртуальные цветы или оставит воспоминание о нем, комментарии, соболезнования. Правила и структура многих виртуальных кладбищ требуют в обязательном порядке указывать даты рождения и смерти, а также причины, по которым человек покинул этот мир. Помимо информации о самих умерших, на интернет-кладбищах размещают информацию о том, как справиться с горем, как правильно организовать захоронение, как почтить память, и другую информацию по данной тематике.

При этом кибернетическая эстетика виртуального кладбища (печатные платы вместо участков, мониторы вместо надгробий) одновременно дистанцируется от реального кладбища и утверждает новое сетевое сообщество как новую реальность, лежащую вне традиционных представлений о жизни и смерти.

Отношение к смерти не является универсальным, так как смерть представляет собой конструкцию того или иного общества, которую невозможно рассматривать, осмыслять, интерпретировать вне конкретного социального контекста. Каждой исторической эпохе было свойственно свое восприятие смерти, в связи с этим создавались определенные символы смерти, формировались ритуалы, обряды, традиции.

В современном обществе появилась индустрия смерти, жесткая профессионализация всего, что связано со смертью и процессом захоронения. Специально подготовленные люди могут подобрать гроб под дизайн гостиной, сделают макияж умершему, научат, как правильно одеться на похороны, можно бесконечно перечислять все «извращения» ритуального бизнеса. Развитие цифровых технологий и сетевая культура оказали свое влияние на восприятие смерти. Специфику нового века технологий и массового потребления отражает появление интернет-кладбищ, виртуальных-могил, мемориалов. Различные ритуальные агентства быстро научились пользоваться фактом смерти в коммерческих целях. Сегодня вытеснение смерти оборачивается её символическим присутствием в виде различных похоронных выставок, виртуальных кладбищ. Интерес к культуре смерти ограничен лишь сферами здравоохранения, юриспруденции и ритуальных услуг. Смерть, поставленная на поток, становится элементом массового производства, как буквально, так и виртуально. В информационном пространстве смерть не проблематизирует, она рассчитана на повседневное потребление. Сегодня появляются новые тенденции в понимании смерти через овеществление и отчуждение. В современном обществе особое значение приобретает не только качество жизни, но и качество смерти. Качество с точки зрения материальной составляющей, а не смыслового значения данного явления.

Библиография

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. – М., «Прогресс», 1992.
2. Николина О.И. Социально-культурный контекст феномена смерти в постиндустриальном мире: диссертация кандидата философских наук: 09.00.13.
3. Павленко, А. А. Интернет-кладбища как вариант глобального перформанса в системе артефактов сетевой культуры // Личность. Культура. Общество: международный журнал социальных и гуманитарных наук / А. А. Павленко. – Том 15. № 79/80. Вып. 3/4. – 2013. – С. 212 – 216.

4. <http://www.funeralportal.ru/library/1089/35700.html>.if.ru/society/web/virtualnye_kladbishcha_chno_proishodit_s_akkauntami_posle_smerti_ih_hozyaev_.

References

1. Ares F. Man in the face of death: Trans. With fr. - M., "Progress", 1992.

2. Nikolina O.I. Socio-cultural context of the phenomenon of death in the postindustrial world: the dissertation of the candidate of philosophical sciences: 09.00.13 [*Social'no-kul'turnyj kontekst fenomena smerti v postindustrial'nom mire: dissertacija kandidata filosofskih nauk*], P. 46

3. Pavlenko, AA Internet cemeteries as a variant of global performance in the system of artifacts of the network culture [*Internet-kladbishha kak variant global'nogo performansa v sisteme artefaktov setevoj kul'tury*]// Personality. Culture. Society: International Journal of Social and Human Sciences / AA Pavlenko. – Volume 15. No. 79/80. Issue. 3/4. – 2013. – P. 212 - 216.

4. [electronic resource]. Access mode: <http://www.funeralportal.ru/library/1089/35700.html>.

5. [electronic resource]. Access mode: http://www.aif.ru/society/web/virtualnye_kladbishcha_chno_proishodit_s_akkauntami_posle_smerti_ih_hozyaev_.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

CULTUROLOGICAL PRACTICES

ЮДИНА

*Татьяна Николаевна,
д. социол. н., профессор,
Российский государственный
социальный университет,
Москва, Россия
judinaTN@rgsu.net*

JUDINA

*Tat'jana Nikolaevna,
Doctor of Sociological Sci-
ences, professor Russian State
Social University,
Moscow, Russia
judinaTN@rgsu.net*

ХИЦКОВ

*Евгений Николаевич
к. эконом. наук, Российский
государственный социальный
университет,
Москва, Россия
khitskovEA@rgsu.net*

HICKOV

*Evgenij Nikolaevich
Candidate of Economic Sci-
ences, Russian State Social
University,
Moscow, Russia
khitskovEA@rgsu.net*

ДОЛГОРУКОВА

*Ирина Владимировна,
д. социол. н., Российский
государственный социальный
университет,
Москва, Россия
dolgorukovalV@rgsu.net*

DOLGORUKOVA

*Irina Vladimirovna,
Doctor of Sociological Sci-
ences, Russian State Social
University,
Moscow, Russia
dolgorukovalV@rgsu.net*

МАЗАЕВ

*Юрий Николаевич,
к. филос. н., Российский
государственный социальный
университет,
Москва, Россия
mazaevJUN@rgsu.net*

MAZAEV

*Jurij Nikolaevich,
Candidate of Philosophical
Sciences Russian State Social
University,
Moscow, Russia
mazaevJUN@rgsu.net*

Качество информационно-библиотечных услуг: социологическое измерение/ Sociological measurement of the quality of library information services

Аннотация

Социологический мониторинг качества работы системы информационно-библиотечного обслуживания, взаимный обмен информацией, быстрое реагирование на все запросы общества, доступность библиотечных услуг сегодня все чаще ложатся в основу принятия решений в сфере совершенствования информационно-библиотечного обслуживания населения. В статье систематизированы основные теоретико-методологические подходы к социологическому анализу качества и эффективности информационно-библиотечных услуг. Проанализированы современные подходы к осуществлению государственной политики и формированию нормативной базы оказания таких услуг. Социологический подход к изучению качества информационно-библиотечных услуг позволяет выявить удовлетворенность читателей качеством и доступностью библиотечно-информационных услуг в библиотеках и наметить перспективные направления развития информационно-библиотечного обеспечения. В работе приведены результаты репрезентативного социологического исследования общественного мнения об уровне и качестве информационно-библиотечного обеспечения читателей в библиотеках города Москвы, проведенного на базе Российского государственного социального университета в декабре 2015 года. Статья будет полезна специалистам министерств и ведомств, участвующих в разработке политики в области совершенствования системы информационно-библиотечного обслуживания, работникам библиотек, научным сотрудникам, аспирантам и студентам высших учебных заведений, а так же широкому кругу читателей.

Ключевые слова

Информационно-библиотечное обеспечение; популяризация чтения; информационно-ресурсный центр; электронная библиотека; информационно-библиотечные ресурсы; совершенствование информационно-библиотечного обслуживания.

Abstract

The reformation of the traditional role of libraries in the organization of services for users and the establishment of a comprehensive service system of electronic access to information in any form are very important topics today.

Sociological monitoring of the quality of library information services, exchange of information, rapid response to all requests of the society, availability of library services increasingly lay the foundation for the decisions made in the field of improving library information services provided for the society today.

The article gives a classification of the main theoretical and methodological approaches to the sociological analysis of the quality and efficiency of library information services. It analyses the modern approaches to the state policy and legislation related to the provision of such services.

A sociological approach to the study of the quality of library information services gives the opportunity to reveal the satisfaction with quality and availability of library information services, and to outline potential prospects for development of library information services. The article presents the results of a representative sociological research of public opinion on the level and quality of library information services provided to the readers by the libraries located in Moscow, held at the Russian State Social University in December 2015. The system of sociological indicators of quality of library information services developed by the authors allowed us to assess the implementation of the main directions of development of library services in Moscow and to determine the features which a modern library in the metropolis should have.

This research work can be useful for specialists of ministries and agencies who participate in elaboration of policy improving the system of library information services, librarians, academicians, postgraduates and undergraduates, as well as for a wide range of readers.

Keywords

Library information services; promotion of reading; information resource centre; electronic library; information and library resources; improvement of library information services

Во многих странах мира публичные библиотеки являются одним из общедоступных для всех слоев населения учреждений культуры.

Они выполняют ряд важных социальных функций, сочетая предоставление читателю разнообразного информационного ресурса, большого вида социальных услуг и оказание индивидуальной поддержки читателю.

Изменения в социально-экономической и социально-культурной сферах общества сопровождаются процессами информатизации на основе использования новейших технологий, информационной открытости и доступности мировых библиотечно-информационных сетей и ресурсов. Это с свою очередь влечет глубокие трансформации в содержании и условиях деятельности городских библиотек. Библиотеки стараются адаптироваться к новым условиям, выработать соответствующие времени инновационные стратегии поведения в информационном и социокультурном пространстве. Вполне очевидно, чтобы соответствовать требованиям времени, публичной библиотеке необходимо позиционировать себя как востребованную, социально значимую, динамично развивающуюся, перспективную организацию. Именно в этом статусе библиотеке можно найти широкую поддержку в обществе. Как отмечается в «Манифесте Российской библиотечной ассоциации (РБА) о публичной библиотеке России», «...публичная библиотека — это живой, динамично развивающийся социальный институт, который обновляет формы и методы работы, стремится идти в ногу со временем и меняться вместе с изменяющейся Россией»¹.

Библиотеку можно рассматривать как один из важнейших социальных институтов. В Федеральном законе «О библиотечном деле» библиотека определяется как информационное, культурное, образовательное². Это предусматривает, прежде всего, совершенствование методологии обновления фондов и объемов комплектования библиотек, создание сводного общенационального каталога библиотек, электронных технологий и информационных систем доступа читателей к информации.

Поступательное развитие библиотечного дела невозможно без глубокого и всестороннего и систематического анализа места библиотеки в социокультурном пространстве. Исследования роли библиотек в удовлетворении социокультурных потребностей насе-

¹ Манифест Российской библиотечной ассоциации (РБА) о публичной библиотеке России. Манифест принят Конференцией Российской библиотечной ассоциации на пленарном заседании VIII Ежегодной сессии 16 мая 2003 г., Псков. URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/manifest.php> (Дата обращения: 18.02.2016г.).

² Федеральный закон «О библиотечном деле» (с изменениями на 8 июня 2015 года) (редакция, действующая с 1 января 2016 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010022>(Дата обращения: 18.02.2016г.).

ния заняли видное место в социологической науке. В ходе этих исследований сложилось прикладное направление и теоретическое осмысление библиотечной проблематики в сочетании социологического и культурологического подходов.

Ведущие зарубежные и отечественные социологи рассматривают библиотеку не просто как собрание книг, а как социальный институт, как социализирующую структуру, предназначенную для устойчивого воспроизводства некой социальной целостности¹. Солидарны с социологами в этом и специалисты-библиотековеды².

Теоретическое направление развития исследований библиотечного дела, главным образом, сосредоточено на изучении социальных механизмов функционирования библиотеки. Так, П. Карштедт в своей книге «Очерки по социологии библиотек» (1954) рассматривает историю библиотек, их взаимоотношения с социальной средой, а также те структуры мышления и организации знания, которые оказали особое влияние на функционирование библиотек³.

В рамках социокультурного подхода в исследованиях библиотечно-информационной деятельности, необходимо опираться на основные методологические принципы их организации⁴. Прежде всего, это принцип социокультурной обусловленности библиотечно-информационной деятельности. Регулирующая роль данного принципа социологических исследований выражается в том, что предметной областью изучения могут быть различные аспекты деятельности библиотеки, эффективность реализации библиотекой своих функций, анализ мотивации обращения населения их услугам.

Другим основополагающим принципом в исследовании библиотек является принцип относительной самостоятельности библиотечного дела, который предполагает рассмотрение в качестве объекта

¹ Карштедт П. Историческая социология библиотек. – Очерки по социологии библиотек. URL: <http://polit.ru/article/2005/11/18/karshstedt/> (Дата обращения: 18.02.2016г.).

² Мелентьева Ю. П. Библиотека как институт социализации юношества. – М. : АСОПир, 2001 – 74с. Фирсов В.Р. Государственное законодательное регулирование деятельности библиотек. СПб. Изд-во РНБ, 2000. – 255 с. Кузьмин Е. И. Библиотеки и государственная библиотечная политика: новые задачи и новые рубежи интеграции // Библиотековедение. 1999. № 4–6. С 4–19.

³ Карштедт П. Историческая социология библиотек. – Очерки по социологии библиотек. URL: <http://polit.ru/article/2005/11/18/karshstedt/> (Дата обращения: 18.02.2016г.)

⁴ Васильев, И.Г. Социологические исследования в библиотеках: практическое пособие / И. Васильев, М.Е. Илле, Д.К. Раввинский. – СПб.: «Профессия», 2003. – 176 с. URL: <http://5fan.ru/wiewjob.php?id=4900>(Дата обращения: 18.02.2016г.)

исследования комплекса проблем, связанных с местом библиотек в информационном пространстве.

Следование принципу диалогичности в отношениях между библиотекой и обществом в социологическом исследовании создает возможность глубже осмыслить познавательные функции общения библиотечного сообщества с читателями по поводу содержания и качества библиотечных услуг.

В ориентациях на анализ индивидуальных особенностей пользования библиотекой важна роль принципа индивидуализации в исследованиях читательского поведения. Она связана с выявлением уникальности и субъективности каждого читателя. Принцип индивидуализации как бы обобщает направления исследований и акцентирует внимание на роли чтения в поддержке и развитии социокультурных ориентацией читательских групп.

Однако необходимо подчеркнуть, что изучение вопросов потребления библиотечных услуг в прикладном плане, направлено на совершенствование процесса библиотечно-информационного обслуживания независимо от реализуемых исследовательских подходов. И в этой связи, как нам представляется, использование выше обозначенных принципов в качестве стратегических исследовательских установок предполагает, что их действие взаимосвязано. А исследовательские акценты в их регулирующей функции зависят от конкретных условий и обстоятельств, анализируемой проблемной ситуации.

Область исследования библиотечной социологии достаточно обширна. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение, отметим некоторые сегменты предметного поля, которые, на наш взгляд, чаще всего находятся в фокусе исследовательского поиска.

Прежде всего, это определение положения библиотеки в конкретном социокультурном пространстве. В рамках этого направления, как правило, анализируется место библиотеки среди источников получения печатной, а сегодня все более и более, визуальной информации. А также место библиотеки в ряду учреждений сферы культуры, как источника знаний для жизнеустройства и как рекреационной среды. Результатом такого рода исследований выступают факторы решения общих проблем библиотечного развития.

Большое прикладное значение для определения перспектив развития библиотек имеют исследования отношения к библиотекам населения конкретного региона: пользование различными типами библиотек, интенсивность и мотивы обращения – не обращения к ним. В данном случае выясняется мнение не только читательской аудитории библиотек, но и тех, кто ими не пользуется.

Прогностическую направленность имеют исследования общественных представлений о библиотеке («образа библиотеки») настоящего и будущего и ожиданий читателей по конкретным вопросам библиотечного развития.

Наряду с вышеизложенным, набирающим силу инновационным направлением библиотечной социологии становится переход от исследований массовой аудитории, к выделению приоритетных групп потребителей библиотечных услуг и определению специфических целей конкретных библиотек.

Самым популярным, пожалуй, предметом исследований в настоящее время является изучение характера читательской аудитории и мнения читателей об объёме и качестве предоставляемых библиотекой услуг. Здесь в центре внимания отношение к конкретным вопросам библиотечного обслуживания и удовлетворенность ими. Не остаются без внимания и факторы читательского поведения: изучение читательских интересов и мотивации спроса¹.

Анализ любого социального явления предполагает, прежде всего, интерпретацию изучаемых понятий. Качество информационно-библиотечных услуг можно рассматривать как комплексное понятие, включающее в себя, как объективные характеристики процесса оказания таких услуг (база подписных изданий, оборудование помещения, квалификация сотрудников и другие), так и субъективную удовлетворенность пользователей качеством работы библиотеки.

Определение критериев и показателей оценки качества информационно-библиотечного обслуживания является сегодня актуальной исследовательской проблемой. Сегодня превалирует количественная оценка, когда подсчитывают количество обслуживаемых читателей, затраченных средств и тому подобное. Однако ясно, что качество обслуживания – это комплексное понятие и оценить его можно только при условии учета субъективных показателей удовлетворенности этим качеством у пользователя.

Социальный показатель в современной социологии трактуется как качественные и количественные характеристики состояния, тенденций и направлений социального развития, применяемые в управлении и планировании для оценки соответствия реально сложившегося положения дел в обществе научно-обоснованным требованиям.²

¹ Васильев, И. Г. Социологические исследования в библиотеках: практическое пособие / И. Васильев, М. Е. Илле, Д. К. Раввинский. – СПб.: «Профессия», 2003. – 176 с. URL: <http://5fan.ru/wiewjob.php?id=4900> (Дата обращения: 18.02.2016г.)

² Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. – 511 с.

Под системой социальных показателей можно понимать совокупность более или менее независимых друг от друга, но взаимозаменяемых данных, отражающих социальные явления и процессы. Суть построения системы показателей состоит в мысленном разделении предмета исследования на множество элементов и превращении их в измеряемые единицы¹. Оценка таких показателей – это задача социологического анализа качества информационно-библиотечных услуг и производится она через разработку системы показателей и индикаторов эффективности системы социальной защиты.

Таким образом, можно выделить две группы показателей, с помощью которых можно измерять качество оказания информационно-библиотечных услуг.

1. **Объективные показатели** (определяют качество материальных характеристик процесса оказания библиотечных услуг):

– материально-техническая база библиотеки (техническое состояние помещений, в которых размещена библиотека, наличие специализированного оборудования, технических и программных средств и другие);

– эффективность организации библиотечного обслуживания (организация библиотечного пространства, организация дополнительных мероприятий для привлечения читателей, включенность в электронно-информационную среду и другие);

– эффективность работы персонала (квалификация, рациональность использования имеющегося персонала, климат в коллективе и другие);

– включенность пользователей в работу библиотеки (востребованность библиотечных услуг в целом, количество читателей, посещающих библиотеку, количество удаленных онлайн-пользователей, участие пользователей в принятии решений о совершенствовании работы библиотеки и другие).

2. **Субъективные показатели** (включают в себя субъективную оценку пользователями качества оказания информационно-библиотечных услуг):

– удовлетворенность материально-технической базой библиотеки (состоянием помещений, наличием компьютерных средств, выхода в Интернет, наполненностью и обновлением фондов и базы подписных изданий и другими параметрами);

– удовлетворенность организацией работы библиотек (режимом работы, возможностью пользоваться библиотечными услугами

¹ Yudina T.N., Osadchaya G.I., Leskova I.V., Dolgorukova I.V., Kireev E.Y. The Eurasian Economic Union: Migration Risks //Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4. С. 451–457

удаленно, наличием и организацией работы электронной библиотечной системы, организацией библиотечного пространства и другими параметрами);

– оценка работы персонала (наличие достаточного, по мнению пользователей, количества персонала, вежливость, способность оказать квалифицированную помощь, способность своевременно и адекватно реагировать на электронные запросы, обеспечивать работу электронной системы библиотеки);

– оценка приоритетных направлений развития перспективных направлений развития информационно-библиотечного обеспечения (расширение социальных функций библиотек, совершенствование режима работы, создание единого библиотечного информационно-ресурсного центра и другие направления).

Анализ данных показателей на практике проводился в декабре 2015 года в рамках проекта «Комплекс мероприятий направленных на популяризацию чтения и содействие повышению уровня информационно-библиотечного обеспечения читателей в библиотеках города Москвы»¹. На базе Российского государственного социального университета было проведено социологическое исследование уровня и качества информационно-библиотечного обеспечения читателей в библиотеках города Москвы. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население города Москвы (от 16 лет). Методом выборочного опроса было охвачено 2043 человека, представляющие основные социально-демографические группы населения. Носителями информации (респондентами) выступали граждане России, постоянно проживающие на момент опроса в г. Москве, городах и сельских поселениях, расположенных на территории московского региона, пользующихся услугами московских библиотек.

По стратегии формирования эмпирического объекта исследование носило выборочный характер. По масштабу экстраполяции результатов исследование – региональное.

В исследовании был применен квотно-пропорциональный принцип построения выборки в технике апостериорного отбора с комбинированием приемов «перевзвешивания» полученных параметров и формирования выборки из выборки. Реализация данного алгоритма обеспечила пропорциональное представительство населения

¹ Исследование «Комплекс мероприятий направленных на популяризацию чтения и содействие повышению уровня информационно-библиотечного обеспечения читателей в библиотеках города Москвы». Заказчик: Департамент образования города Москвы. Государственный контракт № 114 от «10» июня 2015 о предоставлении субсидии из бюджета города Москвы. Код субсидии – 075 115 008.

всех административно-территориальных округов города, а также представительство населения по взаимосвязанным демографическим показателям (пол и возраст), одновременно обеспечив достаточное, отвечающее статистическим критериям достоверности, количество респондентов в каждой формируемой группе.

Фактические отклонения выборочных характеристик от данных статистики незначительные и находятся в допустимом для данного количества единиц наблюдения статистическом интервале погрешности (5%). Это позволяет в содержательном плане проводить количественный анализ социологической информации на статистически значимом (не менее 30 наблюдений признака) уровне одновременно по многим показателям социальной стратификации.

В качестве метода сбора первичной социологической информации в исследовании использовался массовый опрос населения в технике онлайн-анкетирования по специально разработанному авторскому вопроснику с общим количеством вопросов – 21 (176 альтернатив).

Смысловые блоки анкеты включали в себя: вопросы о читательском опыте и опыте пользования респондентами библиотеками г. Москвы, вопросы о доступности библиотечных ресурсов и их качестве, вопросы о направлениях развития информационно-библиотечного обеспечения читателей библиотек города, объективные данные о респонденте.

В соответствии с эмпирическими индикаторами измеряемых признаков в вопроснике использовались: вопросы фактологической констатации измеряемого признака, вопросы-оценки ситуации, вопросы-мнения, вопросы-высказывания, вопросы-предпочтения с метрическими, номинальными и порядковыми шкалами.

Общая процедура обработки полученной вербальной информации осуществлялась на ЭВМ персонального пользования по стандартной математической программе обработки статистических данных «SPSS/PC». Анализ и презентация данных заключались в построении статистических распределений, группировок, сравнений, сопряжений исследуемых признаков, построении ранговых шкал приоритетов и статистической экстраполяции данных по показателям субъективных мнений и оценок респондентов.

Результаты проведенного опроса показали, что около 80% жителей московского региона в той или иной мере посещают библиотеки города, то есть являются потребителями различного рода услуг, предоставляемых библиотеками. Из них более четверти являются регулярной аудиторией московских библиотек, посещая их не реже одного раза в неделю, а около 10% практически каждый день. Вме-

сте с тем, нельзя утверждать, что обращение граждан к библиотечному сервису является широко распространенной практикой культурной жизни столицы. Более 20% взрослого населения московского региона заявило, что не посещает библиотеки, а 32% являются их случайными посетителями (рис. 1).

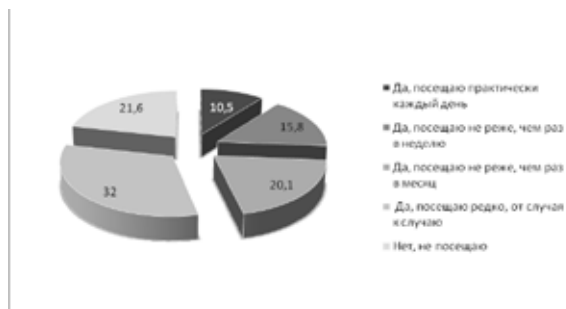

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Посещаете ли Вы библиотеки?» (в % от общего числа опрошенных)

Значительный интерес с точки зрения характеристики целевой аудитории представляет то, к какому типу пользователя относят себя сами посетители библиотек. Анализ результатов исследования показал, что больше половины опрошенных идентифицируют себя с читателем, «широко использующим, как традиционные, так и современные способы общения с литературой и информацией». Около 20% посетителей библиотек относит себя к «читателю нового поколения, живущему в Интернете, пользующемуся, в основном, изданиями в цифровом формате». Практически столько же причисляют себя к «традиционному читателю, которому нравится читать изданные полиграфическим способом книги и журналы» (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «К какому типу пользователя библиотеки Вы себя относите?» (в % от опрошенных пользователей библиотек,

Традиционный тип читателя в несколько большей мере характерен для посетителей библиотек – женщин, а читатель нового поколения для мужчин.

Что касается самоидентификации респондентами себя по типам читателей в различных возрастных группах, то можно сказать, что потенциал традиционного читателя в большей мере сосредоточен в старших возрастных группах: 45-59 лет (22,8%) и старше 60 лет (27,2%). Напротив, читатель «нового поколения» преобладает в более молодых возрастных когортах 23-34 года (25,6%). Одновременно необходимо подчеркнуть, что данный тип читателя отражает, в известной мере, профессиональную специфику посетителя библиотек. Так, наиболее характерен он для ученых (33,2%), специалистов органов управления (46%), Интернет-технологии и связи (33,8%).

Согласно результатам опроса москвичи, в среднем, пользуются услугами как минимум, двух библиотек. Приоритетные места в рейтинге популярности библиотек занимают:

- библиотеки по месту жительства москвичей – 54,2%,
- университетская библиотека – 35,5%,
- электронная библиотека в сети Интернет – 34,4%,
- национальная библиотека – 29,2%.

Это определяется преобладанием в структуре читательской аудитории учащейся молодежи, в основном, студентов, чьи информационные запросы определяются, главным образом, требованиями образовательных программ и оптимального доступа к библиотечным услугам.

Предпочтения в выборе библиотеки для удовлетворения своих информационных потребностей, согласно данным опроса, в значительной мере связаны с социальным статусом читателя (за исключением гендерного статуса, где предпочтения практически отсутствуют). Наблюдаемое преобладание выбора библиотек по месту жительства, очевидно, определяется соображениями удобства и большей их доступности. Проще и удобнее планировать чтение, как вид досуговой деятельности, недалеко от места жительства. Отсюда, большая часть представителей всех социальных групп читателей примерно в равной мере (52%-64%) обращаются к услугам этих библиотек.

Исследование показало, что приоритетными практически для половины потенциальных пользователей библиотек являются три услуги в организации библиотечного пространства. Это: «наличие необходимой информации для ориентирования внутри библиотеки», «наличие системы электронного обслуживания» и «комфортные условия для работы» (рис.3).

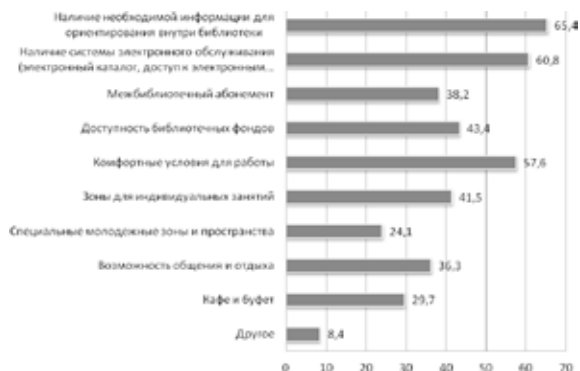

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие условия, на Ваш взгляд, являются значимыми в организации библиотечного пространства?» (в % от общего числа опрошенных)

Как можно видеть, на первый план в организации библиотечного пространства выходят факторы «обслуживания», как непосредственно обеспечивающие быстрый, результативный и эффективный доступ и информации, так и создающие комфортные условия информационной коммуникации посредством библиотеки.

Причем, комфорт, если рассматривать его не только как наличие прямых и непосредственных удобств для работы, но как целую систему сопутствующих условий, выходит на первое место по востребованности в организации современного библиотечного пространства. Для значительной части москвичей очень важным являются «зоны для индивидуальных занятий» и «специальные молодежные зоны и пространства», предполагающие «возможность общения и отдыха», а также «наличие кафе или буфета». В соотношении с этими услугами весьма скромной выступает условие «наличия межбиблиотечного абонемента», предполагающего получение интересующего издания из фондов других библиотек по заранее сделанной заявке. Особенность данной ситуации по сравнению с «советским периодом» в том, что тогда люди шли в библиотеку для того, чтобы получить свою долю востребованного «дефицита культурного производства» – литературную продукцию. Сегодня же большая и примерно равная часть читателей во всех социальных группах и слоях населения в отсутствие информационного дефицита, желает потреблять информацию в комфортных условиях.

Важность наличия определенных информационно-технических ресурсов напрямую связывается населением с общей субъективной

оценкой существующей системы библиотечного обслуживания. Результаты исследования показывают, что, по мнению большей части населения (76,5%), она не в полной мере соответствует их личным информационным потребностям и интересам. Полностью же устраивает она лишь шестую часть читающего взрослого населения города (рис. 4).

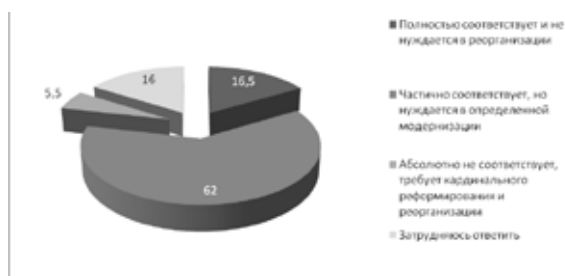

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере существующая в настоящее время система библиотечного обслуживания г. Москвы соответствует Вашим информационным потребностям и интересам» (в % от опрошенных пользователей библиотеки)

Наиболее популярными направлениями работы системы информационно-библиотечного обслуживания, которые могут привлечь новых читателей в библиотеки, по мнению жителей города Москвы, являются: возможность свободного (бесплатного) пользования Интернетом (WiFi) (62,1%); обновление книжного фонда в соответствии с запросами читателей (53,6%); наличие электронного каталога и доступ к нему (51,7%); наличие редкой специализированной литературы (50,5%) и другие.

К наименее популярным направлениям можно отнести: создание центров правовой информации в пространстве библиотек, широкую рекламу ресурсов и услуг библиотеки, продажу билетов на культурно-досуговые мероприятия. Причем разброс ответов между наиболее и наименее популярными направлениями достаточно высок – до 45 %, что говорит о значительной приоритетности для читателей одних направлений по сравнению с другими (табл. 1).

Удовлетворенность доступностью и качеством библиотечных ресурсов в г. Москве приобретает особый смысл в сопоставлении с субъективной важностью для потребителя конкретной библиотечной услуги. Сопоставительный анализ этих показателей дает более полное представление о «проблемных точках», требующих особого внимания руководителей библиотек в направлении оптимизации деятельности библиотек. Результаты проведенного анализа показав-

ли приоритетные, по мнению опрашиваемых, направления в совершенствовании библиотечного дела (табл. 2).

Таблица 1.

Рейтинг услуг информационно-библиотечной деятельности, которые, по мнению жителей г. Москвы, смогут привлечь новых читателей в библиотеки (в % от общего числа опрошенных)

Место в рейтинге	Информационно-библиотечная услуга	Доля респондентов, выбравших данный вариант ответа
1.	Возможность свободного (бесплатного) пользования Интернетом (WiFi)	62,1
2.	Обновление книжного фонда в соответствии с запросами читателей	53,6
3.	Наличие электронного каталога и доступ к нему	51,7
4.	Наличие редкой специализированной литературы	50,5
5.	Подбор необходимой информации по запросу пользователя	49,9
6.	Возможность получить необходимую книгу в электронной версии	41,3
7.	Работа библиотек в более удобное для посетителей время	34,3
8.	Создание единого библиотечного информационно-ресурсного центра	32,1
9.	Расширение списка подписных изданий	26,7
10.	Продажа билетов на культурно-досуговые мероприятия	23,9
11.	Широкая реклама ресурсов и услуг библиотеки	19,1
12.	Создание центров правовой информации	16,9
13.	Другое	14,3

В группу наиболее актуальных (важных) показателей (индекс важности 0,5 и выше) вошли: качество обслуживания, наполненность книжного фонда.

Группу показателей «средней важности» (индекс важности 0,5–0,31) составили: уровень комфорта, график работы библиотек, информация об услугах предоставляемых библиотекой, техническое

оснащение библиотеки, уровень профессиональной подготовки библиотекаря.

Таблица 2.

Оценки важности и востребованности показателей существующей системы библиотечного обслуживания населения г. Москвы (в индексах)¹

Показатели системы библиотечного обслуживания читателей	Измерение показателей (в индексах)	
	Индекс востребованности (важности)	Индекс удовлетворенности
Качество обслуживания (доброжелательность, быстрота обслуживания и др.)	0,68	0,42
Наполненность книжного фонда, обеспеченность журналами и газетами	0,67	0,33
Уровень комфорта, интерьер библиотеки	0,50	0,48
График работы библиотек	0,47	0,42
Информация об услугах предоставляемых библиотекой	0,46	0,36
Техническое оснащение библиотеки (компьютерное оборудование, Интернет и др.)	0,43	0,40
Уровень профессиональной подготовки библиотекаря	0,31	0,56
Работа по популяризации чтения (читательские конференции, встречи с писателями, презентации книг и т.п.)	0,16	0,22
Наличие специальных удобств для лиц с ограниченными возможностями	0,13	0,16
Работа с жалобами и предложениями пользователей	0,08	0,23
Платность дополнительных услуг	0,08	0,07

¹ Индекс рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов, соотношенных с общим числом опрошенных, принимает значения от -1 до +1, где -1 – «абсолютно неважно (полностью не удовлетворен)» до +1 – «абсолютная важность (полностью удовлетворен)»

В группу «желательного, но не актуального сервиса» попали (индекс важности менее 0,30): работа по популяризации чтения, наличие специальных удобств для лиц с ограниченными возможностями, работа с жалобами и предложениями пользователей.

Таким образом, результаты исследования показали, что большая часть читательской аудитории москвичей, ориентирующихся на получение услуг, связанных с наполненностью библиотечных фондов и качеством обслуживания посетителей не реализует свои потребности в полной мере. Напротив, те элементы системы библиотечной деятельности, которые не находятся в фокусе востребованности среди большинства москвичей, вызывают меньше критики и ими удовлетворены в большей мере те, для кого они представляют субъективную важность.

Анализ возможных направлений совершенствования системы информационно-библиотечного обслуживания в Москве показал, что наиболее востребованными среди читателей являются расширение социальных функций библиотек как многофункциональных центров общения, культуры, образования, воспитания, досуга и других сторон жизни москвичей; необходимость преобразования библиотек в полифункциональные библио-информационные культурно-досуговые центры и другие.

Негативные реакции респондентов были сосредоточены на таких направлениях деятельности библиотек, как создание нового информационно-технологического пространства библиотек, обеспечение доступа граждан ко всем видам информации, в том числе, о жизни местного сообщества, местном самоуправлении, перспективах развития территории.

Наибольший отклик у респондентов вызвала необходимость создать условия для работы с библиотечными ресурсами онлайн, не выходя из дома (школы, института)» (54,6%). Действительно сегодня, когда большинство государственных учреждений создают условия для доступа к основным предоставляемым услугам онлайн, библиотеки не могут оставаться в стороне от процесса информатизации и перехода на оказание онлайн услуг. Это создаст широкие возможности пользования услугами московских библиотек для жителей других регионов (рис. 5).

В последнее время широкое распространение в библиотечной среде получает создание единых библиотечных информационно-ресурсных центров, работа которых направлена на популяризацию чтения и содействие повышению уровня информационно-библиотечного обеспечения читателей. В ходе исследования были

выявлены возможности такого центра, необходимые пользователю. Наиболее популярные направления представлены в таблице 3.

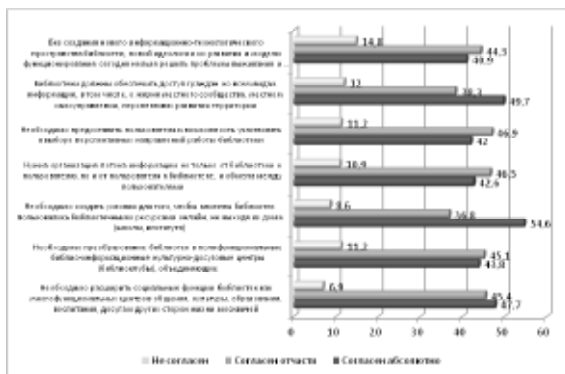

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «С какими суждениями относительно системы библиотечного обслуживания Вы согласны, а с какими нет?» (в % от общего числа опрошенных)

Таблица 3.

Наиболее востребованные возможности единого библиотечного информационно-ресурсного центра (в % от общего числа опрошенных)

Наименование услуг	Сумма ответов по позициям «Необходимы полностью», «Необходимы отчасти», в % от общего числа опрошенных
Повсеместно доступные услуги (система управления электронной подпиской, одновременный поиск по всем электронным ресурсам)	85,8
Предварительный заказ литературы с возможностью выбора места получения (абонемент или читальный зал)	85,1
Продление срока возврата литературы, самостоятельное оформление читательского билета	83,9
Каталог с возможностью добавления комментариев, подборки книг	83,7

В целом необходимо отметить потребность читателей в реформировании традиционной роли библиотек в организации обслуживания пользователей, обеспечении создания комплексной системы обслуживания в режиме электронного доступа к информации на любом носителе. В восприятии читателей современные московские библиотеки нуждаются в совершенствовании по ряду направлений. В первую очередь речь идет о расширении и повышении качества информационных услуг и работы рекреационных зон, организующих библиотечное пространство.

Необходимо отметить также важность развития таких направлений информационно-библиотечного обслуживания как возможность свободного (бесплатного) пользования Интернетом (WiFi); обновление книжного фонда в соответствии с запросами читателей; наличие электронного каталога и доступ к нему; наличие редкой специализированной литературы.

Библиография

1. Васильев, И.Г. Социологические исследования в библиотеках: практическое пособие / И. Васильев, М.Е. Илле, Д.К. Раввинский. – СПб.: «Профессия», 2003. – 176 с. URL: <http://5fan.ru/wiewjob.php?id=4900>(Дата обращения: 18.02.2016 г.).
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы. / Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. – С. 166–202.
3. Карштедт П. Историческая социология библиотек. – Очерки по социологии библиотек. URL: <http://polit.ru/article/2005/11/18/karshtedt/> (Дата обращения: 18.02.2016г.).
4. Кузьмин Е. И. Библиотеки и государственная библиотечная политика: новые задачи и новые рубежи интеграции // Библиотековедение. 1999. № 4–6. С 4–19.
5. Манифест Российской библиотечной ассоциации (РБА) о публичной библиотеке России. Манифест принят Конференцией Российской библиотечной ассоциации на пленарном заседании VIII Ежегодной сессии 16 мая 2003 г., Псков . URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/manifest.php> (Дата обращения: 18.02.2016г.).
6. Мелентьева Ю. П. Библиотека как институт социализации юношества. – М. : АСОПиР, 2001 – 74 с.
7. Стефановская Н. А. Чтение как духовная ценность (по итогам исследования в липецкой и тамбовской областях) URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=248 (Дата обращения: 18.02.2016г.).

8. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. – 511 с.

9. Федеральный закон «О библиотечном деле» (с изменениями на 8 июня 2015 года) (редакция, действующая с 1 января 2016 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010022>(Дата обращения: 18.02.2016г.).

10. Фирсов В.Р. Государственное законодательное регулирование деятельности библиотек. СПб. Изд-во РНБ, 2000. — 255 с.

11. Yudina T.N., Osadchaya G.I., Leskova I.V., Dolgorukova I.V., Kireev E.Y. The Eurasian Economic Union: Migration Risks //Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4.

References

1. Vasiliev, IG Sociological research in libraries: a practical guide [*Sociologicheskie issledovaniya v bibliotekah: prakticheskoe posobie*] / I. Vasiliev, M.E. Illet, D. K. Rawinsky. – St. Petersburg: «Profession», 2003. – 176 p. [electronic resource]. Access mode: <http://5fan.ru/wiev-job.php?id=4900>.

2. LD Gudkov, B.V. Dubin. Russian libraries in the system of reproductive institutions: context and perspectives [*Rossijskie biblioteki v sisteme reproduktivnyh institutov: kontekst i perspektivy*]. New literary review. – 2005. - No. 74. – P. 166–202.

3. Karstedt P. Historical Sociology of Libraries [*Istoricheskaja sociologija bibliotek*]. - Essays on sociology of libraries [electronic resource]. Access mode: <http://polit.ru/article/2005/11/18/karshtedt/>

4. Kuzmin E. I. Libraries and State Library Policy: New Challenges and New Frontiers of Integration [*Biblioteki i gosudarstvennaja bibliotechnaja politika: novye zadachi i novye rubezhi integracii*]// Library Science. 1999. – No. 4–6. – pp. 4–19.

5. Manifesto of the Russian Library Association (RBA) on the Russian public library [*Manifest Rossijskoj bibliotechnoj asociacii (RBA) o publichnoj biblioteke Rossii*]. The Manifesto was adopted by the Conference of the Russian Library Association at the plenary session of the VIII Annual Session on May 16, 2003, Pskov [electronic resource]. Access mode: <http://www.rba.ru/content/about/doc/manifest.php>

6. Melentyeva Yu. P. Library as an Institute for the Socialization of Youth [*Biblioteka kak institut socializacii junoshestva*] – М.: АСОПН, 2001 – 74 p.

7. Stefanovskaya NA Reading as a spiritual value (based on the results of the research in the Lipetsk and Tambov regions) [*Chtenie kak duhovnaja cennost' (po itogam issledovaniya v lipeckoj i tambovskoj*

oblastjah)] [electronic resource]. Access mode: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=248.

8. Toshchenko Zh.T. Sociology. General course. [*Sociologija. Obshhij kurs*] M.: Prometheus: Yurayt-M, 2001. – 511 p.

9. The Federal Law “On Librarianship” (as amended on June 8, 2015) (edition effective January 1, 2016). [electronic resource]. Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/9010022>.

10. Firsov V.R. State legislative regulation of library activities [*Gosudarstvennoe zakonodatel'noe regulirovanie dejatel'nosti bibliotek*]. St. Petersburg. Publishing house of the National Library of Russia, 2000. – 255 p.

11. Yudina T.N., Osadchaya G. I., Leskova I. V., Dolgorukova I. V., Kireev E.Y. The Eurasian Economic Union: Migration Risks // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol.6. Iss.4.

АСПЕКТЫ ASPECTS

САМОЙЛОВ

*Сергей Федорович
д. филос. н., профессор,
Краснодарский университет
МВД России,
Краснодар, Россия
inkognito13@inbox.ru*

SAMOJLOV

*Sergej Fedorovich, Doctor
of Philosophical Sciences,
professor, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Krasnodar, Russia
inkognito13@inbox.ru*

Жизненная стратегия человека как предмет социально-онтологического исследования/ Life strategy of a person as a subject of socio-ontological studies

Аннотация

Процесс выстраивания и реализации индивидом и социальными группами традиционного является предметом исследования целого ряда социально-гуманитарных дисциплин. При этом такого рода рассмотрение как правило изображает жизненную стратегию в качестве понятия всецело принадлежащего к субъективной сфере социального бытия. В настоящей статье предпринимается попытка анализа данного понятия в качестве социально-онтологической категории.

Ключевые слова

Социальная онтология; объективно-идеалистическая, субъективно-идеалистическая, натуралистическая и реалистическая парадигмы социального познания; социально-онтологические модели жизненной стратегии.

Abstract

The Process of building and implementation of individual and traditional social groups is the subject of a number of socio-hu-

manitarian disciplines. While this kind of consideration typically portrays strategy as a notion belonging entirely to the subjective sphere of social existence. The present paper attempts to analyze this concept as a socio-ontological category.

Keywords

Social ontology; the objective-idealistic, subjective-idealistic, naturalistic and realistic paradigm for social cognition; socio-ontological model of life strategy.

Актуальность обращения к проблеме исследования процесса конструирования и реализации индивидами и социальными группами своих жизненных проектов обусловлена целым рядом социальных, теоретических, мировоззренческих и экзистенциальных причин.

Социальная значимость обращенности к проблеме выбора и конструирования жизненных стратегий обусловлена тем, что современное общество характеризуется высокой степенью социальной мобильности, а следовательно, для своего нормального функционирования оно нуждается в развитой теории, способной не только объяснить логику социального выбора, но и обозначить наиболее перспективные модели поведения в формирующемся информационном обществе.

Кроме того, в настоящее время в общественном сознании доминирует представление о жизненной стратегии как о важнейшем средстве самовыражения личности. Данное обстоятельство, безусловно являясь истинным, не позволяет рассмотреть процесс выбора человеком как точку пересечения индивидуального и социального в нем.

Наконец, современное российское общество, несомненно, нуждается в углублении процесса формирования культуры выбора жизненной стратегии, которая предполагает наличие того или иного мировоззрения, ценностных ориентиров, понимания того, что определение индивидом или социальной группы должно исходить не только из собственных интересов, но и интересов социума в целом.

Теоретическая причина обращения к проблеме выбора заключается в следующих трех моментах.

Во-первых, в современном социальном познании данная проблематика рассматривается в рамках замкнутых дисциплин, которые, раскрывая определенный аспект жизненной стратегии, не позволяют создать ее целостного образа, отсутствие же такой идеальной модели не позволяют выявлять существенные связи в исследуемом феномене.

Во-вторых, направления социального познания, действующие в различных дисциплинах, предлагают взаимоисключающие интерпретации рассматриваемых феноменов, что приводит к необходимости обнаружения их связующего момента, который имел бы место не в предметной, а в теоретико-методологической сфере, что способствовало бы консолидации социального познания.

В-третьих, исследования феноменов конструирования и выбора жизненных стратегий, как правило, осуществляется либо на среднем, либо на микро-уровнях, что требует их дополнения макротеоретическими и метатеоретическими исследованиями, которые бы одновременно раскрывали и осмыслили как предельно общие принципы конструирования процесса ориентирования в социальном пространстве, так и логику социальных процессов обуславливающих данный выбор.

В-четвертых, проблема жизненной стратегии при условии ее рассмотрении на макроуровне позволяет поставить и решить важнейшие вопросы социально-философского познания, а именно: генезиса и функционирования общества, структуры и характера общественного сознания, его соотношения с индивидуальным сознанием и социальным бытием, свободы и обусловленности социально значимого поведения человека.

К числу важнейших мировоззренческих причин актуальности проблемы выбора и конструирования, жизненных стратегий является тот неоспоримый факт, что в полемике различных мировоззрений, без которой невозможно современное общество, анализ социального поведения, носителей тех или иных убеждений, служит одним из важнейших аргументов.

Другой мировоззренческой причиной обращения к выбранной проблематике является то обстоятельство, что жизненная стратегия, так же как и мировоззрение, всегда связана с обобщением определенного индивидуального и коллективного опыта¹. Поэтому раскрытие логики поведения индивида или социальной группы позволяет выделить в убеждениях человека те идеи, которые выступают в качестве непосредственных мотивов поведения, т. е. деятельную, социально значимую составляющую мировоззрения.

¹Омимо этого следует учитывать, что жизненная стратегия иногда осознанно, а чаще всего нет, но всегда связана с определенным мировоззрением. Более того, социальная практика индивида или социальной группы, может вступать в прямое противоречие с разделяемой ими картиной мира, что неминуемо приводит к ценностному межличностному или социальному конфликту. Отказ от традиционной для определенного мировоззрения жизненной стратегии может свидетельствовать о внутренней потребности

¹ История теоретической социологии. Социология 19 века: От появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М.: 2010, стр. 138.

индивида или социальной группы в коррекции или кардинальном изменении своих представлений о мире.

Не менее значимой для социального познания и повседневной жизни следует признать и экзистенциальную значимость выбранной проблематики.

Среди многих аспектов экзистенциальной значимости проблем выбора и конструирования жизненной стратегии, следует отметить ее обращенность к определению смысла жизни, поскольку продумывание индивидом или социальной группой линии своего поведения в социуме не возможно вне ответа на вопросы о личной значимости происходящего и о его месте в структуре социального целого. Другими словами, выбор жизненной стратегии представляет собой поведенческий, а не теоретический ответ на вопрос о смысле жизни.

Еще одним важным экзистенциальным вопросом, на который может дать ответ социально-онтологический анализ жизненных стратегий является вопрос о характере бытия человека в мире. Каждая развитая в теоретическом отношении модель поведения человека в обществе раскрывает какой-либо особый срез социального бытия. Поэтому раскрывая и сопоставляя жизненные стратегии, можно решить проблему специфику человеческого бытия «не сверху», дедуктивным, а «снизу», индуктивным путем, что придает социально-онтологическому походу в решении экзистенциально-дискриптивной проблемы большую степень очевидности перед онтолого-антропологическим подходом¹.

И наконец, третий аспект экзистенциальной значимости обращения к анализу феноменов выбора и конструирования жизненной стратегии связан с возможностью раскрытия форм самореализации человека, раскрытия его подлинной природы.

Из сказанного следует, что проблема выбора и разработки человеком своей жизненной стратегии является востребованной и значимой как для социального познания в целом, так и для непосредственного существования индивида и социальных групп в обществе. Эта актуальность требует особой формулировки рассматриваемой проблемы, которая бы соединила в себе философский и научный, мировоззренческий и теоретико-методологический, социальный и экзистенциальный подходы к пониманию процесса создания и функционирования жизненной стратегии.

По нашему мнению данная задача осуществима в рамках социально-онтологического понимания природы жизненной страте-

¹ Самойлов С.Ф., Спасов С.В. Структура и содержание метафизической парадигмы социального познания//Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1 (27). С. 111–115.

гии, которая предполагает признание неустрашимости роли личности из процесса конструирования и осуществления модели своего поведения и социальной роли в обществе, но вместе с тем, учитывает социальные условия, закономерности и ценностные ориентиры выбора и достижения поставленных целей.

В настоящее время в области социального познания имеется возможность обнаружения категории, способной связать несколько понятий, раскрывающих различные аспекты целенаправленного поведения человека в социальном пространстве. Такой категорией является понятие жизненной стратегии, которое представляет собой синтез таких понятий, как социальное действие, социальное взаимодействие, образ жизни и смысл жизни. Данные понятия могут использоваться как самостоятельные теоретико-методологические конструкты, но могут выступать как элементы единой идеальной конструкции. Использование теоретико-методологических и эмпирических баз различных социальных дисциплин в процессе конструирования категории жизненной стратегии предполагает определение место каждого из походов к процессу выбора человеком модели поведения в социальном пространстве. Психологический поход раскрывает индивидуальные и эмоциональные стороны конструирования и осуществления жизненных планов. Социологический подход в целом выявляет универсальный (надиндивидуальный) и рациональный характер данных процессов. Философский подход, который интегрирует определенные модели поведения человека не только в социальное целое, но и в структуру сущего. Поэтому полноценное конструирование понятия жизненной стратегии предполагает использование теоретико-методологического инструментария и эмпирического материала целого ряда философских и социальных дисциплин, что несомненно, будет способствовать консолидации социального-гуманитарного познания, расширит знание в области закономерностей моделирования человеком своего поведения в обществе.

Категория жизненной стратегии является понятием, чаще всего относимым к субъективной сфере социального бытия. Но данное определение следует признать односторонним, поскольку жизненная стратегия не только выражает ценностные приоритеты и цели индивидов и социальных групп, но и выстраивается в определенных социальных условиях. Т. е. по своей природе она представляет собой идеальную модель, совмещающую в себе логику объективного и субъективного бытия. Поэтому рассмотрение понятия жизненной стратегии представляется целесообразным осуществить в рамках отдельной социально-философской дисциплины – социальной онтологии. Социально-онтологическое исследование, с одной стороны,

ставит вопрос о том, каким образом социальное целое принуждает индивида действовать тем или иным способом, а с другой – демонстрирует, как ответная реакция индивида на социальную детерминацию выражается в разработке жизненной стратегии, выражающей отношение индивида и социальной группы к социальному целому. Поэтому существует необходимость рассмотрения понятия жизненной стратегии в качестве социально-онтологической категории.

Рассмотрение жизненной стратегии не может быть осуществлено вне контекста определенной онтологической системы. Естественно, что для анализа категории жизненной стратегии необходима онтологическая система предельной степени общности – парадигма. Но поскольку социальное познание имеет принципиально полипарадигмальный характер, то анализ категории жизненной стратегии должен включать определение ее места и характера в четырех основных социально-онтологических парадигмах – объективно-идеалистической, субъективно-идеалистической, натуралистической и реалистической¹. Парадигмальный анализ категории жизненной стратегии должен включать в себя следующие моменты: раскрытие природы социального бытия, определение приоритетной формы отношения к нему социально ориентированного сознания, выявление сущности человека, установление адекватных социальной реальности целей, ценностных ориентиров и средств их реализации.

Характерными чертами социальной онтологии объективно-идеалистической парадигмы следует признать холизм, метафизичность и историцизм. Социально-онтологический холизм предполагает признание обусловленности социального поведения индивидов закономерностями функционирования социального целого. В свою очередь, метафизичность объективно-идеалистической онтологии проявляется в признании идеального характера субъекта социального развития. Третья характерная черта социальной онтологии объективного идеализма признает наличие универсальных законов развития общества и культуры. Данные характерные черты объективно-идеалистической парадигмы оказывают непосредственное воздействие на формирование жизненных стратегий, важнейшими признаками которых являются социальный детерминизм, номологизм, догматизм, аксиологичность. Социальный детерминизм объективно-идеалистических интерпретаций жизненных стратегий выражается в том, что индивид или социальная группа, конструируя линию своего поведения в социуме, должны выразить свое адекватное, или наоборот, неадекватное отношение логике функционирования или разви-

¹ Spencer G. Main beginnings//Anthology of world philosophy, M.'s T.3: 1971, p. 237–238.

тия общества. Специфика объективно-идеалистического понимания аксиологического аспекта жизненной стратегии заключается в признании онтологического статуса ценностей, а также в том, что индивид или группа, исходя из установок объективного идеализма, разрабатывая свою стратегию, ориентированы не столько на самовыражение и самореализацию, сколько на поддержание определенного социального института или социального целого¹.

Характер объективно-идеалистической аксиологии задает альтруистический пафос в формируемой на ее базе жизненной стратегии. Номонологизм объективно-идеалистического понимания жизненной стратегии проявляется в признании адекватного конструирования жизненного проекта только при условии его соотношения с общими социально-историческим законами. В основании объективно-идеалистического догматизма в понимании конструирования жизненных стратегий лежит схематизм, который неизбежно вступает в противоречие с динамикой социальной жизни, но который позволяет индивиду сформировать в целом целостное мировоззрение и твердую жизненную позицию, позволяющую создать предпосылки для преобразования социальной реальности. В целом жизненная стратегия, предполагаемая объективным идеализмом, исходит из признания вторичности сознания по отношению к идеальному срезам социальной реальности и имеет телеологическо-функциональный характер.

Важнейшими особенностями субъективно-идеалистической парадигмы социальной онтологии могут быть признаны меризм, актуализм и социальный конструктивизм. Меризм служит основанием социального номинализма и утверждает, что макросоциальные явления образуются путем обобщения единичных фактов и действий, социальной реальности вне индивидов не существует. Логически вытекающий из меризма и социального номинализма актуализм полагает, что социальная реальность формируется посредством индивидов совершения индивидами социально значимых актов. В свою очередь, прямым следствием актуализма в понимании функционирования социального целого служит социальный конструктивизм, отрицающий наличие законов развития общества и полагающий, что социальная реальность формируется не в силу действия предвечного замысла, но в результате стремления индивидов и социальных групп к совершенствованию условий социальной жизни².

¹ Зборовский Г.Е. История социологии. М.: Гардарики 2004, с. 437.

² История теоретической социологии. Социология 19 века: От появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М.: 2010.

Среди характерных черт жизненных стратегий, свойственных субъективно-идеалистической парадигме социальной онтологии, необходимо выделить индивидуализм, агонизм и прагматизм. Индивидуалистическое понимание жизненных стратегий в субъективном идеализме заключается в том, что в нем способность индивида формировать и реализовывать собственную программу поведения в обществе представляет собой один из важнейших элементов социальных отношений, лежащий в основании различных социальных образований и процессов. Неизбежными следствиями индивидуализма субъективно-идеалистической интерпретации жизненной стратегии являются конкуренция или агонизм – постоянное соревнование личностей, групп, идей проектов и т. д. и прагматизм – стремление индивида к извлечению из различных предметов, процессов и ситуаций определенной пользы, выгоды. Субъективно-идеалистическая модель жизненного планирования имеет мотивационный характер. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в качестве субъекта жизненной стратегии выступает индивид, ориентированный, прежде всего, на самореализацию, а не на служение обществу. Вместе с тем, теоретики субъективно-идеалистической интерпретации жизненной стратегии подчеркивают, что как эгоизм, так и альтруизм вполне укладываются в идею самореализации индивида, поскольку в обоих случаях он должен нести ответственность за сделанный выбор и подчинять его правовому и моральному регулированию, которые рассматриваются им как результат взаимодействия индивидов. Таким образом, свобода выбора и средств самореализации и достижение социальных целей допускают, но не опровергают эгоизм. Вместе с тем, релевантность цели и средств в номиналистической модели жизненной стратегии подчеркивают ее ярко выраженный мотивационный характер.

Несмотря на содержательное многообразие натуралистических учений, в них можно обнаружить ряд общих признаков, составляющих характерные черты целостной социально-онтологической картины мира. Основными чертами натуралистической парадигмы социальной онтологии следует признать социальный эволюционизм, социальный критицизм и конфликтологизм¹. Социальный эволюционизм натуралистических онтологий предполагает генетическую связь между природой и обществом, при этом социальные процессы рассматриваются в нем в качестве продолжения развертывания материального начала в специфической человеческой среде.

¹ Конт О. «Основные законы социальной динамики или общая теория естественного процесса человечества»//В. Зомбарт (ред. и сост.) Социология / сост. В Зомбарт, пер. И. Маркусон, Ленинград: Мысль, 1924.

Второй специфической чертой натуралистической социальной онтологии является ее критический по отношению к социальной действительности характер. Важнейшим условием как эволюционного, так и революционного преобразования общества в натурализме признается необходимость наличия конкретного идеала преобразования общества, что придает натуралистическому критицизму социально-онтологический характер. Третьей чертой натуралистической онтологии является социальный конфликтологизм, который изображает социальную жизнь как процесс различных общественных сил, народов, цивилизаций, классов, социальных групп, слоев. Жизненная стратегия, предлагаемая натурализмом, обладает рядом специфических черт, важнейшими из них являются секуляризм, социоцентризм и гуманизм.

Секуляризм жизненной стратегии натуралистической парадигмы должен быть признан чертой, однозначно присущей только данному направлению социальной мысли, поскольку только оно однозначно стоит на атеистических позициях¹. Основная идея натуралистического социоцентризма заключается в том, что индивид может достигнуть самореализации только в обществе и только как представитель определенной группы. Наконец специфика натуралистического гуманизма заключается в признании недопустимости жертвовать человеком ради религиозных, антиобщественных и аморальных идей. В целом натуралистическая интерпретация жизненной стратегии имеет мотивационно-телеологический характер. Выделение мотивационного момента в натуралистической модели связано с тем, что важнейшим вопросом для индивида является установление того, какая из естественных потребностей человека является определяющей при выстраивании социального поведения. В свою очередь обретение индивидом подлинного удовлетворения невозможно вне установления гармоничных отношений с обществом, что требует установления правильных социальных целей. Таким образом, можно утверждать, что натуралистическая модель жизненной стратегии пытается занять срединное место между социальным номинализмом и социальным реализмом.

Четвертое направление социально-теоретической мысли, предлагающей развитую социальную онтологию, может быть определено как реализм. Важнейшими характерными чертами реалистической парадигмы следует признать дуализм, коммуникативность и диалогизм. Дуализм реалистической парадигмы заключается в признании равноправия социального бытия и общественного сознания. Общественное сознание с одной стороны, порождает социальные

¹ Самойлов С.Ф. Проблема коммуникации в социально-философской мысли XX столетия// Общество и право. 2012. № 2. С. 283–285.

институты и отношения, а с другой, оно не может существовать вне подчинения определенной системы социального порядка. В реализации коммуникативность представляет собой взаимодействие между социальным бытием и общественным сознанием, ее важнейшими функциями следует признать побудительную, информативную, экспрессивную и фатическую функции. Побудительная функция состоит в способности изменений, происходящих в социальном бытии и общественном сознании воздействовать друг на друга¹. Информативная функция в социальной коммуникации позволяет информации выступать в качестве звена, связующего социальное начало в единое целое. Экспрессивная функция проявляется в способности социальной коммуникации посредством определенной информации и социальных изменений менять эмоциональное состояние основных элементов общественного сознания. Наконец, фатическая функция раскрывает способность социального бытия и общественного сознания к усложнению системы взаимодействия.

Таким образом, признание коммуникативной природы социума позволяет реалистической онтологии раскрывать диалектический и саморазвивающийся характер как социального бытия, так и общественного сознания. Третьей чертой реалистической социальной онтологии следует признать диалогичность. Диалогичность современного общества, согласно представителям социального реализма носит онтологический характер, поскольку она предполагает наличие особого социального пространства, публичности или общественности. Это означает, что в современном обществе социально значимые проблемы выносятся на обсуждение общественности. Характерными чертами реалистической интерпретации жизненной стратегии является репродуктивизм, солидаризм и делиберативность. Репродуктивность социально-реалистического понимания жизненных стратегий заключается в том, что социокультурное целое и его основные части, нуждаясь в поддержке определенного региона, предлагает индивиду различные цели и способы самореализации, которые одновременно помогают решать их собственные задачи. Солидаризм, стремящийся занять срединное положение между коллективизмом и номинализмом, ориентирует человека при разработке своих планов на учет как личных, так и общественных интересов. Наконец, делиберативность, т.е. публичная обсуждаемость процессов планирования и осуществления индивидами и социальными группами своего поведения в обществе, раскрывает механизм согласования личного с коллективного в реалистической жизненной стратегии.

¹ Цитата по Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2006, стр. 73.

Библиография

1. Зборовский Г.Е. История социологии. М.: Гардарики 2004.
2. Конт О. «Основные законы социальной динамики или общая теория естественного процесса человечества»//В. Зомбарт (ред. и сост.) Социология / сост. В Зомбарт, пер. И. Маркусон, Ленинград: Мысль, 1924.
3. Самойлов С.Ф. Проблема коммуникации в социально-философской мысли XX столетия//Общество и право. 2012. №2.
4. Самойлов С.Ф., Спасов С.В. Структура и содержание метафизической парадигмы социального познания//Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1 (27). 6. Спенсер Г. Основные начала//Антология мировой философии, Т.3 М.: 1971, с. 237–238.
5. Spencer G. Main beginnings//Anthology of world philosophy, M.'s T. 3 : 1971, page 237-238.
6. Цитата по Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2006, стр. 73.

References

1. Zborovsky G. E. Sociology history. [*Istorija sociologiji*] М.: Gardarika 2004, p. 437.
2. Cont O. «Fundamental laws of social dynamics or general theory of natural process of mankind» [*Osnovnye zakony social'noj dinamiki ili obshhajateorija estestvennogoprocessa chelovechestva*]//V. Zombart (edition and сост.) Sociology / сост. To Zombart, I. Markuson Lane, Leningrad: Thought, 1924.
3. Samoylov S. F. Communication problems in the social and philosophical thought of the twentieth century [*Problema kommunikacii v social'no-filosofskoj mysli XX stoletija*] //Society and the right. 2012. No. 2. Page 283–285.
4. Samoylov S. F. Spasov S. V. The structure and content of the metaphysical paradigm of social cognition [*Struktura i sodержanie metafizicheskoy paradigmy social'nogo poznanija*]// Messenger of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (27). Page 111–115.
5. Spencer G. Main beginnings [*Osnovnye nachala*]//Anthology of world philosophy, M.'s T.3: 1971, page 237-238.
6. The quote on Minenkov G. Y. Introduction in history of the Russian sociology [*Vvedenie v istoriju rossijskoj sociologii*] Minsk, 2006, p. 73.

СВЕТИКОВ
Сергей Александрович,
Краснодарский университет
МВД России,
Краснодар, Россия
sociometriya@mail.ru

SVETIKOV
Sergej Aleksandrovich,
Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation,
Krasnodar, Russia
sociometriya@mail.ru

Теоретическая определенность экстремизма в современном обществе/Theoretical definiteness of extremism in modern society

Аннотация

Экстремизм представляет собой одну из наиболее острых проблем современного общества. Вместе с тем, еще не сложилось единой теоретической проблемы экстремизма, что мешает ее разрешению как на теоретическом уровне, так и на уровне правового и политического регулирования. В связи с этим актуализируется необходимость углубленного изучения экстремизма, что предполагает обзор текущих теоретических позиций и исследование сущности экстремизма, как социального феномена. В статье производится анализ теоретических подходов к исследованию экстремизма. Производится формулировка наиболее значимых его признаков.

Ключевые слова

Экстремизм, общество, политика, социальные процессы, деструктивная деятельность.

Abstract

Extremism represents one of the most burning issues of modern society. At the same time, there was no uniform theoretical problem of extremism yet that interferes it with permission both at the theoretical level, and at the level of legal and political regulation. In this regard need of profound studying of extremism is staticized that assumes the review of the current theoretical positions and a research of essence of extremism as social phenomenon. In article the analysis of theoretical approaches to extremism research is made. The formulation of his most significant signs is made.

Keywords

Extremism, society, policy, social processes, destructive activity.

Экстремизм представляет собой одну из ведущих проблем современного общества. Тот факт, что проблема экстремизма не только не разрешается со временем, но, напротив, приобретает все более серьезный размах, свидетельствует о том, что в настоящее время еще не сложилось адекватной теоретической базы для борьбы с экстремизмом. Это свидетельствует об актуальности теоретической разработки проблемы, важной частью которой является концептуализация термина «экстремизм» и общий обзор социальной представленности данного явления.

В современной социологической теории нет устоявшегося понятия термина «экстремизм», его толкование возможно с различных позиций. Этимологически понятие «экстремизм» (лат. крайний) определяется как приверженность крайним, чрезвычайным (неприимчивым, радикальным) взглядам. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года определение экстремизма дано посредством перечисления проявлений экстремистской деятельности, но не ее непосредственной сути. Очевидно, что разночтения в понимании сущности экстремизма, методологические просчеты в его определении создают серьезные познавательные трудности в исследовании экстремизма.

Большинство авторов соглашаются с тем, что экстремизм представляет собой сложное социальное явление, которое представляет собой инструмент решения определенных задач в процессе расчленения общества по социальным, политическим, экономическим, культурным, религиозным и т. п. критериям. Несмотря на то что рост экстремизма в большей степени свойственен социальным структурам в процессе их становления, тем не менее его воздействию подвержены и более благополучные в экономическом и социальном отношении общества.

В то же время стоит отдельно отметить, что почвой для формирования экстремистской идеологии и установок служит именно социальная среда и, прежде всего, характер власти, экономическая основа общества, господствующая идеология, национальная политика и т.п.

Попытки определения причинно-следственных связей в понимании сущности экстремизма предпринимались и исследователями такого его вида как политический экстремизм, который в новейшее

время стал одним из основных видов и способствует серьезному росту уровня уязвимости социальной структуры и появлению экстремальных форм выражения. Здесь можно привести следующее описание экстремизма: «экстремизм порождает самые различные факторы: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, деформации политических институтов и структур, их неспособность решать назревшие вопросы общественного развития, преследования инакомыслия, национальный гнет, стремление социальных и политических групп ускорить осуществление выдвигаемых ими задач, политические амбиции их лидеров и т.п.»[8].

Таким образом, действительно можно говорить о том, что экстремизм представляет собой сложное и обусловленное множеством различных факторов явление, поэтому причины его возникновения не могут быть определены однозначно. Одновременно серьезной познавательной проблемой выступает и наличие самых многочисленных видов экстремизма и экстремистской деятельности (экономический, политический, этно-национальный, идеологический, религиозный и т.п.). При всей очевидности существования различий между этими видами, тем не менее, можно выделить и некоторые общие для всех видов экстремизма признаки. К таковым можно отнести, в том числе и радикальные установки сознания экстремиста, и экстремальные методы достижения поставленных целей[6]. В то же время, несмотря на различия в определении ключевых признаков экстремизма, общей является связь этого понятия с понятиями «насилие», «конфликт», «террор». Так как каждое из представленных явлений обладает своими собственными характеристиками, структурой и последствиями, определение природы экстремизма как социального феномена еще более усложняется.

Само слово «экстремизм» (как мы уже отмечали, от лат. *extremus* – «крайний») в политическом смысле впервые было употреблено в работах французским просветителем Ш. Монтескье в негативном смысле. В качестве термина экстремизм был сформулирован в 1838 году в философском словаре. «Экстремистами являются те, которые не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях. Но обычно их называют ультра»[7], – писал автор, немецкий философ Вильгельм Трауготт Круг.

В научный оборот термин «экстремизм» ввел в начале XX века французский юрист М. Лерой, обозначив посредством него фанатичную веру в политический идеал. Определяя политический экстремизм, Лерой подразумевал действующие в то время политиче-

ские силы, которые использовали экстремистские методы борьбы в сфере политики.

Несомненно, на современном этапе развития социологической мысли термин «экстремизм» трактуется значительно шире, так как это понятие было дополнено глубоким анализом современной социальной практики. Например, на настоящем этапе в определении экстремизма было внесено ключевое свойство – насилие как средство достижения политической цели. В. Н. Иванов определяет насилие следующим образом: «проявление агрессии фрустрированных индивидов и групп, результат социального давления, превышающего возможности человека к терпению ... откровенное, видимое средство политического и социального господства в целом, которое, в отличие от скрытых, более мягких способов властвования (манипуляция, убеждение, стимулирование) прямо и глубоко ограничивает свободу социального агента путем физического воздействия на него (ограничение свободы передвижения, временное лишение жизнеспособности, физическое устранение)»[4]. Насилие является одним из традиционных инструментов политики на протяжении всей истории человечества, так как здесь значительным может быть лишь конечный результат в достижении цели и реализации интересов, независимо от средств.

Таким образом, насилие повсеместно представляет собой политический инструмент воздействия. Тем не менее, применение насилия характерно и для государственного института власти, так как связано с выполнением властью своих функций. Примером этого могут служить принудительные меры по отношению к преступникам с целью защиты нарушенных свобод, прав, интересов большей части народа страны. В то же время стоит оговорить, что насилие хотя и является одним из источников власти, но не исчерпывается им. Принуждение по своему характеру может быть разнообразным (психологическим, физическим, идеологическим). Тем не менее, ряд исследователей отрицают тот факт, что идеологическое, экономическое, психологическое, правовое и иные формы принуждения необходимо также относить к формам насилия. Согласно их теории, политическим насилием можно считать лишь физическое принуждение[3]. В то же время очевидно, что любое принуждение оказывает воздействие на психику человека, тем самым сказываясь и на физиологии, что дает право считать любое насилие в крайней форме физическим.

Если говорить о связи экстремизма и насилия, то стоит отметить тот факт, что экстремизм зачастую своей целью имеет психологическое подавление, для чего и производится физическое воздействие

на жертву. По мнению Н.Н. Косолапова, «насилие – это всегда способ принудить субъект поступать вопреки его собственной воле, интересам, целям и выбору, действовать так или иначе в ущерб себе»[5]. Стоит также отметить еще одно определение насилия, данное американским социологом Дж. Кином: «Насилие – акт, выражающий отношение, в котором объект насилия недобровольно третируется не в качестве субъекта, инаковость которого признана и уважаема, а как всего лишь предмет, потенциально заслуживающий того, чтобы ему нанесли урон или даже его ликвидировали»[1]. Таким образом, здесь насилие может быть отождествлено с нежелательным физическим воздействием.

Еще одно определения термина «насилия» звучит следующим образом: «применение индивидом или социальной группой различных форм принуждения в отношении других индивидов, социальных групп с целью приобретения или сохранения экономического или политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий»[6]. В энциклопедическом словаре насилие определяют как: «государственное насилие и насилие в прямом смысле. Насилие в первом значении – государственная власть, опирающаяся на право и ограниченная правом. Второе толкование охватывает модус действия, направленного на намеренное нанесение ущерба субъектам действия или вещам либо на уничтожение последних»[8].

Так как само понятие экстремизма в прямой или косвенной форме содержит указание на применение насилия, то, учитывая вышеназванные толкования понятия насилия, можно говорить о том, что любые силовые методы воздействия на объект подпадают под признаки экстремизма. Большинство определений экстремизма подчеркивают такие характерные признаки, как приверженность к крайним взглядам, а также использование незаконных насильственных инструментов для достижения определенных целей. Ряд исследователей отмечают, что насилие, характерное для экстремизма, необходимо обладает признаком незаконности, поэтому отличается от принуждения закона. В последнем случае имеет место ситуация, когда индивид или малая социальная группа обязаны претерпевать насилие, так как отличились нарушением закона, тем самым проигнорировав моральные, культурные и этические нормы общества.

Наибольшим интересом среди различных типов экстремизма обладает политический экстремизм, что объясняется, прежде всего, тем, что политика присутствует во всех сферах социальной жизни и пронизывает все типы общественных отношений. Так как политика тесно связана с идеологией, то можно говорить о том, что в основе политического экстремизма лежит идеологический. Политические

действия провоцируют развитие определенных идеологий и в то же время являются результатом действия идеологий.

Один из исследователей политического экстремизма Ю.И. Авдеев дает следующие определения данного понятия:

«1) определенная линия в политике (или позиция), отвергающая компромиссы с противодействующей стороной и отражающая наиболее агрессивные установки субъекта;

2) разновидность существующих политических течений, находящихся на крайне левых или крайне правых, а также иных аналогичных политических позициях (левых или правых, ультранационалистических, расистских и т.д.);

3) инструмент политической борьбы, способ достижения политических целей, отвергающий какое бы то ни было взаимодействие с политическими оппонентами;

4) негативный социальный процесс, охватывающий различные политические, экономические, социальные, национальные, религиозные слои и основывающийся – в зависимости от обстоятельств, места и времени протекания – на различной идейной, политической и психологической почве»[2].

Вышеперечисленные признаки характерны также и для экстремизма в целом, рассматриваемого как социальный феномен. Здесь определяющими факторами выступают идеология, политика, практика и инструментарий достижения определенных целей, что в совокупности и составляет понимание феномена экстремизма. «Экстремизм есть не что иное, как практика негативных социальных действий и взаимодействий, это деятельность, построенная на отрицательных социально-психологических установках (агрессии, неприятии), их защите всеми доступными, в том числе и насильственными, методами. Это стремление навязать свою систему ценностей, сколь абсурдными они бы ни были, отрицание возможности диалога и социального взаимодействия с теми, кто не разделяет точку зрения «противной» стороны, т.е. абсолютизация социального противостояния и размежевания, отказ от демократических методов разрешения возникающих конфликтов»[6]. Здесь стоит учитывать тот факт, что современное общество характеризуется многочисленными социальными расслоениями, что, несомненно, выступает провоцирующим фактором для развития экстремизма. В то же время возникновение и распространение экстремизма, в свою очередь, способствует усилению социальных различий и затрудняет преодоление социальных рисков.

Политический экстремизм обладает рядом важных атрибутов, таких как использование или угроза применения насилия, а также не-

приятие каких-либо компромиссов с противостоящей силой. Здесь также следует упомянуть о том факте, что политический экстремизм обладает способностью проникать во все социальные отношения. «Экстремизм, мы бы сказали, есть явление в этом смысле синтетическое, ибо он способен синтезировать и использовать негативные (и собственно экстремистские) проявления, происходящие в других сегментах социума, придавать им политическую направленность и расширять объекты воздействия»[6].

Экстремизм имеет достаточно широкую сферу распространения – сюда входят такие уровни, как социальные слои, социальные институты, социальные группы, индивиды и т.д. Несмотря на то, что экстремизм может проявляться в различных формах, действовать в разных структурах, при этом имея собственную логику развития (как внутреннюю, так и обусловленную внешними воздействиями), он также способен влиять и на самые разнообразные социальные и политические факторы его порождающие. Это позволяет судить о том, что экстремизм представляет собой не только следствие социальных нарушений, но и их причину, в силу чего можно судить о возможности накопления деструктивного потенциала в обществе.

Библиография

1. Keane G. Reflections on Violence. – London – New York, 1999. – P. 67.
2. Авдеев Ю. И. Политический экстремизм как явление политической борьбы: сущность, содержание и формы (теоретико-методологический аспект). – М., 1996. – С. 5–6.
3. Залысин И. Ю. Политическое насилие в системе власти // Социал.-полит. журн. – 2001. – № 3. – С. 93.
4. Иванов В. Н. Феномен терроризма // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 63.
5. Косолапов Н. Н. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей // Мировая экономика и международн. отношения. – 1992. – № 11. – С. 51.
6. Писаренко О. Н. Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-kak-sotsialnoe-yavlenie> (дата обращения: 05.11.2016).
7. Плотицкина Н. В. Экстремизм VS демократия в научных исследованиях германских политологов // Журнал «Политэкс». URL: <http://www.politex.info/content/view/513/30/> (дата обращения: 03.11.2016).
8. Политология: энцикл. сл. – М., 1993. – С. 191.

References

1. Keane G. Reflections on Violence. – London – New York, 1999. – P. 67.
2. Avdeev Yu. I. Political extremism as phenomenon of political struggle: essence, content and forms (teoretical-methodological aspect) [*Politicheskij jekstremizm kak javlenie politicheskoy bor'by: sushhnost', sodержanie i formy (teoretiko-metodologicheskij aspekt)*] – M, 1996. – p. 5-6.
3. Zalyin I. Yu. Political violence in system of the power [Politicheskoe nasilie v sisteme vlasti] //Sotsial. - it is watered. journ. – 2001. – No. 3. – p. 93.
4. Ivanov V. N. Terrorism phenomenon [*Fenomen terrorizma*]// Social researches. – 2005. – No. 7. – p. 63.
5. Kosolapov N. N. Force, violence, safety: modern dialectics of interrelations [*Sila, nasilie, bezopasnost': sovremennaja dialektika vzaimosvjazej*]//World economy and international relations. – 1992. – No. 11. – p. 51.
6. Pisarenko O. N. Extremism as social phenomenon [*Jekstremizm kak social'noe javlenie*]//Scientific problems of humanitarian researches. – 2010. – No. 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-kak-sotsialnoe-yavlenie> (date of the address: 05.11.2016).
7. Plotichkina N. V. Extremism VS democracy in scientific research of the German political scientists [*Ekstremizm VS demokratija v nauchnyh issledovanijah germanskih politologov*]//the Politeks Magazine. URL: <http://www.politex.info/content/view/513/30/> (date of the address: 03.11.2016).
8. Political science: encyclop. dict. – M, 1993. – p. 191.

КУЗЬМЕНКО
Ирина Сергеевна,
к. социол. н., Краснодарский
университет МВД России,
Краснодар, Россия
info@журналпоиск.рф

KUZ'MENKO
Irina Sergeevna,
Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation,
Krasnodar, Russia
info@журналпоиск.рф

Солидарность в современном мире: проблемы и перспективы исследования/ Solidarity in the modern world: problems and perspectives of a research

Аннотация

Проблема солидарности по праву считается одной из центральных в социологии, однако в современной исследовательской практике имеют место существенные затруднения в ее постановке и разрешении. Проблема солидарности, будучи потенциально одним из важных прикладных вопросов, исследуется, в первую очередь, на общетеоретическом уровне. В статье производится общий обзор методологических и прикладных аспектов проблемы солидарности. Рассматривается отношение между тенденциями индивидуализации, солидаризации и межкультурной коммуникации в современном обществе. Проводится методологический обзор основных направлений исследования солидарности в современном обществе. Обосновывается важность феноменологического исследования солидарности.

Ключевые слова

Солидарность; общество; индивидуализм; межкультурная коммуникация; социальные отношения.

Abstract

the solidarity problem by right is considered one of central in sociology, however in the modern research practice essential difficulties in its setting and permission take place. A solidarity problem, being potentially one of important application-oriented issues, it is researched, first of all, at the general-theoretical level. In article the high-level overview of methodological and application-oriented

aspects of a problem of solidarity is made. The relation between tendencies of individualization, a solidarization and cross-cultural communication in the modern society is considered. The methodological review of the main directions of a research of solidarity in the modern society is carried out. Importance of a phenomenological research of solidarity is justified.

Keywords

Solidarity; society; individualism; cross-cultural communication; social relations.

В современной социальной науке происходит постепенное возвращение к тематике солидарности. При этом, в силу длительной истории употребления данного термина, а также наличия сразу нескольких исследовательских направлений, в той или иной мере опирающихся на идею солидарности, достаточно проблематичным является как концептуализация понятия, так и анализ социальной представленности солидарности в современном обществе. Отчасти это определяет то, что большинство исследований солидарности производятся ретроспективно – как анализ существующих концепций и попытка выведения общетеоретических основ исследования солидарности. Вместе с тем, представляется целесообразным рассмотрение методологических перспектив практического исследования солидарности, ориентированного на раскрытия текущей специфики данного социального феномена.

Проблема солидарности традиционно рассматривается на предмет ее субъект-объектной определенности, а также в приложении к проблематике социальной структуры. Вместе с тем, солидарность есть отношение между различными членами общества или, например, между отдельным человеком и социальной группой. При этом это отношение реализуется как на уровне сферы социальной деятельности, так и на уровне общественного сознания. Более того, наличие такого важного аспекта формирования солидарности, как ценностная наполненность солидаризационных процессов, свидетельствует о высокой значимости исследования общественного сознания и разработки вопроса о том, каким образом на уровне социального сознания формируются предпосылки для возникновения солидарности. Это имеет не только непосредственную исследовательскую ценность, но также и способствует разрешению проблемы формирования эмпирической базы исследования. Последнее связано с тем, что социальное знание стремится к опоре на фактический материал, однако для таких общих теоретических категорий,

как солидарность, чрезвычайно сложно произвести выборку эмпирической базы.

Одним из ведущих критериев, которые позволяют усмотреть проявление солидарности в какой-либо деятельности, является мотивация совершения социального действия. Это свидетельствует о том, что чрезвычайно трудно произвести фактическое определение случаев проявления солидарности при нормальном протекании общественного процесса, поскольку далеко не всегда возможно выявить мотивы социальных акторов, определяющие характер их деятельности¹. Степень солидарности конкретных членов общества и их общая социальная ориентация проявляются, в первую очередь, в тех случаях, когда их поведение выходит за рамки нормативно предписанного. Речь в данном случае идет как о делинквентном поведении, имеющем безусловный разрушительный характер, так и о превышении нормативно предписанного поведения. Иными словами, деятельность, выполнение которой не является обязательным, может выступать как один из признаков наличия между участниками социальной коммуникации отношения солидарности. Однако данный признак не является абсолютно достоверным, поскольку отдельные социальные проявления могут быть частью играемой членом общества социальной роли, либо представлять собой эксперимент, либо иметь иную мотивацию, не связанную напрямую с чувством сопричастности интересам другого человека или социальной структуры. Поскольку социология стремится к оперированию фактами, свободному от излишних интерпретаций, сведения об уровне солидарности данным путем могут использоваться лишь косвенно и с поправкой на возможную погрешность трактовки. Наиболее значимыми маркерами, отражающими уровень солидарности в обществе, являются негативные процессы в обществе (либо их отсутствие). Наличие таких деструктивных явлений, как преступность, межличностные и межгрупповые конфликты, возникновение отношения нетерпимости свидетельствует о недостаточном уровне развития конструктивных форм солидарности. И напротив, незначительный уровень развития данных процессов выступает одним из свидетельств того, что интегративные функции общества (в том числе и солидарность его членов) развиты в достаточной мере.

Помимо обозначенных выше критериев оценки солидарности большое значение имеет анализ общественного сознания и, в частности, содержания информационного пространства общества. Од-

¹ Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

ним из наиболее ярких проявлений данной сферы является деятельность СМИ, а также содержание онлайн-коммуникации, зачастую носящей публичный характер. Однако в данном случае сразу необходимо различить два основных аспекта проблемы – содержание информационного пространства общества, как индикатор уровня солидарности, а также источник информации об основных критериях объединения членов общества и информационное пространство, как фактор, определяющий уровень развития интеграционных процессов.

Исследование социального сознания на предмет представленности в нем конструктивных установок на общность и единение членов социальной структуры предполагает анализ информационных сообщений в рамках деятельности СМИ и основных Интернет-изданий, проведение специализированных опросов, а также детальное исследование культуры на предмет представленности в ней идей общности, взаимопомощи, ответственности, справедливости и других социально значимых ценностей. Немаловажную роль в данном отношении играет исследование менталитета членов общества, что предполагает историческое рассмотрение условий формирования их мировоззрения (поскольку этот процесс наиболее интенсивно происходит в детстве и молодости), анализ религиозной, этнической, культурной принадлежности, а также уровень образования. Это свидетельствует о том, что углубленное изучение состояния и уровня солидарности в обществе требует глубокой разработки содержания и общего состояния социального сознания с привлечением материалов этнографического и культурологического характера, а также предполагает анализ социализационных процессов в обществе и условий их протекания. Таким образом, вкупе с анализом текущих проявлений социального сознания может быть сформирована целостная картина, отражающая в том числе и такие аспекты, как предрасположенность членов общества к формированию устойчивых интегративных установок.

Рассмотрим более подробно фактор культурной принадлежности. В настоящее время существует общепринятое, но достаточно условное деление обществ на традиционные и инновационные, при этом, в большинстве случаев, к числу инновационных относят культурные системы, перенявшие западную интенцию развития. Эта тенденция проявляется в развитии индивидуалистических тенденций, повышении роли конкурентного отбора в социальном процессе, что закладывает в саму структуру общественных отношений установку на состязательный, конфликтный характер отношений между членами общества. Фактически, установка на индивидуализм, уходя-

щая своими корнями в этику протестантизма и философские идеи ренессансного гуманизма, в значительной степени осложняет процесс объединения членов общества. С одной стороны, в рамках индивидуализма происходит актуализация личностного начала, в том числе – и повышение актуальности личных качеств других участников социальной коммуникации. С другой стороны, индивидуалистическое мировоззрение противопоставляет индивида обществу, что в значительной мере осложняет процесс социальной интеграции¹. Актуализация взаимного осознания ценности, рассматриваемая Дюркгеймом, при анализе органической солидарности, формируется зачастую при осознании личной прагматической заинтересованности в социальной деятельности другого человека или общественной структуры. Эта особенность индивидуалистического мировоззрения послужила причиной тому, что Ф. Хайек рассматривал общие солидаризационные процессы в качестве несущественных². Вместе с тем, современное общество не является однородным по критерию представленности культурных установок. И это затрагивает, в частности, развитую в западной традиции культурную традицию индивидуалистического мировоззрения. С возникновением множества субкультур, а также актуализацией процесса межкультурной коммуникации, происходит непрерывное насыщение западной культуры отдельными элементами индийской, восточноазиатской и других культурных традиций. По большей части данный процесс носит фрагментарный характер и связан с трансляцией различного рода информационной продукции, основная направленность которой связана не с раскрытием полноты содержания культуры, породившей его, а со значительно более прикладными (в основном, коммерческими) целями. Вместе с тем, проникновение в западную культуру элементов восточного мировоззрения представляет собой значимую тенденцию, в том числе и потому, что в рамках восточного мировоззрения реализуется установка на коллективное освоение окружающей социальной действительности.

Помимо непосредственного процесса межкультурной коммуникации следует отметить также значимость миграционных процессов, и, в частности, такой феномен, как существование внутри развитого общества устойчивых социокультурных объединений этнического

¹ Фромм Э. Бегство от свободы = Die Furcht vor der Freiheit (1941) / Перевод Г. Ф. Швейника. – Москва: Аст, 2011. – 288 с. – (Philosophy). – 2000 экз. – ISBN 978-5-17-065381-2

² Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е.Покровский, Д.В.Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013.

типа – диаспор, в которых трансляция исходных социальных установок производится чрезвычайно эффективно. Помимо этого можно отметить на общем уровне тенденцию наследования представителями национальных меньшинств социальных и культурных установок своей этнорелигиозной группы.

В совокупности это ведет к тому, что на уровне западного общества возникают специфические группы людей, объединенные отношением солидарности и одновременно в ряде отношений противопоставленные традиционным установкам культуры. Формирование таких объединений представляет собой закономерный социальный процесс, однако одним из его следствий становится нарастание конфликтных тенденций, поскольку объединения, основанные на сходстве по определенному признаку, зачастую несут в себе значительный деструктивный потенциал для внешней социальной среды.

Уже на этом уровне становится видно, что индивидуалистические тенденции в современном обществе частично уравновешиваются процессами межкультурной коммуникации. Вместе с тем, существует еще одна значимая тенденция. Связана она с тем, что современные информационные технологии сделали возможным крайне эффективное формирование тематических сообществ различной направленности. Деятельность этих сообществ связана, в первую очередь, с теми сферами, которые изначально выступали в качестве критерия объединения. В результате формируются устойчивые социальные группы, в которых члены общества характеризуются наличием схожего социального признака. Фактически, речь идет о формировании на уровне общества очагов развития механистической солидарности. Эта тенденция требует своего дальнейшего изучения на предмет возможных последствий.

Следующий теоретико-методологический аспект проблемы также чрезвычайно важен: анализ того, каким образом на уровне социального сознания реализуются механизмы формирования солидарности дает ключ к пониманию возможностей по регулированию ситуации в обществе. В частности, обнаружение социальных механизмов, ведущих к снижению уровня солидарности в обществе представляет собой серьезное основание для эффективного мониторинга ситуации: обнаружение таких действующих механизмов является, с одной стороны, свидетельством снижения эффективности процессов солидаризации членов общества, с другой – само по себе свидетельствует о наличии серьезной социальной проблемы. Кроме того, анализ конструктивных факторов, определяющих повышение уровня согласованности членов общества также имеет несомненное практическое значение. В совокупности анализ социального созна-

ния на предмет факторов солидаризации дает мощный инструмент к косвенному определению актуального состояния процессов солидаризации в обществе, и одновременно способствует разработке методологии управления процессами солидаризации. Столь серьезные исследовательские перспективы раскрываются благодаря динамическому характеру существования общественной структуры: она не является статичной, ее существование процессуально, и, соответственно, знание динамических факторов, определяющих ведущие характеристики общественной организации, дает ключ к более глубокому пониманию текущей ситуации и дальнейшему ее прогнозированию.

Следует обратить внимание на то, что осознание личной сопричастности интересам определенной группы людей или социальной системы в целом определяется не только принимаемыми членом общества (зачастую некритически) ценностными установками, но и сложившейся у него картиной мировоззрения, поскольку именно на его уровне находят отражение окружающие человека социальные явления и процессы. На уровне личного социального мировоззрения имеет место упорядочивание социального опыта, формирование представлений о свойствах окружающих социальных явлений, определяется их значимость и формируется стратегия деятельности, направленной на достижение поставленных задач. Одним из важных элементов мировоззрения является социальная самоидентификация личности – осознание членом общественной структуры своей соотнесенности с обществом. Характер социальной самоидентификации личности представляет собой один из ведущих факторов, определяющих возможность формирования солидарности члена общества в отношении других людей или определенных социальных структур.

Проведенный обзор свидетельствует о том, что основания социальной солидарности пролегают в сфере социального сознания. При этом существует ряд факторов динамического характера, определяющих как направленность социального сознания, так и степень его предрасположенности к формированию отношения солидарности в обществе. По этой причине видится перспективной разработка на теоретическом уровне основных принципов формирования социального сознания, как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровне.

В данном отношении приобретает актуальность обращение к методологическим и теоретическим основаниям социальной феноменологии, в рамках которой производится детальный анализ процессов формирования и развития общественного сознания на различ-

ных уровнях его проявления. Сильной стороной феноменологического рассмотрения обозначенных проблем является то, что в ходе его проведения не просто выстраивается статическое отражение исследуемого объекта, но формируется динамическая модель, раскрывающая не только причины и факторы развития определенных социальных тенденций, но также и характер их направленности.

Библиография

1. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. - М.: Эдиториал УРСС, 1999.

2. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е.Покровский, Д.В.Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013.

3. Фромм Э. Бегство от свободы = Die Furcht vor der Freiheit (1941) / Перевод Г. Ф. Швейника. – Москва: Аст, 2011. – 288 с. – (Philosophy). – 2000 экз. – ISBN 978-5-17-065381-2

References

1. Giddens, A.A. The sociology / Lane with English; sc. edition V. A. Yadov; general edition of L. S. Guryeva, L. N. Posilevich. - M.: Editorial of URSS, 1999. – 703 p.

2. Hoffman A. B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? About two forms of social integration [*Solidarnost' ili pravila, Djurkgejm ili Hajek? O dvuh formah social'noj integracii*]/the Sociological year-book of 2012. Sat. scientific works. Edition N. E. Pokrovsky, D.V.Efremenko. - M.: INION of RAS; Department of the general sociology of Higher School of Economics National Research University, 2013. - p. 97-167

3. Fromm E. Flight from freedom = the Die Furcht vor der Freiheit (1941) [*Begstvo ot svobody = Die Furcht vor der Freiheit*]/ Translation of G. F. Shveynik. – Moscow: AST, 2011. – 288 pages – (Philosophy). – 2000 copies – ISBN 978-5-17-065381-2

ДЕМЕНТЬЕВ
Сергей Александрович,
Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, Россия
sadementiev2014@yandex.ru

DEMENTIEV
Sergey Aleksandrovich,
South Russian humanitarian Institute,
Rostov-on-Don, Russia
sadementiev2014@yandex.ru

Системообразующий характер информационной глобализации в становлении нового социума – социума информационной эпохи/Systemically nature of information globalization in the formation of a new society – a society of the information age

Аннотация

Проведенный в статье анализ показал, что воздействие информатизации на общество имеет смысло- и системообразующий характер; она формирует новое состояние общества, порождает общество нового типа – информационное общество. При этом, глобальная информация стала не только социальным ресурсом, формирующим все стороны общественной жизни, но регулятором нового общественного порядка, в частности, процесс информатизации виртуализирует все социальные связи и отношения. Указанные глобальные проблемы ставят задачу рассмотрения информационной безопасности с учетом глобальности этих проблем.

Ключевые слова

Информатизация; глобализация; глобальный мировой процесс; новое общество; глобальная информация; медиократия; информационная культура; киберсоциализация.

Abstract

The above article analyzes showed that the impact of information on the company is with sense and backbone character; it creates a new state of society produces a new type of society – the information society. At the same time, the global information has become not only a social resource, format all aspects of social life, but the regulator of a new social order, in particular, the process of informatization virtualizes all social connections and relationships.

These global issues pose the task of reviewing the information security, taking into account the globality of these problems.

Keywords

Informatization; globalization; global world process; a new society; the global information mediokratiya; information culture; kibersotsializatsiya.

Информатизация всех сторон общественной жизни, полномасштабно имеющая место в начале XXI века характеризует целый ряд кардинальных трансформаций всей системы мироустройства. Это, прежде всего, связано с тем, что технологический прогресс, выразившийся в создании эффективных глобальных систем информационно-коммуникационного взаимодействия показал неэффективность социального порядка, существовавшего до глобальной информатизации общества.

Новое мироустройство, порожденное информационной эпохой, оказалось многосложным, противоречивым, плюралистичным, изменчивым и полным информационных угроз и рисков, как для государств, наций, так и для личности. Соответственно этому, требуются исследовательские усилия для того, чтобы оценить эти информационные угрозы и риски, обезопаситься от них, а равно и для того, чтобы прогнозировать появление новых угроз и рисков.

Для реализации указанной исследовательской задачи мы намерены выявить те коренные изменения, связанные с информационными угрозами и рисками, которые произошли в социальном мироустройстве под воздействием глобальной информатизации, для того, чтобы, обозначив их, как объект исследования.

Одним из таких важнейших изменений социального мира является формирование единого информационного пространства, которое является глобальным полем информационного взаимодействия. М.Маклуэн, показывая «спрессовывание» этого информационного пространства, называет его даже единой «глобальной деревней» [1].

Информатизация, как подчеркивает М.Г. Делягин, представляет собой глобальный мировой процесс. Более того, по мнению многих исследователей, информатизация представляет собой «квинтэссенцию современного этапа развития всего мира» деревней [2].

Отметим, что многие исследователи называют процесс глобальной информатизации закономерным «сквозным» вектором всемирного исторического развития, который невозможно ни остановить, ни существенно трансформировать [3]. Это процесс, как пишет

один из пророков информационной эпохи У. Бек, является амбивалентным процессом и процессом необратимым [4].

Информатизация имеет смысло- и системообразующий характер и затрагивает все стороны общественной жизни, весь миропорядок от личной жизни человека до международной организации мира. Информатизация – один из векторов глобализации, относительно которой до сих пор идут теоретические дискуссии.

Феномен глобализации трактуется современными исследователями и как «новое качество мира», и как «всемирно-исторический процесс», и как «новая эпоха и новая эра человечества», и даже как «новая идеология» [5]. В соответствии с этим, во всех направлениях глобализации, в том числе и в информатизации, выделяют различные векторы, такие как интернационализация (Т. Фридман) [6], формирование глобальной системы мирохозяйствования (В.В. Загладин) [7], модернизация (А.С. Солоницкий, А.Я. Эльянов) [8].

Обобщая различные теоретические подходы и идеологические трактовки феномена глобализации, можно концептуализировать её сущностные аспекты, включающие в себя следующие:

- глобализация – это, прежде всего, преодоление национально ограниченных отношений, это интернационализация;

- глобализация – это всеобщая либерализация рыночных отношений,

- глобализация – это свободное движение капиталов; глобализация – это скачкообразный рост числа, воздействия и влияния международных организаций;

- глобализация – это международная унификация и стандартизация условий производства и жизни людей;

- глобализация – это всеобщая интеграция; глобализация – это информатизация всех сторон жизни общества и человека.

Как следует из доклада ООН о развитии человека, числу дополнительных следствий глобализации нужно отнести следующие:

- дезинтеграцию развивающихся стран, их дестрадиционализацию и денационализацию национально-государственных отношений;

- интенсификацию массовых миграций из стран третьего мира;

- ускоренное интенсивное формирование новых нетрадиционных мультикультурных сообществ и объединений;

- создание глобальных средств массовой коммуникации, создание глобальной информационной сети, глобального телевидения;

- создание межгосударственных институтов финансово-правового регулирования;

– усиление технологической монополии постиндустриальных держав, увеличение разрыва между богатейшими и беднейшими странами;

– возрастание имущественного, социального, информационного цифрового неравенства и диспропорции в распределении социальных и материальных благ. Указанные позитивные и негативные тенденции глобализации актуализируют проблемы государственной и национальной безопасности, безопасности общества и человека.

Информатизация общества является одним из факторов ускорения глобализационных процессов. Это связано с тем, что формируется единое информационное пространство, в котором информационные потоки способствуют установлению нового мироустройства.

Во всех переменах, которые мы можем замечать в общественной жизни, прослеживается доминанта информационного воздействия, информационно-коммуникационного взаимодействия, компьютеризации и глобальной информационной сети.

Информационная глобализация формирует новое состояние общества, качественно изменяя и трансформируя социальные структуры и модели социального взаимодействия в обществе, она существенно изменяет роль и значение личности.

Информационная глобализация, как качество нового мира, развивает технологии информационного манипулирования массовым сознанием, что приводит к размыванию, а порою и к разрушению социокультурной, этнической и конфессиональной идентичности. Использование огромных информационных объемов стало важным ресурсом общества и его организации. Французский исследователь Р.Дебре предложил термин «медиократия» для указания на владельцев и собственников информационных ресурсов. Именно они определяют политические тренды, моду, стили жизни, социальный престиж, направления потребительской политики повседневности [9].

Как пишет отечественный исследователь А. Иголкин, медиократия сегодня выполняет ту же роль, которую в средневековье выполняла церковь, кроме того именно усилиями медиократии место прежних святых церкви в массовом сознании заняли созданные имиджмейкерами кумиры толпы, а место веры – массовое повседневное мироощущение [10].

Глобальная информация стала не только социальным ресурсом, формирующим все стороны общественной жизни, но регулятором нового общественного порядка. При этом огромные объемы информации отнюдь не увеличивает объем знаний. Глобальная информация лишена целостности, в связи с чем современные мир и знание о нем фрагментированы.

Сам современный мир все более приобретает черты фрактальности, поскольку нелинейный, вариативный и альтернативный характер его существования и развития характеризуется множественностью, плюрализмом и эклектизмом. Это приводит к новым основаниям мирового кризиса [11].

Исследователи называют реальность современного социума в условиях глобализации информации новой социальной реальностью. Эта новая социальная реальность характеризуется как «глобальная дезорганизация», «глобальный хаос» и как «глобальная сложность». Такой социум нового типа отечественный исследователь С.А. Кравченко называет сложным социумом [12].

В новом социуме реальные отношения подменяются виртуальными, отношениями, которые порождены симулякрами (информационно-цифровыми копиями несуществующих вещей); реальные процессы подменяются имитационными процессами; новые лики социальности, как пишет Ж.Т. Тоценко, наполнены перформансами и кентавризмом [13].

О новом социуме пишет один из его глашатаев Мануэль Кастельс: «Новое общество возникает, когда (и если) наблюдается структурная реорганизация в производственных отношениях, отношениях власти и отношениях опыта. Эти преобразования приводят к одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и к возникновению новой культуры» [14].

В информационном обществе, как обществе нового типа формируется и культура нового типа – электронная культура. Культура нового типа связана с информатизацией всех сторон общественной жизни информационными технологиями.

Новая информационная культура, так же как и информатизация общества имеет глобальный характер и как подчеркивает такой отечественный исследователь как К.К. Колин, ее функционирование вызывает глобальные проблемы. Во-первых, это проблемы информационной национальной безопасности. Во-вторых, это проблемы информационной компетентности и информационной социализации. В-третьих, это проблемы информационной культуры специалистов в современном обществе. Сюда же нужно отнести проблемы образования, правовые и этические проблемы информационной культуры личности и общества [15].

Глобализация культуры осуществляется в рамках ее универсализации и доминирования новых ценностей – ценностей информационных. Доминирование информационных ценностей в информационной культуре приводит к такому процессу, который дифференцирует личностные качества под углом зрения готовности к освоению

мира информационных ценностей и информационного взаимодействия.

Соответственно этому, если так можно выразиться, глобализация человека проявляется в коренном изменении его социально-личностного статуса: персональное «Я» постепенно заменяется универсальным, но безликим и безличностным актором, агентом информационного взаимодействия. Происходит потеря индивидуальности и надвигается массовизация действий акторами информационного взаимодействия при атомизации их социально-личностных связей и отношений.

Возникают совершенно новые типы социальных связей, например, социальные сети, которые становятся неотъемлемым компонентом социальной коммуникации, повседневного общения, социализации. Сама социализация становится киберсоциализацией. Все рассмотренные выше проблемы характеризуют возникновение нового социума – социума информационной эпохи, детерминированного глобализацией повседневной жизни человека, которая перестает быть лично-интимной, внутренне закрытой, замкнутой на индивида, персонально-индивидуальной, кастово-групповой, сословно-профессиональной. Информационная человеческая повседневность выражается в повседневных социально-информационных практиках в виде социальных сетей, инстаграмм, живых журналов, Фэйсбуков, блогосфер, благодаря чему индивидуальная и приватная информация становится глобальной и выступает информационным достоянием пользователей информационного универсума, что приводит к тому, что повседневный индивид в своих якобы индивидуально-личностных качествах лишается индивидуальности, массовизируется, усредняется как актер и пользователь информационных ресурсов, как агент информационного обмена, информационного взаимодействия и удовлетворения своих информационных потребностей и интересов, что практически полностью разрушает личностные охранительные информационные барьеры и порождает угрозы его информационной безопасности.

Библиография

1. McLuhan M., Power B. The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century (Communication and Society). Oxford University Press, 2006.
2. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. – М.: Вече, 2008. – С. 34.
3. Столяров А.М. Запад и Восток: новая «эпоха пророков» // Философский журнал (электронная версия). 08.08.2005. -- [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <http://phenomen.ru//public/journal.php?article=18>.

4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 24.

5. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и её восприятие в мире // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 37.

6. Friedman T. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. N.Y. Picador, Revised and Updated Edition, 2012.

7. Загладин В. Глобализация в контексте альтернатив исторического развития // МЭИМО. – 2003. – № 8. – С. 3–19.

8. Солоницкий А.С. Мировое интегрирующее развитие и проблемы модернизации незападных обществ // МЭИМО. – 1995. – № 12. – С.9.; Эльянов А. Я. Глобализация и догоняющее развитие // МЭИМО. – 2004. – № 1. – С.4.

9. Дебре Р. Введение в медиологию / Пер. с фр. Б.Скуратова. – М.: Праксис, 2010. – С. 40-45.

10. Иголкин А. Пресса как оружие власти. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/1995/igoikin_11_12-1995.htm.

11. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. – М., Инфра-М.: 2003 - С. 231.

12. Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социс. 2012. № 5. – С. 20.

13. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социс. 2012. № 12. - С. 23.

14. Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Volume I. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – P. 165.

15. Колин К.К. Новая информационная культура как глобальная проблема. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd>

References

1. McLuhan M., Power B. The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century (Communication and Society), Oxford University Press, 2006.

2. Delyagin M.G. Dravj chelovechestva. Globalizacija i mirovoj krizis [*Drive humanity. Globalization and world crisis*] – М.: Veche, 2008. – p. 34.

3. Stolyarov A.M. Zapad i Vostok: novaja «jepoha prorokov» // Filosofskij zhurnal [*East and West: a new “era of the prophets” // Philosophical magazine (electronic version)*]. 08.08.2005.

4. Beck U. What is Globalization? Errors of Globalism - the answers to globalization. – M. : Progress-Tradition, 2001. – p. 24.
5. Inozemtsev V.L. Sovremennaja globalizacija i ejo vosprijatie v mire // Vek globalizacii [*Contemporary globalization and its perception in the world // Age of Globalization*]. – 2008. – no. 1. – p. 37.
6. Friedman T. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. N.Y. Picador, Revised and Updated Edition, 2012.
7. Zagladin V. Globalizacija v kontekste al'ternativ istoricheskogo razvitija [*Globalization in the context of the historical development of alternatives*], MEiMO. – 2003. – № 8. – pp. 3–19.
8. Solonitsky A.S. World integrating the development and problems of modernization of non-Western societies // MEiMO. –1995. – 12.-number C.9.; Elyanov A.Y. Globalization and catching-up development // MEiMO. – 2004. – № 1. – C.4.
9. Debra R. Introduction to mediologiyu / Trans. with fr. B. Skuratova. – M. : Praxis, 2010. – P. 40–45.
10. Igolkin A. Press as a weapon of power. – [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/1995/igolkin_11_12-1995.htm.
11. Delyagin M.G. World crisis. The general theory of globalization. – M., Infra-M. : 2003 – 231 pp.
12. Kravchenko S.A. A complex society: demand turns in sociology // Sotsis. 2012. № 5. – S. 20.
13. Toshchenko Z.T. New faces of activity: // Sotsis imitation. 2012. № 12. – S. 23.
14. Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Volume I. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – P. 165.
15. Colin K.K. New information culture as a global problem. – [Electronic resource]. - Mode of access: <https://www.google.ru/url sa = t & rct = j & q = & escr = s & source = web & cd?>

ГОЛОВИН

Юрий Алексеевич,
д. полит. н., Ярославский госу-
дарственный университет
им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия
info@журналпоиск.рф

GOLOVIN

Jurij Alekseevich,
Doctor of Political Sciences,
P.G. Demidov Yaroslavl State
University,
Yaroslavl, Russia
info@журнал поиск.рф

**Возрастание роли НКО в развитии и управлении
гражданской активностью в Ярославской области^{1/}
An increased role of the Non-for Profit Organisations in
shaping and supporting civil activity in the Yaroslavl Oblast**

Аннотация

В современной России формируется механизм взаимодействия органов власти и общества. Организационной основой механизма взаимодействия власти и граждан стали общественные палаты федерального, регионального и муниципального уровней, некоммерческие общественные организации. Динамика политического процесса и политических отношений в Ярославской области – предмет исследований ярославских ученых – политологов.

Ключевые слова

Гражданская активность в российском обществе; общественные палаты Ярославской области; некоммерческие организации в управлении гражданской активностью на региональном уровне.

Abstract

A mechanism of interaction between the authorities and society is being shaped in the modern Russia. The civil chambers at a federal, regional and municipal levels as well as non-for profit organisations constitute a basis for such mechanism. The political

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №16-03-00394 а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

process and political relationship dynamics in the Yaroslavl Oblast are studied by the political scholars of Yaroslavl.

Keywords

Civil activity in the Russian society; civil chambers of the Yaroslavl Oblast; non-for profit organisations in supporting civil activity at a regional level.

В 2016-2018 года прогнозируется рост гражданской активности в России, это обусловлено проведением ряда крупных избирательных кампаний на федеральном и региональном уровнях. Возрастают и протестные настроения в связи с кризисными явлениями в российской экономике и социальной сфере. Эти факторы создают напряжение в социально-политических отношениях в российском обществе и требуют создания эффективного механизма взаимодействия органов государственной и муниципальной власти и общественных организаций. Не секрет, что некоторые некоммерческие организации, созданные в 90-х годах прошлого века при финансовой поддержке зарубежных фондов, занимали деструктивную позицию по отношению к органам государственной власти. События, происходящие в настоящее время на Украине показывают, к каким негативным последствиям приводит такая позиция.

Большие надежды по совершенствованию механизма взаимодействия власти и общества возлагаются на общественные палаты, которые созданы на федеральном, региональном и даже муниципальном уровнях. На примере общественных палат Ярославской области, а в состав общественных палат Ярославской области и города Ярославля входят преподаватели нашей кафедры – социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, можно сказать, что с этой задачей они справляются. Сам институт общественных палат, не без оснований, критикуют за способы его формирования, недостаточные ресурсы по влиянию на принимаемые органами власти управленческие решения. Тем не менее, общественные палаты становятся основой механизма разрешения конфликтов между органами власти и общественными организациями и повышения гражданской активности.

Летом 2016 года в Ярославле прошел уже XIV Гражданский форум Ярославской области. Ежегодные Гражданские форумы стали уникальной диалоговой площадкой для органов власти и общественности. Проведению форума предшествует большая научно-

исследовательская работа по выявлению тенденций общественно-политической обстановки в регионе.

В январе 2015 года среди сотрудников органов власти и управления Ярославской области НКО «Центр социального партнерства» был проведен опрос, направленный на анализ деятельности гражданского общества, некоммерческих организаций и общественных объединений в регионе. К участию в опросе были привлечены представители 14-ти региональных органов государственной власти и структурных подразделений Правительства Ярославской области, а так же сотрудники администраций 15-ти муниципальных образований. Всего в опросе приняли участие 66 экспертов - сотрудников региональных органов власти и местного самоуправления.¹

По мнению проинтервьюированных экспертов – представителей органов власти регионального и местного уровня, гражданское общество в Ярославской области сегодня характеризуется с одной стороны инертностью (20,0%), с другой стороны ростом активности (24,0%). Рост активности в гражданском обществе представители региональных и местных органов власти, очевидно, связывают с созданием механизмов взаимодействия власти и общества (диалоговые площадки, общественные советы, общественный контроль и т.п.), на что в ходе опроса указали 12,0% экспертов и активной работой общественных организаций - 4,0%. Значительная часть представителей органов власти указывают на несформированность гражданского общества в Ярославской области (16,0%), на наличие в нем разобщенности (8,0%), а так же - боязливости граждан (8,0%) и равнодушия (6,0%). Интересно, что если представители региональных органов власти чаще говорили о несформированности гражданского общества в Ярославской области, то эксперты, работающие в местных органах власти - об инертности общества.

Среди наиболее эффективных форм взаимодействия власти и общественных организаций (НКО) эксперты выделяли такие как Общественная палата (со средним баллом 3,8 по пятибалльной шкале), институт обращения граждан (3,6), система распределения грантов и субсидий (3,5), общественные советы при органах исполнительной власти (3,4). Менее продуктивными, но все же получившими положительную оценку оказались: институт публичных слушаний (3,1) и социальный заказ (3,0). Самую низкую оценку экспертов по итогам 2014 года получила такая форма взаимодействия, как экологическая

¹ Соколов А.В. Гражданская активность в Ярославской области (по оценкам сотрудников органов власти и управления [Текст] // Доклад «О состоянии гражданского общества в Ярославской области за 2014 год». – Общественная палата Ярославской области. – Ярославль, 2015. – С. 51–58

экспертиза (средний балл по 5-ти балльной шкале составил – 2,4). Год назад наименьшая оценка была выставлена - общественной экспертизе законодательства (2,4 балла по итогам 2013 года по 5-ти балльной шкале).

Деятельность общественных организаций и НКО приносит пользу органам региональной и местной власти – в этом уверены 95,5% экспертов. По их мнению, польза заключается, прежде всего, в информировании граждан (25,0%), помощи в решении проблем местного значения (20,5%) и участии организации и проведении различных мероприятий и проектов (20,5%).

Рассуждая об Общественной палате Ярославской области и ее деятельности, большинство экспертов (75,8%) заявили, что, по их личному убеждению, для региональной Общественной палаты приоритетными являются интересы населения; а, по мнению 37,9% участников опроса, для неё первостепенны интересы власти. Интересно, что те, кто сталкивались с деятельностью Общественных палат (местных и региональной), чаще говорят о приоритетности в её деятельности интересов власти (43,8%, что 6 п.п. выше среднего показателя).

В целом работу Общественной палаты Ярославской области второго созыва эксперты оценили на 5,6 баллов по 10-ти балльной шкале. Следует обратить внимание, что оценки экспертов, взаимодействующих с Общественной палатой в течение периода её работы, были более позитивны, чем тех, кто с ней не взаимодействовал (6,3 баллов и 5,2 балла соответственно).

В Ярославской области ситуации с нарушением прав граждан, как правило, возникают в трех сферах: жилищно-коммунального хозяйства (60,9%), трудовых прав (25,3%) и здравоохранения (24,5%). Особенно часто, согласно результатам опроса, законные права граждан в сфере ЖКХ нарушаются в малых городах (70,0%), в сфере трудовых прав больше всего нарушений фиксируется в г. Рыбинске (31,6%), в сфере здравоохранения – в крупных и малых городах региона (28,0%).

Две трети тех, кто в той или иной мере сталкивался с ситуациями, когда возникала необходимость защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти, сообщили, что им или их знакомым удалось полностью либо частично отстоять свои законные права (69,7%).

Никогда не слышали о ситуациях, когда гражданам нужно было защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти 41,0% респондентов.

О деятельности Общественных палат (Российской Федерации, Ярославской области, муниципального образования области) знают лишь 22,1% жителей Ярославской области. Причем осведомленность населения ограничивается лишь двумя общественными институтами федеральной Общественной палатой и региональной (43,2% и 39,2% соответственно). В ходе исследования многие участники опроса путали Общественную палату с различными органами власти, их подразделениями и структурами (например: Счетной палатой).

Большинство жителей региона не знают, чьи интересы, прежде всего, являются приоритетными для Общественной палаты Ярославской области. На соответствующий вопрос ответ «населения» дали только 27,2% респондентов.

По мнению относительного большинства участников опроса, основными мотивами работы членов Общественной палаты Ярославской области являются их меркантильные интересы: возможность получения финансирования (24,1%), статус (23,6%), возможность лоббирования интересов своей организации (12,8%). Каждый третий полагает, что членов Общественной палаты Ярославской области мотивация вообще отсутствует.

Очередной опрос силами преподавателей кафедры социально-политических теорий ЯрГУ проведен в январе 2016 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше. Опрос проводился методом (телефонного опроса) по метужительствареспондентов по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 735 человек – представители различных социально-демографических групп проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области.¹

Потенциал гражданского участия в работе некоммерческих организаций и общественных объединений в Ярославской области на протяжении последних трёх лет падает: с 41,6% (20,0% – допускают личное участие в работе НКО, 21,6% – скорее допускают) до 31,7% сейчас (17,3% и 14,4% соответственно). Казалось бы, на этом фоне должно наблюдаться увеличение доли граждан, отрицающих возможность личного участия в работе НКО. Однако, число таковых за этот же период также упало с 55,2% (в 2012 году) до 48,3% (январь 2016 года). В то же время, в шесть с половиной раз увеличилась доля затруднившихся с ответом на соответствующий вопрос: с 3,1% до 20,0%. Данный факт в очередной раз подтверждает наличие в ярос-

¹ Соколов А.В. Некоммерческие организации и гражданская активность в Ярославской области // Доклад о развитии гражданского общества в Ярославской области в 2015 году. Ярославль, 2016. – С. 3 – 15.

лавском социуме тенденции к пересмотру настроений по отношению к НКО, а также наличие противоречивости в восприятии населением деятельности общественных объединений.

В ходе опроса также выяснилось, что уже сегодня 21,5% жителей Ярославской области воспользовались возможностями некоммерческих организаций для получения различных социальных услуг. Самыми востребованными услугами НКО в регионе стали – «медицинские услуги во всех формах социального обслуживания (наблюдение за состоянием здоровья получателя социальных услуг)» – 10,6%, «бытовые услуги (услуги социальных работников, социальные услуги в стационаре или на дому)» – 7,3% и «юридические услуги (юридические услуги, защита прав, помощь в оформлении документов)» – 5,9%.

Ярославская область вот уже несколько лет характеризуется наличием широкого спектра возможностей для реализации гражданского потенциала его общественно-политической активности, в том числе, общественного участия в решении социальных вопросов: от простых (писем и обращений) до институциональных (НКО, ТОС). Региональная особенность распространённости форм общественно-политической инициативности на территории региона – повсеместная представленность. Жители любого населенного пункта Ярославской области имеют возможность, не выезжая за пределы своего города (поселка, села, деревни и т.д.), принять участие в различных направлениях общественной инициативы.

Особенно распространены, на территории региона, такие формы гражданской активности как благотворительные акции (27,2% респондентов сообщили, что в их населенном пункте имеется возможность принять участие в данной форме социальной инициативы), письма, сбор подписей под обращениями в органы власти, социальные организации (27,9%); митинги и другие публичные акции (27,3%) и деятельность некоммерческих организаций (25,4%).

Сравнительный анализ результатов двух этапов исследования (январь 2015 и январь 2016 гг.) продемонстрировал весьма высокий рост числа участников общественно-политических событий, инициатив. Все больше жителей Ярославской области участвует в благотворительных акциях (за год доля таковых увеличилась с 22,1% до 28,4%), митингах и акциях протеста (с 13,7% до 16,2%), подписывается под обращениями и письмами в органы власти в т.ч. по средствам сети «Интернет» (с 35,2% до 46,7%). Отдельно следует сказать о НКО и ТОСах. В 2015 году, согласно опросу, они активизировали свою деятельность в регионе, что незамедлительно положительно сказалось на их востребованности среди населения: в янв. 2016

года заявили о своем участии в работе некоммерческих организаций 7,6% респондентов (в янв.2015 года таких было только 3,6%), в работе ТОСов – 2,7% (в январь 2015 года 0,0%). В роли работников и получателей услуг некоммерческих организаций чаще выступают горожане, ТОСов – сельские жители.

С целью исследования особенностей управления гражданской активностью кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова в 2017 году было проведено 16 глубинных интервью с представителями органов власти, некоммерческих организаций и неформальных объединений граждан, членами Общественной палаты Ярославской области и представителей академического сообщества. Также с аналогичным составом была проведена фокус-группа (10 участников). Все респонденты ввиду своей профессиональной деятельности или практического опыта являются экспертами в вопросах развития гражданского общества, определения значимых механизмов его устройства и управления. Разные и противоречивые позиции экспертного мнения позволили всесторонне оценить те инструменты, кейсы и результаты управления гражданской активностью, которые существуют в Ярославской области.

Главным приоритетом в управлении гражданской активности должна стать совместная (государства и НКО, гражданских активистов, других заинтересованных субъектов) выработка целевых ориентиров развития гражданского общества (отдельных его сегментов). Это позволит разработать адекватный инструментарий для достижения обозначенных целевых показателей. Результатом взаимодействия по разработке данных целевых показателей могут стать дорожные карты мер по развитию НКО, гражданской активности в целом, так и адаптации системы государственного и муниципального управления под изменяющиеся общественно-политические и социально-экономические условия.

Одной из форм определения целевых показателей для НКО может стать выделение перечня приоритетных сфер (социальных проблем), в которые государство готово вовлекать НКО и гражданских активистов, выделяя на эту деятельность необходимые ресурсы.

Среди основных перспектив дальнейшего развития управления гражданской активностью можно выделить следующие:

1. увеличить объема выделяемых средств на реализацию программы поддержки СО НКО;
2. четкое выделение приоритетов;
3. расширение форм поддержки;
4. обучение НКО и гражданских активистов;

5. развитие системы ресурсных центров, которые могут взять на себя работу с различными группами НКО, гражданских активистов, посредничество между ними и органами власти.

Диверсификация источников доходов НКО создаст условия устойчивости работы НКО, повысит их независимость от органов власти. В свою очередь это позволит им постепенно стать равноправными партнерами органов власти в решении социально значимых проблем региона.

Среди инструментов, которые бы позволили сделать управление гражданской активностью более результативным, можно выделить открытость, доступность и прозрачность процедур используемого инструментария. С предоставлением большей информации гражданам, с большей гласностью органов власти и большей прозрачностью проведения, например, общественных слушаний возможен спад негативной гражданской активности и ее перевод в конструктивное и содержательное русло. Даже скандальные выступления активистов на слушаниях могут быть использованы для решения социально значимых проблем, формирования диалога между активистами и властью.

Демонстрация отклика на запросы граждан, на высказанными ими замечания и предложения постепенно будет формировать культуру взаимодействия, доверие сторон, которые смогут создать условия для дальнейшего более эффективного управления в данной сфере.

Перспективным представляется мониторинг гражданской активности посредством интернета через различные площадки, где создаются петиции, обращения. Это один из самых простых инструментов, который позволит выявлять потребности общества и успешно реагировать на них. Выявление острых проблемных ситуаций на начальных стадиях их развития позволит разрабатывать адекватные варианты их решения и сохранять устойчивость всей региональной общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе. Выявление конструктивных инициатив позволит распространять их опыт на всю территорию региона, решая тем самым острые социальные проблемы, снижая социальную напряженность.

Возможным инструментом, который позволил бы сделать управление гражданской активностью более эффективным, может стать повышение ответственности НКО и гражданских активистов за ту финансовую помощь, которую они получили, а также за осуществляемую деятельность в целом. В данном случае можно говорить о формальной отчетности (предоставлении документов), а публич-

ной отчетности, открытости деятельности самих НКО перед обществом, коллегами по сектору.

Приоритетом целесообразно обозначить обучение и воспитание молодых гражданских активистов. Это позволит привлечь в сектор новую формацию активистов, ориентированных на собственные силы и способных заниматься решением социальных проблем с позиций персональной ответственности и профессионализма.

Представляется важным формирование и институционализация ряда диалоговых площадок по согласованию интересов НКО, гражданских активистов и органов власти. Одной из таких площадок могут стать общественные палаты. Формирование приоритетов и консолидированных позиций по ключевым вопросам позволило бы повысить эффективность управления гражданской активностью и регионом в целом.

Техническим, но актуальным является упрощение процедуры оказания государственной поддержки некоммерческим организациям, введение межведомственного взаимодействия органов власти в процессе выдачи документов, подтверждающих право НКО на получение данной поддержки. Также целесообразно рассмотреть разработку системы рейтингования общественных организаций (с предоставлением определенных преференций лидерам), которые уже зарекомендовали себя и которые представляют собой профессиональных общественников. В данный реестр могут войти организации по разным направлениям, которые отвечают некоторому списку критериев.

Целесообразно разработать механизм долгосрочной поддержки актуальных, циклических и за много лет зарекомендовавших себя проектов НКО (в том числе проведение крупных ежегодных мероприятий). Это позволит обеспечить повышение качества реализации данных проектов, минимизирует риски для подобных проектов.

Отдельным направлением должна стать оптимизация нормативно-правовой базы, регулирующей гражданскую активность в Ярославской области. В данном случае представляется актуальной детализация и расширение процедур общественного контроля, общественных слушаний.

Перспективным является вовлечение НКО и гражданских активистов в законодательную деятельность и, в первую очередь, обсуждение проектов нормативно-правовых актов. Именно здесь, как профессионалы в своей сфере деятельности, они могут проявить себя и повлиять на итоговый вариант закона, регламентирующий различные стороны общественной жизни. Участие представителей обще-

ства способно оценить проект будущего документа, внести правки таким образом, чтобы учесть интересы различных групп.

Распространение неформальных, не зарегистрированных форм гражданской активности также требует адаптации многих ранее закрепленных институтов по взаимодействию с властью, поддержки властью гражданской активности. Одним из проявлений подобной адаптации стало учреждение в государственной программе по поддержке НКО конкурса проектов физических лиц. Однако необходимо осуществить дополнительные адаптации в работе общественных палат, общественных советов при органах исполнительной власти и т.д.

Таким образом, общественные организации выполняют важную роль по снижению социально-политической напряженности в обществе, способствуют разрешению и урегулированию конфликтов между органами власти и гражданами¹.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №16-03-00394 а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

Библиография

1. Соколов А.В. Гражданская активность в Ярославской области (по оценкам сотрудников органов власти и управления // Доклад «О состоянии гражданского общества в Ярославской области за 2014 год». – Общественная палата Ярославской области. – Ярославль, 2015.

2. Головин Ю.А. Развитие социально-политических напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России (Нижний Новгород – Ярославль) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2010. №5.

3. Соколов А.В. Некоммерческие организации и гражданская активность в Ярославской области // Доклад о развитии гражданского общества в Ярославской области в 2015 году. Ярославль, 2016.

¹ Головин Ю.А. Развитие социально-политических напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России (Нижний Новгород – Ярославль) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2010. №5, С.57-63.

References

1. Sokolov A.V. Civic activism in the Yaroslavl region (according to the estimates of the officials of the government and the government [*Grazhdanskaja aktivnost' v Jaroslavskoj oblasti (po ocenkam sotrudnikov organov vlasti i upravlenija)*] // Report on the state of civil society in the Yaroslavl region for 2014. - Public Chamber of the Yaroslavl Region .– Yaroslavl, 2015.
2. Golovin Yu.A. Development of socio-political tensions and conflicts in large regional centers of Russia (Nizhny Novgorod – Yaroslavl) [*Razvitie social'no-politicheskikh naprjazhenij i konfliktov v krupnyh regional'nyh centrakh Rossii (Nizhnij Novgorod – Jaroslavl')*]// Bulletin of Moscow University. - Series 12: Political Science, – 2010. – Iss.5
3. Sokolov A.V. Non-profit organizations and civic activism in the Yaroslavl region [*Nekommercheskie organizacii i grazhdanskaja aktivnost' v Jaroslavskoj oblasti*]// Report on the development of civil society in the Yaroslavl region in 2015. Yaroslavl, 2016.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски – постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации встраиваются непосредственно в текст статьи.** Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее – на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы

публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

– **аннотация** (резюме) объемом 15–20 строк на русском и английском языках;

– **список 3–4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

– **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором – адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете:

<http://www.журналпоиск.рф>

RULES OF PUBLICATION

Materials for publication in the journal «P.O.I.S.K» must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. The manuscript should not exceed 10-12 pages. Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. All signs that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. The formulas and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. A numbered bibliography should not exceed 1 pp. (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10- 15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 2 (61)
Март-Апрель 2017 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф